

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год.**

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

3

2021

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer-reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

3

2021

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал.А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е.В. к.филос.н., в.н.с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л.С. д.и.н., декан исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)

Валентей С.Д. д.э.н., профессор Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)

Дынкин А.А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН (Москва, Россия)

Кокошин А.А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)

Полтерович В.М. академик РАН, руководитель научного направления "Математическая экономика" ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)

Торкунов А.В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И.О. д.э.н., директор Института Африки РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

**Байсингер Марк Р.
(Beissinger)**

профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)

Буторина О.В. д.э.н., зам. директора Института Европы РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Войтоловский Ф.Г. д.полит.н., директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, член-корр. РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Габов А.В. д.ю.н., г.н.с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Гарбузов В.Н. д.и.н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)

Глинчикова А. Г. д.полит.н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)

Дискин И.Е. д.э.н., с.н.с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)

Кондаков И.В. д.филос.н., в.н.с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)

**Либман А.М.
(Libman)** профессор Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана (Мюнхен, Германия)

Наумкин В.В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

Нестик Т.А. д.психол.н., г.н.с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)

Паин Э.А. д.полит.н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)

Петренко В.Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Порфирьев Б.Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

**Ремингтон Томас
Фредерик**

профессор Гарвардского университета (Кембридж, США)

Синеокая Ю.В. д.филос.н., заместитель директора Института философии РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)

Тихонова Н.Е. д.социол.н., г.н.с. Института социологии РАН (Москва, Россия)

Фомин-Нилов Д.В. к.и.н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)

Хабриева Т.Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)

Чубарьян А.О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)

Яковлев А.А. к.э.н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала "Общественные науки и современность", 2021

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-014-18 ООО «Интеграция: Образование и Наука»

Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082

Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049

Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su.

Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS, Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentey Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitovskiy Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Thomas F. Remington Professor of Political Science at Harvard University (Cambridge, USA)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Natalya Tikhonova Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2021

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2021

Publisher: Russian Academy of Sciences

Executor under the contract No 4Y-ЭА-014-18 ООО «Integration: Education and Science» Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082

Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia. Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su.

Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И МИР

Пантин В.И. Ценностные размежевания в России и современном мире: значение для внутренней и международной политики	7
Спиридонова В.И. Внешние «вызовы» для российского пространства и формирование цивилизационного «ответа»	19
Недяк И.Л. Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России	30

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Перова М.К. Инвестиционное регулирование в соглашении США-Мексика-Канада	46
Чудинова К.О. Трансформация глобальных цепочек создания стоимости в условиях пандемии COVID-19: решения и стратегии американских МНП	59
Говорова Н.В. Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19	75
Кулькова В.Ю. Цифровая эволюция некоммерческих организаций в условиях COVID-19	88

СТРАНЫ СНГ

Манукян С.А. Проблема социальных дистанций по отношению к субэтническим группам армян в Армении	101
Дмитриев В.А. Армения в условиях начального этапа римско-персидского противостояния (227–338 гг.)	121

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Пападополус М. Наблюдая за Гитлером и Сталиным: отношение Британии к союзу с СССР (январь–июнь 1941 г.)	136
--	-----

CONTENTS

RUSSIA AND THE WORLD

- Pantin V.** Value Cleavages in Russia and Contemporary World: Role in Domestic and International Politics 7
- Spiridonova V.** External «Challenges» for the Russian Space and the Formation of a Civilizational «Response» 19
- Nedyak I.** Power and Domination in the Collective Imaginary. Factors of the (de)formation of the Political Sphere in Russia 30

THE WORLD ECONOMY

- Perova M.** Investment Regulations in the United States – Mexico – Canada Agreement 46
- Chudinova K.** Global Value Chains Transformation and the COVID-19 Pandemic: Solutions and Strategies of American MNEs 59
- Govorova N.** Poverty and Inequality: Challenges of the COVID-19 Pandemic 75
- Kulkova V.** The Digital Evolution of Socially Oriented Nonprofit Organizations in the Context of COVID-19 88

CIS COUNTRIES

- Manukyan S.** The Problem of Social Distances in Relation to Sub-ethnic Groups of Armenians in Armenian Society 101
- Dmitriev V.** Armenia in the Context of the Initial Stage of the Roman-Persian Confrontation (227–338 AD) 121

WORLD WAR II

- Papadopoulos M.** One Eye on Hitler, the Other Eye on Stalin: How Britain Explored a British-Soviet Alliance from January to June of 1941 136

DOI: 10.31857/S086904990015417-0

РОССИЯ И МИР RUSSIA AND THE WORLD

Оригинальная статья / Original Article

Ценностные размежевания в России и современном мире: значение для внутренней и международной политики

© В.И. ПАНТИН

Пантин Владимир Игоревич, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), v.pantin@mail.ru

В статье автор рассматривает роль ценностных размежеваний и расколов в современной политике, их влияние на возникновение и регулирование внутривнутриполитических и международных конфликтов. На примере ряда постсоветских стран показана важность адаптации политических институтов к существующим базисным ценностям, традициям и политической культуре данного общества. Сделан вывод о том, что для консолидации российского и ряда других постсоветских обществ, их динамичного социально-политического развития необходимо формирование интегрирующей системы ценностей в сочетании с традиционными и современными, социально ориентированными и либеральными ценностями. Рассмотрено влияние различных систем ценностей на международные отношения в современном мире, показано, что наиболее прочные международные региональные экономические и политические союзы формируются на общей или близкой цивилизационной и ценностной основе.

Ключевые слова: ценности, ценностные размежевания, политические институты, политические конфликты, идентичность, международная политика, Россия, постсоветские страны.

Цитирование: Пантин В.И. (2021) Ценностные размежевания в России и современном мире: значение для внутренней и международной политики // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 7–18. DOI: 10.31857/S086904990015417-0

Value Cleavages in Russia and Contemporary World: Role in Domestic and International Politics

© V.I. PANTIN

Vladimir I. Pantin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), v.pantin@mail.ru

Abstract. This article analyses the role of value cleavages and splits in the contemporary politics as well as how they are influencing the formation and regulation of domestic and international political conflicts. The article demonstrates the importance of adaptation of political institutions to basic values, traditions and political culture in post-Soviet societies. The author concludes that creation of the integral values system is necessary for consolidation of Russian and other post-Soviet societies, as well as for their social and political development. This integral system should include traditional and modern values, as well as liberal and social values. The influence of different value systems on international relations in contemporary world is considered. As the author demonstrates, the most coherent regional economic and political unions are formed on common or similar civilizational and value basis.

Keywords: values, value cleavages, political institutions, political conflicts, identity, political instability, international politics, Russia, post-Soviet countries

Citation: Pantin V. (2021) Value cleavages in Russia and contemporary world: role in domestic and international politics. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 7–18. DOI: 10.31857/S086904990015417-0 (In Russ.)

В современном мире ценностные размежевания, разделения и расколы играют все большую роль во внутренней и международной политике. Данная тенденция связана с процессами информационной, технологической и экономической глобализации. Усиливается взаимодействие между разными культурами и цивилизациями, которым присущи различные системы базовых ценностей. Растет интенсивность информационных потоков, которые воздействуют на сознание людей поверх государственных границ, что заставляет их воспринимать события не только «у себя дома», но и в других странах. В результате у отдельных личностей и у целых социальных групп возникает более или менее выраженная реакция на иные ценности и культурные нормы, которые неизбежно привносятся вместе с информационными потоками. Новые социальные и политические технологии дополнительно воздействуют на сознание человека, в том числе на его ценности и предпочтения.

Кроме того, ощутимо нарастающие потоки глобальной, в том числе инокультурной миграции, порождают «столкновение ценностей» и «столкновение цивилизаций». Такого рода «столкновения» (ценностные размежевания, разделения и разломы) характерны не только для отношений между государствами [Huntington 1996], но и для взаимодействия между разными социальными и культурными группами *внутри* одного и того же общества [Inglehart, Welzel 2005; Арбатова, Кокеев 2016; Холодковский 2019]. Более того, ценностные размежевания могут взаимодействовать с другими – этническими, цивилизационными, конфессиональными или поколенческими [Huntington 1996; Guelke 2012; Dossan 2021]. В данной ситуации они могут резко усиливать друг друга. В результате социальные, политические и социально-демографические размежевания способны приобретать ярко выраженную эмоциональную и ценностную окраску, что сильно затрудняет диалог и поиск необходимых компромиссов.

Взаимное непонимание и неприятие ценностей «других» часто ведет к политическим столкновениям и дестабилизации. Также это может стать причиной эскалации

напряженности в отношениях между разными социальными группами внутри общества и между разными государствами в мировой политике. В частности, конфликт и растущая напряженность в отношениях между современным Западом и Россией во многом связаны с разным восприятием таких преимущественно политических ценностей, как «Свобода», «Справедливость», «Демократия», «Права человека», «Государство», «Личность», «Порядок» и др. Более того, иерархия этих ценностей отличается в классической западноевропейской и в традиционной российской системе. В западноевропейской системе базисных ценностей выше всего ценятся *Личность, Индивидуальная Свобода, Частная собственность, Право, Равенство перед Законом, Эквивалентный Обмен, Производительный Труд, Развитие* [Кульпин 1995, 144]. В традиционной российской системе ценностей доминировали *Государство, Социальная Справедливость, Правда, Служение, Порядок*. Несмотря на все социальные пертурбации советского и постсоветского периодов, они продолжают играть важную роль и в современном российском обществе [Кульпин 1995, 161; Рябов, Курбангалеева 2003; Дробижева 2018]. В традиционной конфуцианской (китайской) системе значимы такие ценности, как *Государство, Мир в душе человека и в обществе, Порядок, Традиции, Иерархия, Ритуал, Прошлое (конфуцианское) Знание, Стабильность* [Кульпин 1995, 138–139; Huntington 1996, p. 108]. Несмотря на процессы модернизации, эти ценности до сих пор играют большую роль в современном китайском обществе [Ломанов 2015].

Одновременно в России и Китае под влиянием модернизации и вестернизации произошло размежевание представителей элитных и массовых групп на сторонников традиционных и сторонников западных ценностей. Парадоксально, но и внутри современных западных обществ наблюдаются подобные тенденции, хотя и иного рода. Прежде всего, произошло разделение на сторонников классических западноевропейских (или американских) и сторонников постсовременных «постмодернистских» ценностей [Norris, Inglehart 2019]. Подобное разделение в явном виде проявлялось в США на протяжении последних двух десятилетий. В ходе президентских выборов 2020 г. это привело к глубокому политическому расколу американского общества на сторонников Д. Трампа и Дж. Байдена.

Ценностные размежевания и расколы относятся к наиболее сложным и труднопреодолимым социокультурным разделениям. Часто их не учитывают при выработке и проведении внутренней и внешней политики. Одновременно ценностные размежевания, если они не переходят в глубокие расколы и острые политические конфликты, важны для сохранения культурного, социального и политического разнообразия – необходимого условия для развития всякого общества. Более или менее насильственная ликвидация размежеваний, ценностная унификация и стандартизация приводят к исчезновению в обществе полноценного диалога и необходимой полемики. Отсутствие конкуренции идей и альтернатив развития рано или поздно приводит к «застою» и деградации политической и социальной системы, как произошло в Советском Союзе. Ценностные размежевания часто трудно верифицировать, четко определить их характер, границы и глубину, что затрудняет их исследование и тем более формализацию. Тем не менее их можно выявлять и исследовать с помощью социологических методов, а также используя элементы историко-культурного, культурологического и политического анализа [Кульпин 1995; Рябов, Курбангалеева 2003].

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать многостороннее влияние ценностных размежеваний и расколов на внутреннюю и международную политику в современных обществах, прежде всего в постсоветских странах и в ряде других государств. В качестве методологических подходов в статье используются цивилизационный и институциональный подходы, а также концепции С. Роккана [Lipset, Rokkan 1967] и А. Лейпхарта [Lijphart 2004], адаптированные к современной реальности с учетом происходящих в начале XXI в. культурных сдвигов и социально-политических изменений.

Ценностные размежевания и политические институты

Ценностные размежевания и расколы влияют на функционирование политических институтов, их характер и эффективность. В обществах, где существует консенсус в отношении сложившихся политических институтов, их эффективность достаточно высока. Такие институты обладают устойчивой легитимностью и важны как часть политической системы. В то же время в обществах с глубокими ценностными размежеваниями и расколами (например, в ряде постсоветских стран) легитимность политических институтов постоянно ставится под вопрос, что порождает их низкую эффективность. Правда, как показывают события последних лет в США, Великобритании и странах ЕС, даже страны с устойчивыми и эффективными политическими институтами не застрахованы от социальных и политических конфликтов, внутренней дестабилизации и кризиса институтов в случае возникновения ценностных и иных расколов [Ferguson 2014; Вайнштейн 2018; Hooghe, Marks 2018]. Однако особенно остро вопросы эффективности политических институтов стоят в странах с переходными политическими режимами, недавно заимствовавших эти институты у других государств.

В чем состоит проблема «имплантации» политических институтов? Заимствованные институты должны более или менее органично вписываться в историю, традиции, культуру и соответствовать доминирующим ценностям общества. Или, по крайней мере, не противоречить им. В противном случае такие институты будут отвергнуты. Или, что встречается гораздо чаще, они приобретут совершенно иной характер и будут функционировать в соответствии с историческими традициями, политической культурой и ценностями данного общества. Следует отметить, что многие из популярных в 1980-х–1990-х гг. концепций «демократического транзита» [O'Donnell, Schmitter 1986; Przeworski 1991] не учитывали всю сложность проблемы формирования новых политических и иных институтов, игнорируя важные социокультурные, ценностные, цивилизационные факторы. В определенной мере учесть эти факторы пытаются исследователи, работающие в рамках неоинституционального [Adcock, Bevir, Stimson 2007; Hale 2015] и социокультурного подходов [Inglehart, Welzel 2005; Isaaks, Polese 2016; Dossan 2021]. Впрочем, вклад этих исследований в политическую теорию и практику пока что остается недостаточным.

К чему ведет недооценка культурного и ценностного климата для эффективности функционирования и самого характера институтов? В качестве важного примера приведу заимствование в 1990-е гг. западных политических институтов Россией и другими постсоветскими странами. В начале 1990-х гг. многие постсоветские государства активно перенимали и даже копировали американские и западноевропейские политические институты – институт президентства, парламент, политические партии, институт выборов, институт местного самоуправления и др. Вместе с тем они игнорировали «нестыковку» данных институтов с политической и социальной реальностью, политической культурой и доминирующими ценностями постсоветских обществ. Более того, ценностные размежевания и расколы, как правило, не принимались во внимание – например, разделение общества на сторонников западных либеральных ценностей и на приверженцев советских или традиционных для данных обществ ценностей.

В результате заимствованные из западной политической практики институты часто приобретали совершенно иной характер. Институт президентства во многих постсоветских странах стал приобретать выраженные авторитарные черты, институт многопартийности превратился в феномен «партии власти», институт местного самоуправления стал инструментом обогащения местных кланов и элит. Однако самое главное – из-за игнорирования ценностных размежеваний и различий, неумения или нежелания искать компромиссы между разными социальными группами в большинстве постсоветских об-

ществ возникли острая социальная напряженность и политические конфликты. В России это привело к трагическим событиям октября 1993 г., а в других странах — к «цветным революциям», государственным переворотам, гражданскому противостоянию, что вызвало значительное падение эффективности политических институтов и всей политической системы.

Разумеется, политические и социальные институты тоже влияют на ценностную и культурно-историческую основу общества. Немалую роль играет и заимствование опыта других, прежде всего развитых стран. Однако значимое воздействие на доминирующие в обществе ценности и его культуру возможно лишь в длительной перспективе. Адаптация институтов к социокультурным условиям данного общества или цивилизации должна сопровождаться также и адаптацией общества к институтам. В противном случае возникнет глубокий ценностный и политический раскол, угрожающий самому существованию общества и государства.

Для эффективного функционирования политических институтов важно учитывать доминирующие в данном обществе ценности, традиции и культурные нормы. Необходимы взаимная «притирка» и адаптация политических институтов и общества, причем эти процессы требуют длительного времени, смены поколений и постоянного подтверждения эффективности институтов с точки зрения общественного развития.

Роль ценностных размежеваний в российском и других постсоветских обществах

Не вдаваясь в длительные споры между западниками и славянофилами, можно констатировать, что в географическом, геополитическом и культурно-цивилизационном плане Россия занимает промежуточное положение между Западом и Востоком, представляя вместе с тем самостоятельное политическое и культурно-цивилизационное образование [Тоунбее 1948; Бродель 1992, 455; Вернадский 1997]. В силу такой позиции для российского общества, ее интеллигенции и элиты характерны достаточно глубокие ценностные и культурные размежевания и расколы [Панарин 1995]. Ключевую роль в современной российской культуре и политике играют размежевания между традиционалистами (почвенниками, государственниками), с одной стороны, и либералами-западниками — с другой [Рябов, Курбангалеева 2003; Пантин 2019, 33–34]. Неустойчивость цивилизационных оснований России не раз ставила ее на грань гражданской войны и геополитической катастрофы. Российский философ и политолог А. Панарин отмечал: «Наряду с этим имеется, на наш взгляд, и еще одна общая причина слабости цивилизационных оснований в России. Она касается ее промежуточного цивилизационного положения между Востоком и Западом, Севером и Югом... Цивилизационная промежуточность требовала универсалистской восприимчивости, тяготы пространства и времени, истории и географии требовали нередко предельной мобилизации духа, способности справиться и с вызовами сурового климата, и с вызовами воинственных соседей» [Панарин 1995, 27–28].

Ценностные, социальные и политические разногласия в сегодняшнем российском обществе препятствуют его консолидации, что ощущают большинство российских граждан. В ходе всероссийского опроса, который проводил ВЦИОМ в 2019 г., на вопрос «Есть ли в России, по вашему мнению, сегодня народное единство или нет?» 54% опрошенных ответили «скорее нет», 37% респондентов сказали «скорее есть» и еще 9% затруднились с ответом¹.

¹ Опрос ВЦИОМ «Народное единство: мечта или реальность?» (2019) (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-mechta-ili-realnost>).

Социокультурная ситуация в российских регионах существенно различается, поскольку заметно разнится уровень их модернизации и социально-экономического развития [Латин 2015; Латин 2016]. С подобной неоднородностью и с культурно-исторической спецификой регионов России необходимо считаться в политике идентичности [Дробижева 2018]. Вместе с тем, как показывают события 1990-х–2010-х гг., размежевания между сторонниками традиционных и современных прозападных ценностей играют принципиально важную роль в современном российском обществе, особенно в крупных городах, и активно влияют на политические процессы в России.

В настоящее время эти процессы приобретают характер противоречий между социальными группами, ориентированными на западные либеральные ценности (*Индивидуальная свобода, Частная собственность, Материальный успех, Рынок, Деньги*), и группами с традиционными российскими и советскими ценностями (*Государство и Государственный патернализм, Семья, Социальная справедливость, Порядок, Развитие на основе собственных традиций и собственной культуры*). Разумеется, кроме этнических, региональных, конфессиональных, идеологических убеждений, в современном российском обществе бытуют и многие другие ценностные размежевания. В данном случае речь идет о наиболее важных и острых, которые могут привести к серьезным социально-политическим противостояниям и конфликтам.

С другой стороны, эти размежевания приобретают также поколенческий характер: значительная часть молодежи в большей степени ориентирована на западные либеральные ценности [Горшков, Шереги 2020]. Большинство же представителей среднего и старшего поколений, переживших распад государства в начале 1990-х гг., в той или иной мере придерживаются традиционных (или полутрадиционных) российских и советских ценностей.

В российском обществе ценности социальной справедливости всегда играли и продолжают играть важную роль. Вместе с тем значительная часть россиян не видят действий власти по ее укреплению. По данным всероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ в 2018 г., только 29% опрошенных согласны с утверждением, что политика российских властей сегодня скорее способствует укреплению социальной справедливости. 32% респондентов выразили противоположное мнение и еще 30% посчитали, что эта политика никак не влияет на справедливость общества. Остальные 9% опрошенных затруднились с ответом².

Очевидно, что перед Россией и другими постсоветскими государствами стоит цель сформировать интегрирующую общество систему ценностей. В ней должны сочетаться традиционные и современные, социально ориентированные (в том числе коллективистские) и либеральные ценности. В ее основе может лежать ключевая в современных условиях ценность *Развития Человека и Общества*. Без такой консолидации невозможно *выработать* и воплотить в жизнь эффективную политику социального и экономического развития. С одной стороны, она должна отвечать реалиям современного, весьма динамичного мира, многочисленным технологическим, социальным и геополитическим вызовам. С другой – учитывать особенности, традиции и доминирующие ценности данного общества.

На сегодняшний день ни одна из постсоветских стран, включая Россию, не смогла сформировать такую систему ценностей и провести эффективную политику развития на ее основе. Между тем потребность в такой политике и ценностной интеграции со временем только возрастает. Во многом это связано с попытками постсоветских элит некритически заимствовать, копировать западную систему ценностей и механически

² Опрос ВЦИОМ «Социальная справедливость в России» (2018) (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-spravedlivost-v-rossii>).

«скрестить» ее с местным национализмом. В результате вместо новой органичной системы, которая должна возникнуть в результате творческой адаптации и переработки западных и традиционных ценностей, возникает эклектичная и подчас взрывчатая смесь плохо усвоенного либерализма и национализма. Набор никак не совместимых друг с другом ценностей и норм не может объединить общество и, тем более, способствовать его эффективному поступательному развитию. Напротив, такое положение дел консервирует старые и порождает новые ценностные и социокультурные расколы. В этом и состоит одна из серьезных угроз развитию российского и других постсоветских обществ.

Среди постсоветских обществ по глубине конфликтогенных ценностных расколов следует выделить Украину, Молдову и Беларусь. Наиболее серьезные из таких расколов в этих странах разделили сторонников более или менее выраженного этнического национализма, агентов «европейских ценностей» и приверженцев полутрадиционных или же советских ценностей [Семененко, Лапкин, Бардин, Пантин 2017; Бардин, Баринов 2018; Соловьев, Чуфрин 2020]. Противоречия в сочетании с этническими, региональными, культурно-историческими и другими размежеваниями в данных государствах привели к серьезным внутривнутриполитическим конфликтам. В свою очередь, такого рода коллизии, тесно переплетаясь с внешнеполитическими конфликтами, препятствуют модернизации и поступательному развитию этих стран, а также усиливают региональную и глобальную напряженность [Соловьев, Чуфрин 2020].

Ценностные размежевания в международной политике

В международной политике наличие различных систем ценностей проявляется, прежде всего, в противоречиях и конфликтах на межцивилизационной и межконфессиональной основе. В современном международном политическом дискурсе активно используют такие концепты и идеологемы, как «европейские ценности», «американские ценности», «конфуцианские ценности», «азиатские ценности», «исламские ценности» [Huntington 1996, 108, 114–115; Ефимова, Хохлова 2020]. Более того, в современном мире эти концепты и идеологемы, апеллируя к реальным или сконструированным ценностям, нередко служат важными инструментами политической борьбы и информационных войн.

Пока различные системы базовых ценностей ограничены исторически сложившимся ареалом и не навязываются всеми средствами другим народам и цивилизациям, ценностные различия не приводят к резким ценностным расколам и, как следствие, к международным конфликтам, «столкновению цивилизаций». Любое насилие и попытки представить те или иные ценности, например, европейские, американские или азиатские в качестве «глобальных» и «универсальных», неизбежно вызывают сопротивление, способствуя возникновению международных политических конфликтов. В частности, с этим связан подъем радикализма и экстремизма в исламском мире и другие проявления религиозного фундаментализма и фанатизма. Современные конфликты между Западом и Россией, между США и Китаем также в немалой степени вызваны попытками западных государств распространить свои ценности и социокультурные нормы на страны и общества, которые исторически принадлежат к другим культурам и цивилизациям.

Западные и незападные общества осознанно или неосознанно игнорируют существующие между ними различия в ценностных предпочтениях. В доминирующих культурных нормах и ориентациях усиливается крайне опасное недопонимание. Диалог по важнейшим вопросам и проблемам сильно затруднен и часто непродуктивен. Подобный подход – и это с очевидностью показывают социальные и политические последствия COVID-19, изменение климата, продолжающиеся локальные войны и усиление общей нестабильности в мире — может привести человечество к крупным провалам и катастрофам. Дальнейшая эскалация информационных и психологических войн чревата деградацией и сломом меж-

дународных институтов, возникших после Второй мировой войны. Такой поворот неизбежно приведет к хаосу в международных отношениях и к резкому нарастанию угрозы ядерной войны. В то же время назревшая потребность в реформировании международных институтов, их адаптации к новым реалиям сталкивается с глубокими противоречиями и конфликтами между ведущими государствами, в том числе на ценностной и социокультурной основе.

Формированию нового полицентричного и многоцивилизационного мирового порядка, разумеется, во многом препятствуют ценностные размежевания. Наряду с этим отдельные государства пытаются превратить их в глубокие расколы для того, чтобы использовать разногласия в своих экономических и геополитических интересах. Тем не менее, в современном мире наиболее прочные региональные союзы (например, ЕС, НАФТА, АСЕАН, ЕАЭС, Всестороннее региональное экономическое партнерство), как правило, формируются на общей или близкой ценностной и культурно-цивилизационной основе. Иными словами, тенденция к полицентризму (многополярности) пробивает себе дорогу, хотя и не без многочисленных трудностей и конфликтов.

Главная проблема заключается в том, как и на какой основе будут взаимодействовать между собой эти международные региональные союзы? Удастся ли им мирно преодолеть существующие противоречия? Смогут ли они научиться слышать и понимать друг друга? Такое взаимодействие заложило бы основу нового формата глобализации, который учитывал бы культурно-цивилизационное и ценностное многообразие современного мира. Впрочем, пока в отношениях между региональными союзами, наряду с экономическим взаимодействием и партнерством, преобладают жесткая конкуренция и стремление получить односторонние преимущества. Распространение сферы одностороннего влияния далеко за пределы своего культурно-цивилизационного и геополитического ареала приводит к международным конфликтам, информационным, дипломатическим, торговым войнам. Такая ситуация может быть нестабильной, конфронтационной и зачастую хаотической. В результате возникают огромные риски для всего мира, включая дальнейшее распространение международного терроризма и перерастание «гибридных» войн в войны «горячие».

Выход из тупиков конфронтации и перманентной глобальной нестабильности, как представляется, во многом связан с учетом ценностных и культурно-цивилизационных различий ведущими государствами. Необходимо вырабатывать реальную международную политику, основанную на признании таких противоречий. Моделью функционирования международных институтов, учитывающих реальные культурно-цивилизационные и политические различия между государствами, может служить Совет Безопасности ООН. Кроме того, существуют организации и площадки (БРИКС, ШОС, G20 и т.д.), куда входят страны, представляющие разные цивилизации. Решения в них принимают единогласно (с правом вето). Функционирование и развитие таких международных институтов показывает, что к важным для всего мира решениям могут приходиться страны с разными системами ценностей и с разными культурно-цивилизационными нормами. Напротив, попытки насильственно, не считаясь с культурными и социальными различиями, внедрить всюду одни и те же ценности и нормы ведут не к формированию «универсальной цивилизации» и органичному единству, а к усилению конфронтации, кризисам, росту внутривосточной и глобальной нестабильности.

* * *

Подводя итоги, можно сделать вывод, что влияние ценностных размежеваний на внутривосточные и международные процессы в современном мире существенно возрастает. Однако учет этого влияния во внутренней и международной политике резко отстает от происходящих культурно-цивилизационных изменений и ценностных сдвигов.

В ситуации, порожденной процессами глобализации, игнорирование прежних и новых ценностных размежеваний, в том числе вызванных массовой инокультурной иммиграцией, межэтническими и расовыми противоречиями, ведет к росту социально-политической напряженности и нестабильности во многих западных государствах.

В незападных, в том числе постсоветских обществах, ценностные размежевания усиливаются по мере роста «цифрового неравенства». Модернизационные изменения и социокультурные сдвиги приводят к межпоколенческим, этнополитическим, региональным разделениям и расколам. Новые политические институты, которые были переняты у западных стран, часто не сочетаются с культурными и ценностными основаниями постсоветских обществ. Ценностные разделения могут угрожать серьезными внутренними потрясениями и в современном российском обществе. Необходимо уделить особое внимание формированию культурной, образовательной и информационной политики, диалогу между социальными группами с разными ценностными ориентациями и постепенному формированию системы ценностей, которая объединит большинство граждан. Первым шагом в этом направлении могут стать проекты социально-экономического развития в интересах большей части российского общества, а также политика, направленная на сохранение природы, общества и человека.

В мировой политике игнорирование ценностных размежеваний между обществами разных цивилизаций ведет к взаимному непониманию между государствами, росту конфликтов и общей хаотизации международных отношений. В то же время формирование международных и межрегиональных организаций (ШОС, БРИКС, G20 и др.), которые учитывают ценностные различия, может сыграть важную роль в преодолении конфликтов, в переходе к новому полицентричному мировому порядку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбатова Н.К., Кокеев А.М. (ред.). (2016) ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран. М.: ИМЭМО РАН.
- Бардин А.Л., Баринов И.И. (2018) Проблемы национального развития и консолидации политических пространств (на примере Молдовы и Румынии) // Полис. Политические исследования. № 6. С. 99–111.
- Бродель Ф. (1992) Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс.
- Вайнштейн Г. (2018) Европейский популизм в конце 2010-х // Мировая экономика и международные отношения. Т. 62. № 3. С. 29–38.
- Вернадский Г.В. (1997) Русская история. М.: Аграф.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2020) Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН.
- Дробижева Л.М. (2018) Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. № 5. С. 100–115.
- Ефимова Л., Хохлова Н. (2020) Концептуализация «азиатских ценностей» в Малайзии и Сингапуре // Мировая экономика и международные отношения. Т. 64. № 1. С. 91–98.
- Кульпин Э.С. (1995) Путь России. М.: Московский лицей.
- Лапин Н.И. (2015) Дистанции между состояниями модернизированной макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. № 5. С. 61–71.
- Лапин Н.И. (2016) Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь Мир.
- Ломанов А.В. (2015) Приспособиться к «новой нормальности» // Россия в глобальной политике. Т. 13. № 1. С. 170–186.
- Опрос ВЦИОМ «Народное единство: мечта или реальность?» (2019) (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-mechta-ili-realnost>).

Опрос ВЦИОМ «Социальная справедливость в России» (2018) (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/soczialnaya-spravedlivost-v-rossii>).

Панарин А.С. (1995) Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: Институт философии РАН.

Пантин В.И. (2019) Российское общество начала XX в. и начала XXI в.: проблемы и риски // Социологические исследования. № 11. С. 122–132.

Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш. (отв. ред.) (2003) Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги.

Семенов И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. (2017) Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. № 5. С. 54–78.

Соловьев Э.Г., Чуфрин Г.И. (отв. ред.) (2020) Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы. М.: ИМЭМО РАН.

Холодковский К.Г. (2019) Свобода vs безопасность? Европа и массовая иммиграция // Полис. Политические исследования. № 2. С. 79–91.

Adcock R., Bevir M., Stimson Sh. (2007) *Modern Political Science: Anglo-American Exchanges since 1880*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Dossan Zh. (2021) *Refuge Crisis in North America: Comparative Case Study of the United States and Canada* // *Journal of Politics and Law*. Vol. 14. No. 3. Pp. 59–73.

Ferguson N. (2014) *The Great Degeneration: How Institutes Decay and Economies Die*. London: Penguin Books.

Guelke A. (2012) *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge MA: Polity.

Hale H.E. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regimes Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge Univ. Press.

Hooghe L., Marks G. (2018) *Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage* // *Journal of European Public Policy*. Vol. 25. No. 1. Pp. 109–135.

Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

Inglehart R., Welzel Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge University Press.

Isaaks R., Polese A. (2016) *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space. New Tools and Approaches*. London, New York: Routledge.

Lijphart A. 2004. *Constitutional Design for Divided Societies* // *Journal of Democracy*. Vol. 15. No. 2. pp. 96–109.

Lipset S.M., Rokkan S. (1967) *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction*. S.M. Lipset, S. Rokkan (eds.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives*. New York: Free Press. Pp. 1–64.

Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge Univ. Press.

O'Donnell G., Schmitter Ph. (1986) *Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, London: Johns Hopkins Univ. Press.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge Univ. Press.

Toynbee A. (1948) *Civilization on Trial*. New York: Oxford Univ. Press.

REFERENCES

Adcock R., Bevir M., Stimson Sh. (2007) *Modern Political Science: Anglo-American Exchanges since 1880*. Princeton: Princeton Univ. Press.

Arbatova N.K., Kokeev A.M. (eds.) (2016) *ES pered vyzovom migratsionnogo krizisa. Pozitsii evropejskih stran* [EU at the Challenge of Migration Crisis. Positions of European Countries]. Moscow: IMEMO RAS.

Barдин A.L., Barinov I.I. (2018) *Problemy natsionalnogo razvitiya i konsolidatsii politicheskikh prostranstv (na primere Moldovy i Rumynii)* [Problems of National Development and Consolidation of Political Spaces (The Cases of Moldova and Romania)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 100–115.

- Braudel F. (1992) *Vremya mira. Materialnaya civilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* T. 3. [Time of the World. Material Civilization, Economy and Capitalism, XV–XVIII Centuries. Vol. 3]. Moscow: Progress.
- Dossan Zh. (2021) Refugee Crisis in North America: Comparative Case Study of the United States and Canada. *Journal of Politics and Law*, vol. 14, no. 3, pp. 59–73.
- Drobizheva L.M. (2018) Rossiyskaya identichnost': diskussii v politicheskom prostranstve i dinamika massovogo soznaniya [Russian Identity: Discussions in the Political Space and Dynamics of Mass Consciousness]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 100–115.
- Efimova L., Hohlova N. (2020) Kontseptualizatsiya "aziatskih tsennosti" v Malaizii i Singapore [Conceptualization of "Asian Values" in Malaysia and Singapore]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 64, no. 1, pp. 91–98.
- Ferguson N. (2014) *The Great Degeneration: How Institutes Decay and Economies Die*. London: Penguin Books.
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2020) *Molodezh' Rossii v zerkale sotsiologii. K itogam mnogoletnih issledovaniy* [The Youth of Russia under the Lens of Sociology: Results of Years of Research]. Moscow: FNISTS RAN.
- Guelke A. (2012) *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge MA: Polity.
- Hale H.E. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regimes Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Hooghe L., Marks G. (2018) Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage. *Journal of European Public Policy*, vol. 25, no. 1, pp. 109–135.
- Huntington S.P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Inglehart R., Welzel Ch. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. New York: Cambridge Univ. Press.
- Isaaks R., Polese A. (2016) *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space. New Tools and Approaches*. London, New York: Routledge.
- Kholodkovskii K.G. (2019) Svoboda vs. bezopasnost'? Evropa i massovaya migratsiya [Freedom vs. Security? Europe and Mass Immigration]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 79–91.
- Kulpin E.S. (1995) *Put' Rossii* [The Way of Russia]. Moscow: Moskovskii litsei.
- Lapin N.I. (2015) Distantsii mezhdru sostoyaniyami modernizirovannosti makroregionov Rossi i ih tsivilizatsionnye smysly [Distances between Modernization States of Russian Regions and their Civilizational Meaning]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 61–71.
- Lapin N.I. (2016) *Atlas modernizatsii Rossi i ee regionov: sotsioekonomicheskii i sotsiokulturnye tendentsii i problemy* [Atlas of Russian Modernization and Its Regions: Social and Economic and Sociocultural Tendencies and Problems]. Moscow: Ves' Mir.
- Lijphart A. (2004). Constitutional Design for Divided Societies. *Journal of Democracy*, vol. 15, no. 2, pp. 96–109.
- Lipset S.M., Rokkan S. (eds.) (1967) Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-national Perspectives*. New York: Free Press, pp. 1–64.
- Lomanov A.V. (2015) Prispособit'sya k «novoi normalnosti» [To Adapt to the «New Normality»]. *Rossiya v globalnoi politike*, vol. 13, no. 1, pp. 170–186.
- Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit and Authoritarian Populism*. New York: Cambridge Univ. Press.
- O'Donnell G., Schmitter Ph. (1986) *Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, London: Johns Hopkins Univ. Press.
- Opros VTSIOM «Narodnoe edinstvo: mechta ili real'nost'?» (2019) (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/narodnoe-edinstvo-mechta-ili-realnost>).
- Opros VTSIOM «Sotsialnaya spravedlivost v Rossii» (2018) (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sotsialnaya-spravedlivost-v-rossii>).
- Panarin A.S. (1995) *Rossiya v tsivilizatsionnom protsesse (mezhdru atlantizmom i evraziystvom)* [Russia in Civilizational Process (between Atlanticism and Eurasianism)]. Moscow: Institute of Philosophy RAS.
- Pantin V.I. (2019) Rossiyskoe obshchestvo nachala XX v. i nachala XXI v.: problemy i risli [Russian Society at the Beginning of the XX and of the XXI Centuries: Problems and Risks]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 122–132.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. New York: Cambridge University Press.

Ryabov A.V., Kurbangaleeva E.Sh. (eds.) (2003) *Bazovye tsennosti rossiyan: Sotsialnye ustanovki. Zhiznennyye strategii. Simvolyy. Mify* [Basic Values of Russian People: Social Attitudes. Life Strategies. Symbols. Myths]. Moscow: Dom intellektualnoi knigi.

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. (2017) *Mezhdu gosudarstvom i natsiei: dilemmy politiki identichnosti na postsovetskom prostranstve* [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Politics in Post-Soviet Societies]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 54–78.

Solovyev E.G., Chufrin G.I. (eds.) (2020) *Politicheskie protsessy na postsovetskom prostranstve: novyye trendy i starye problemy* [Political Processes in the Post-Soviet Space: New Trends and Old Problems]. Moscow: IMEMO RAS.

Toynbee A. (1948) *Civilization on Trial*. New York: Oxford Univ. Press.

Vainstein G. (2018) *Evropeyskiy populizm v kontse 2010-h* [European Populism in the Late 2010's]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*, vol. 62, no. 3, pp. 29–38.

Vernadsky G.V. (1997) *Russkaya istoriya* [Russian History]. Moscow: Agraf.

Информация об авторе

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, зав. отделом сравнительных политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Адрес: 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: v.pantin@mail.ru

About the author

Vladimir I. Pantin, Doctor of Sciences (Philosophy), Head of Comparative Political Studies Department, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: Profsojuznaia Str., 23, Moscow, 117997, Russia. E-mail: v.pantin@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 08.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 26.04.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 20.05.2021

DOI: 10.31857/S086904990014738-3

Оригинальная статья / Original Article

Внешние «вызовы» для российского пространства и формирование цивилизационного «ответа»

© В.И. СПИРИДОНОВА

Спиридонова Валерия Игоревна, Институт философии РАН (Москва, Россия),
vspirid@yandex.ru

В условиях однополярной гегемонии формулируются внешние угрозы для сохранения единства обширного и богатого ресурсами российского пространства. Они обусловлены, с одной стороны, культурно-историческими особенностями американского менталитета, среди которых концепции «отодвигаемого фронта», «ничейной земли» и экспансионистского мессианизма. Они сохранились как глубинные архетипы американского сознания и актуализируются в современном мире. С другой стороны, российское пространство после катастрофы 1990-х гг. остается «пустым» и «ничейным» с идейной точки зрения, так как не был выработан новый самостоятельный проект существования и общественного идеала. В этой ситуации импульсом для рождения новой идентичности может стать новое «геополитическое задание», которое формирует понимание России как метафизического «Севера» и опирается на концепт «Северной Евразии».

Ключевые слова: Российский цивилизационный проект, внешние угрозы, terra nullius, пространство, территория, геополитика, Северная Евразия

Цитирование: Спиридонова В.И. (2021) Внешние «вызовы» для российского пространства и формирование цивилизационного «ответа» // Общественные науки и современность. № 3. С. 19–29. DOI: 10.31857/S086904990014738-3

External «Challenges» for the Russian Space and the Formation of a Civilizational «Response»

© V. SPIRIDONOVA

Valeria I. Spiridonova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
vspirid@yandex.ru

Abstract: The unipolar hegemony leads to the formulation of external threats to the unity of the Russian territory. Those threats are caused, on the one hand, by the cultural and historical features of

the American mentality, such as the concepts of the «shifted frontier», «no man's land» and expansionist messianism. Those concepts have been preserved as archetypes of the American consciousness and they are being actualized in the modern world. On the other hand, after the catastrophe of the 1990s Russian territory remains «empty» and «no man's land» from the ideological point of view, since there is no new independent civilizational project of existence and social ideals. In this situation, developing of a new identity can become a new «geopolitical task». This task is based on the concept of «Northern Eurasia» and can be described as re-imagining Russia as a metaphysical «North».

Keywords: Russian civilizational project, external threats, terra nullius, territory, geopolitics, Northern Eurasia

Citation: Spiridonova V. External «Challenges» for the Russian Space and the Formation of a Civilizational «Response». *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 19–29. DOI: 10.31857/S086904990014738-3 (In Russ.)

Эпоха однополярной гегемонии – период нового, скрытого под личиной глобализма, передела мира в пользу его безальтернативного властелина. В рамках новой риторики США называют себя империей нового типа – «нетерриториальной империей». Под данным термином они имеют в виду перспективы, которые открывают технологии гибридных войн. Однако это вовсе не означает, что территориальный вопрос их не интересует. Особенно, когда дело касается их главного геополитического «экзистенциального врага». Еще в начале XX века В. Вильсон сказал, что «Россия является слишком большой и слишком монолитной страной. Необходимо сократить ее до размеров Среднерусской возвышенности... Мы должны иметь перед собой чистый лист бумаги» [Бенуа 2009, 463]. Уже тогда предлагалось одобрить программу постепенного расчленения страны с помощью череды территориальных самоопределений – начиная с Польши, Финляндии, Литвы и т.д.

В конце XX века появилась редкая возможность возобновить данную политику. Тогда З. Бжезинский предложил план создания на российской территории трех «свободных государств»: Европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной Республики [Бжезинский 1998]. Не менее откровенно об американских проектах в отношении России высказался в начале XXI столетия известный американский политолог Р. Пайпс: «Американцам нужна маленькая Россия... Думаю, Россия очень большая страна, и она не может управлять собой эффективно. Ей нужно стать меньше» [Шевченко 2015, 17].

Несмотря на то, что риторика в начале и в конце XX века совпадала, контекст и стратегические цели мировой политики в отношении России тогда и сейчас были совсем разными. Во времена Вильсона США делили мировую власть с крупнейшими европейскими державами, что могло привести к конкуренции между ними. После геополитической катастрофы распада СССР, с наступлением так называемого «однополярного момента», американская гегемония окончательно решила вопрос о власти над миром в свою пользу. Отныне стало ясно, что мировое сообщество должно было быть построено по образу и подобию своего нового и единственного лидера. При таком повороте событий важными становятся главные идеи и характерные особенности поведения, которые составляют социально-психологический портрет нового мирового гегемона, а также определяют способы, средства и итоги его воздействия на другие страны.

Цивилизационные факторы и социально-культурные особенности американского лидерства

Как отмечает К. Шмитт, само историческое вхождение Нового Света в мировую историю, которая до того момента была исключительно европейской историей, было сопряжено с невероятным открытием. Старый Свет понял, что «внезапно появившийся новый мир был

не новым врагом, а *свободным пространством*, свободным полем для европейской оккупации и экспансии» [Шмитт 2008, 75]. Это стало серьезным основанием для того, чтобы «права и свободы человека» превратились в исключительные права и свободу действий колонистов на вновь открытых территориях. Немецкий философ показывает на историческом материале, насколько легко и естественно первоначальная миссионерская деятельность по распространению христианства трансформируется сначала в правовое основание справедливой войны, а следом в право на оккупацию и аннексию территорий. Одновременно происходит очищение их от туземцев, которые расцениваются как варвары, нелегитимно владеющие землей, где они жили и вели хозяйство до пришествия европейцев. Такое восприятие «нового пространства» составило едва ли не «родовую травму» американского сознания, которое сохраняет ее отголоски вплоть до современности. Приведенные выше высказывания свидетельствуют о том, что США хотели бы видеть Россию не только раздробленным государством (или, как сказал один из современных американских президентов, «разорванной в клочья») но, к тому же, и «чистым листом бумаги».

Одним из истоков такого мышления, поведения и тактики можно считать концепцию «фронта» – американское изобретение, которое сформулировал Ф.Дж. Тернер. Авторы в российской литературе образ американского фронта часто романтизируют, представляют его как зону свободы, колыбель национальных ценностей и «место свершения подвигов национальных героев». И в то же время, они отмечают, что одним из девизов американских фронтальных действий было знаменитое выражение: «хороший индеец – мертвый индеец» [Замятина 1998, 76]. Тем самым авторы признают главное – то, что приобретение новых территорий американцами было тесно сопряжено с принципом «пустой территории» или «чистого листа». Если принимать во внимание данный факт, то признание «фронта» «воспитателем нравственных качеств» американского этноса выглядит несколько иначе.

Особенности освоения территорий Дикого Запада, несомненно, наложили долговременный отпечаток на американский характер. Ф.Дж. Тернер справедливо указывает, что американская нация сформировалась под влиянием идеалов первых поселенцев – школы «агрессивной смелости, господства, непосредственного поступка, разрушительных действий» [Тернер 2009, 229]. Он указывает, что изобилие «незанятых территорий» послужило фундаментом даже для основополагающего принципа существования Америки – демократии [Тернер 2009, 233]. Проживание на этих землях туземцев в расчет не принимали. Понятно, что такая интерпретация и «родовых» черт американца, и основного «кодекса чести» Нового Света – демократии – должна была оставить след на формировании принципов как внутренней политики, так и внешней.

Постоянно отодвигаемый фронт, сопряженный с принципом «очищаемой территории», стал одним из столпов американской политики в отношении других государств, которая стала знаковой в конце XX – начале XXI вв. Эта концепция прекрасно укладывается в «прогрессистскую» модель разделения стран по шкале «цивилизация – варварство». Данная модель обосновывает существование универсальной цивилизации как образца, который должны перенять все государства мира. Недаром Тернер называл «фронт» «местом контакта дикости и цивилизации» [Тернер 2009, 14]. Именно разделение на «цивилизованные государства» и «страны-изгои», или страны «с отклоняющимся поведением», лежит в основе современной американской внешней политики. Подобное разделение позволяет США менять «диктаторские» режимы по своему усмотрению, применяя любые методы.

Важно отметить еще одну особенность «фронта» – подвижность. Присутствие потенциальной возможности передвигать границу освоенных и присвоенных земель привело к *значительному улучшению качества жизни большой массы американского населения*. Как указывает В. Согрин, «благодаря возможностям вхождения в ряды сельских собственников до 70% белых колонистов оказывались в среднем классе, а уровень их жизни уже тогда был в полтора-два раза выше, чем у англичан, которые, в свою очередь, преуспевали более,

чем жители Европы» [Согрин 2012, 30]. Как явление «фронтир» оставил заметный след в коллективном сознании несмотря на то, что на рубеже XIX–XX веков он «достиг своего естественного географического предела». Исследователь отмечает, что его «цивилизационное значение не было исчерпано, ибо он сохранился в качестве социокультурного архетипа в американской национальной ментальности» [Согрин 2012, 31]. Современные американцы считают естественным распространение американского влияния за пределы государственных границ, если оно отвечает их национальным интересам. Данные интересы в традиционном для США материалистическом и утилитаристском ключе направлены на получение выгоды и повышение уровня жизни собственного населения. Урон, который в подобных международных ситуациях наносится туземному населению, не считается препятствием. Особенно если предварительно происходит «расчеловечивание» такого населения, а завоевание, как и в случае с прежними «дикарями» – индейцами – происходит под девизом противостояния «цивилизации» («варварству»), «демократии» («авторитаризму»), «града на холме» («империи зла»).

С концепцией постоянно отодвигаемого «фронтира» тесно увязан американский мессианизм. Первоначально он имел религиозные корни, но сегодня данный феномен приобретает откровенно экспансионистскую риторику. Так, Барак Обама в 2006 году написал: «... у нас в ДНК... отпечатано и стремление к расширению – географическому, экономическому и идеологическому» [Обама 2008, 337]. Даже изоляционист в политике и бизнесмен по духу Д. Трамп в Обращении к нации в 2020 году апеллировал к тому же образу отодвигаемого «фронтира» как символу успешности американского народа. Речь шла всего лишь о финансировании космической марсианской программы, но Д. Трамп заявил: «Подтверждая наше наследие свободной нации, мы не должны забывать, что Америка всегда была рубежной землей. Теперь настало время двинуться к следующему рубежу, небесному предначертанию Америки» [Обращение 2020]. Своеобразный итог сказанному подводят М. Хардт и А. Негри, когда они утверждают, что американский народ – это «народ исхода, заселяющий пустые (или очищенные) новые территории» [Хардт, Негри 2004, 164]. И сегодня, заключают они, «мы переживаем первую фазу преобразования глобального фронта в открытое пространство имперского суверенитета» [Хардт, Негри 2004, 174].

Следует отметить еще один аспект идеи «фронтира». Дело в том, что «фронтиром» называли также границу между проданной и так называемой «ничейной» землей. «Ничейная земля» – еще одно понятие, которое пришло в XXI век из эпохи американских пионеров. Ф.Дж. Тернер ссылается на эпизод из американской истории, когда в апреле 1889 года произошло заселение индейских территорий путем «набега» на них белых поселенцев. Американские пионеры к тому времени обнаружили, что запас земель сокращается. «Вместо прежних широких возможностей, когда поселенец мог застолбить себе участок в любом месте, где бы он ни пожелал, теперь тысячи пионеров судорожно мчались по вновь открытым для освоения индейским резервациям» [Тернер 2009, 237]. Территории, населенные индейцами, и были названы «ничейными».

Термин помимо прочего, отсылает к древнеримскому понятию «ничейной земли» (*terra nullius*). Он переродился в современности и сыграл немалую роль в росте американских интересов в отношении иностранных территорий, в том числе и российских.

Terra nullius, или «ничейная земля»

Terra nullius, или «ничейная земля», – термин, восходящий к римскому праву, который активно использовали в эпоху колониальных завоеваний. В тот период под «ничейной землей» понимали малонаселенные земли или территории, населенные аборигенами. По европейским понятиям они не имели государственности и, соответственно, не обладали суверенитетом. На практике такое положение означало, что такая территория могла быть завоевана или присвоена любой европейской державой. Сентенция опиралась, в частности, на сформулированное

еще Г. Гроцием положение о том, что «нельзя считать занятым то место, которое не обрабатывается» [Гроций 1994, 211]. Более того, если посреди «территории, занятой народом, – пишет Г. Гроций, – имеется пустынная и бесплодная почва, то ее следует уступить пришельцам по их просьбе. Они даже могут ею просто овладеть...» [Гроций 1994, 211]. Другими словами, с точки зрения европоцентричной колониальной логики terra nullius требует установления новых отношений власти, которые соответствуют европейским правовым нормам.

В подобном европоцентричном дискурсе под понятие «ничейной земли» попадают плохо организованные пространства, которые служат потенциальным источником «общего блага», но используются неэффективно, тем самым нанося ущерб всему человечеству. На экологическую перспективу планетарного существования влияет сокращение сырьевых и водных ресурсов, лесных массивов. Отсюда возникает желание пересматривать статус территорий, богатых такими резервами. Неудивительно, что активно используется отсылка к той части теории общественного договора, которая обосновывает отказ от прав в пользу общего целого. Только вместо народа здесь апеллируют к человечеству. В данном контексте даже рассуждения Ж.-Ж. Руссо читаются по-новому. В главе «О владении» французский философ пишет: «Каким образом один человек или целый народ могут овладеть огромной территорией и лишиться возможности пользоваться ею весь род человеческий иначе, как путем достойной наказания узурпации, раз узурпация эта отнимает у других людей и местопребывание и пищу, предоставленные природой сообща всему человечеству?» [Руссо 1938, 19] Переосмысление таких пассажей легитимизирует «изъятие» природных ресурсов в пользу центров мировой власти под предлогом более качественного управления ими.

Очевидно, что многочисленные инвективы в отношении России и ее огромных потенциально богатых пространств (например, Сибири) связаны с подобными проблемами. Они вызывают стремление свести такие территории к статусу локковской «чистой доски» или, используя более позднюю терминологию, описать их как «нулевое означаемое», чтобы потом наполнить их собственными смыслами и установить в таких «лакунах власти» приемлемые для себя отношения господства.

Усовершенствованные современные рассуждения интерпретируют terra nullius как «пустое пространство», которое следует наполнить новыми значениями. Именно поэтому идет активная борьба с традициями и историческим наследием, которые не позволяют определить пространство как «пустое» в идейном плане. Встраивание подобной территории «в европоцентричный порядок предполагает «обнуление» исторического времени, в котором она существовала до сих пор» [Балаклеец 2015, 41]. Как пишет Н.А. Балаклеец, в современном мире конфликты такого рода переносят в информационное поле, в рамках которого конструируют новый дискурс для захвата предполагаемого «ничейного пространства». Поэтому для того, чтобы удержать пространство, необходимо конструировать его знаковую идентичность, не допустить «идейно» пустое пространство, лишённое общественного идеала или проекта существования.

Этот момент очень важен для понимания той рискованной ситуации, в которой оказалась современная Россия. Россия будет оставаться «пустым пространством», пока не произойдет самоидентификации нового состояния российской действительности, пока не появится новый проект ее цивилизационного развития, пока не будет сформулирован новый общественный идеал. Однако история показывает, что пустое с идейной точки зрения пространство воспринимают извне как «ничейное», которое ждет своего завоевателя.

Российская история свидетельствует: в те эпохи, когда государство российское стояло крепко, его сила всегда была сопряжена с определенной задачей, миссией или проектом – в Святой Руси православной идеей «спасения» в лоне истинной веры. Ее первейшей задачей было собирание земель и народов, чтобы защитить человечество от пришествия антихриста, оттягивая наступление конца. Российское пространство не только не было «ничейным» или «пустым», напротив, оно пребывало под напряженным током идеи, сформировав осо-

бый тип служения – «старчество». Отголоски его позднее были тесно связаны с особыми реликтовыми топосами, сохранявшими и воспроизводившими бытие этой идеи, – «пустынями».

Петровский период прошел под знаменем освоения нового проекта – имперского. Государь с пылом взялся за устройство нового будущего России, но он грешил стремлением копировать европейский образец. Из-за данной особенности российское пространство не завершило процесс самоидентификации и оказалось «подпространством» Европы, периферией европейской цивилизации. Отсюда и возникло двойственное отношение к петровским преобразованиям со стороны потомков, которое раскололо страну на «западников» и «почвенников».

Советский проект был вдохновлен поистине новаторской идеей – грандиозным системным проектом антикапитализма. Социализм – по крайней мере, в своем романтическом изводе – претендовал на планетарную миссию. Он был устремлен, по выражению В. Хлебникова, на создание новой «республики Земшара», призванной превратить мировую гармонию в реальность.

Современная растерянность России связана с отсутствием нового самостоятельного проекта бытия страны и народа. Как предполагал Н.С. Трубецкой, в такой ситуации первоисточником обретения онтологического замысла может послужить созвучное времени «геополитическое задание», рожденное самим российским пространством и его территориальным импульсом, как не раз бывало в истории государства.

Идентичность, рожденная территорией

Нельзя отрицать взаимозависимость между исторической судьбой нации и спецификой той территории, которую она занимает. Давление географической среды формирует отличительные черты национального характера, обусловленные особенностями «месторазвития». С другой стороны, национальная телесность воспринимает и оценивает потенциалы территории, ее сильные точки роста, и стремится использовать их, исходя из вызовов времени. Логику этого движения сформулировал Н.С. Трубецкой, который писал: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории» [Трубецкой 2019, 16].

В этом отношении следует указать на то, что России приходилось неоднократно менять онтологический вектор своего развития. «Географическое задание» Киевской Руси, которая занимала лишь западную часть ставшей позднее российской территории, определяла меридиональная ось от Балтийского моря до Черного, по которой проходил торговый путь «из варяг в греки». Вокруг этого направления выстраивалась успешная торгово-экономическая политика и процветание удельных княжеств до тех пор, пока набеги кочевников не остановили рост их могущества и не подорвали эффективность соответствующего политико-экономического устройства.

Уже на следующем этапе развития русского государства – в эпоху Московского царства – стала перспективной горизонтальная ось развития Восток-Запад. Россия попеременно меняла ориентацию, но данная ось все равно оставалась актуальной долгий период времени. Первоначально Иван IV пытался расширить свое влияние, проводя западную ориентацию политики государства, но неудачи Ливонских войн показали бесплодность его устремлений. Восточное территориальное расширение оказалось более успешным. В результате приобретения Казанского царства и освоения Сибири Московское царство укрепило свою государственность на длительное время. «Московские цари, далеко не закончив еще «собирания Русской земли», стали собирать земли западного улуса Великой Монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири», пишет Н.С. Трубецкой [Трубецкой 2019, 196]. В итоге, политическая стратегия Ивана Грозного, выработанная методом проб и ошибок, подтвердила масштабные кумулятивные результаты действий России именно в восточном направлении.

Однако расширение территории с большой протяженностью с запада на восток ставило неведомые доселе задачи перед государственным строительством, которое требует устойчивой связности бескрайнего пространства. Исторически сложилось, что локальные цивилизации складывались вокруг речных систем, но в географическом пространстве России такая привязка могла создать только разделенные обособленные уделы, так как все речные бассейны имели меридиональную протяженность. Связывала их только система степей, пересекающая все без исключения большие реки. Именно контроль над степью был положен в основание Монгольской государственной идеи, которая естественно объединяла пространство Евразии. «Программа» такой организации пространства пришла из монархической туранской идеи степного государства Чингисхана. Как показывает Н.С. Трубецкой, матрица Монгольской государственности в процессе исторической адаптации получила христианское религиозное освящение и идеологически связалась с византийскими традициями. Так что, «видеть в туранском влиянии только отрицательные черты», считает он, «неблагодарно и недобросовестно» [Трубецкой 2019, 199].

Туранская психика, по словам русского философа, обладает набором черт, которые прежде всего акцентируют важность культурно-исторической преемственности жизни нации во враждебном окружении. Она помогает достичь устойчивости развития, а также вырабатывает мощь национального характера, одновременно способствуя экономии национальных сил. «Прививка к русской психике характерных туранских черт сделала русских тем прочным материалом государственного строительства, который позволил Московской Руси стать одной из обширнейших держав», отмечает Н.С. Трубецкой [Трубецкой 2019, 198]. Россия вышла из исторического испытания Монгольским игмом в виде крепко спяянного внутренней духовной дисциплиной государства.

Связка Восток-Запад была для России очередным геополитическим заданием, которое она неотступно выполняла вплоть до начала XXI века. После крушения Советской системы перед страной встала проблема очередного воссоздания идентичности, для чего необходима была новая материальная точка отсчета. К настоящему времени, все явственнее проступает «геополитическое задание», соответствующее вызовам XXI столетия – русский Север, Арктика.

Русская идея как «Север»

«Востоко-западный» вектор развития на определенном историческом этапе был прогрессивен. Тем не менее после распада СССР и до настоящего времени Евразийская идея не была реализована в его рамках как консолидирующая парадигма существования. Дело не только в извечном споре между западниками и почвенниками. Акцент, который переносится на «европейскость» или на «азиатскость» и делает из России то «вторую Европу», то «Азиопу», мешает гармоничному решению вопроса. Принимая во внимание особую важность поиска «опорной точки» месторазвития страны в текущую переломную эпоху и осознавая значимость «геополитического задания», следует признать, что сегодня такое «задание» формируется через привязку к новому геополитическому центру России – к реализации ее цивилизационного и исторического призвания как приарктической державы.

Об особой значимости для страны Северного Ледовитого океана провидчески писал Д.И. Менделеев в своих трудах «К познанию России» и «Заветные мысли». Одной из задач, которые ставил перед собой русский ученый, было определение «центра России», в том числе топографического. Его расчеты показали, что «центр поверхности всей России располагается между Обью и Енисеем в Енисейской губернии, немного южнее города Туруханска, лежащего вблизи от Северного полярного круга... Столь северное положение центра поверхности России определяется тем, что у нас чересчур много берегов Ледовитого океана» [Менделеев 2002, 177].

Однако что такое центр? Это – место оптимума как поиска исторической устойчивости российского пространства. Расположение такого центра меняется при трансформации государственной территории, что и произошло со страной в начале XXI века после развала СССР. Смысл вычленения такого центра состоит в том, что он позволяет увидеть связи, которые скрепляют телесность. Поиск данных связей – одна из важнейших проблем России сейчас. Такой центр подобен центру тяжести, указывает Д.И. Менделеев, а центр тяжести позволяет удерживать в равновесии все тело при любом относительном положении его частей. Русский исследователь указывал на большие перспективы, которые таит в себе Северный океан, связывая их с предполагаемым богатством природных ресурсов региона, а также с развитием коммерческого судоходства в будущем. «У России так много берегов Ледовитого океана, – писал он, – что нашу страну справедливо считают лежащей на берегу этого океана. Мои личные пожелания в этом отношении сводятся к тому, чтобы мы этим воспользовались как можно полнее и поскорее» [Менделеев 2002, 44].

Указание Д.И. Менделеева выглядит не просто пророческим. Подобно гениальному открытию пустот в его знаменитой таблице, которые указывали на наличие неизвестных науке элементов, он определил место, которое в то время выглядело совершенно незначительным для хозяйственного и тем более политического развития страны. Сейчас его указание может стать решающим и выступить в роли нового «геополитического задания» России, которое должно дать спасительный импульс для ее возрождения в XXI веке через столетие после того, как великий ученый высказал свою идею.

Укорененность идеи «России как Севера» в российском культурно-цивилизационном пространстве исследовал А.А. Кара-Мурза. «...Идея «северянства», как самобытного образа русской идентичности, начинает кристаллизоваться сначала в придворной поэзии, а затем и в державной идеологии», – пишет он [Кара-Мурза 2017, 123]. «Русское северянство», отмечает исследователь, зародилось как полуофициальная доктрина в сочинениях самой императрицы Екатерины Великой и ее ближайшего сотрудника, графа Никиты Ивановича Панина [Кара-Мурза, Шарова 2021]. В дальнейшем концепция гармонично вписалась в «Историю государства российского» Н.М. Карамзина, а также получила отклик в поэзии Г.Р. Державина, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига, А.С. Пушкина, в произведениях И.С. Тургенева, а позднее и поэтов «Серебряного века».

Перенесение столицы империи в Петербург, на берега северного Балтийского моря, еще более упрочили идею. Данные образы России откликались в европейском восприятии нашей страны, в именовании всего русского с использованием вариаций лексемы «север». Широко известны обозначения Санкт-Петербурга как «Северной Пальмиры» и «Северной Венеции», а русскую императрицу Елизавету Петровну, а затем и Екатерину II представители элиты называли «Северной Семирамидой».

А.А. Кара-Мурза показывает, что русское литературно-культурное «северянство» не ограничивается географической топонимикой, а имеет глубокие философские и цивилизационные основания, выполняя задачу противостояния метафизического «Севера» всему метафизическому «Югу».

«Идентификационная матрица» «русского северянства», по замечанию А.А. Кара-Мурзы, была отодвинута на дальний план только в середине XIX века, с началом классического русского противостояния «славянофилов» и «западников». Одновременно поиски русской идентичности переориентировались на ось Запад-Восток. Идея «Севера» в итоге так и не получила своего завершения. Тогда дилемма «западно-восточного» «геополитического задания» только разворачивалась в полную силу. Она шла к своему пику – советскому периоду эволюции. Направленность этого горизонтально-топографического вектора менялась с переменным успехом, пока данная парадигма не обрушилась в конце XX столетия. Начало XXI века показало лишь имитационные остатки такого развития.

После катастрофы 1990-х годов наступила эра идеологической пустоты и растерянности. Как и во все «смутные времена», в стране стала господствовать идейная эклектика. Не были предприняты какие-либо попытки по выработке общественного идеала или некоего самостоятельного проекта развития. Ситуация стала постепенно меняться в начале XXI века, особенно в последние десятилетия, когда Россия заявила о суверенной политике государства, о необходимости аутентичного цивилизационного проекта. Одновременно проявился новый глобальный планетарный «вызов» – освоение Арктики. Для России он оказался «родным», но «отложенным». Данный вызов был латентным «геополитическим заданием», которое потенциально присутствовало в коллективном бессознательном, ожидая своего часа. Так лишний раз нашла подтверждение мысль А.А. Кара-Мурзы о том, что «цивилизационный пласт лежит много глубже государственного суверенитета» [Кара-Мурза, Шарова 2021]. Цивилизационные основания нации неистребимы. Они могут находиться в подавленном состоянии или быть внешне вытеснены иллюзиями, «обманами и туманами» или более агрессивными цивилизационными образами, как случилось с искушением слепого подражания Европе («европейничанья»). Однако связка категорий суверенитет-цивилизационная матрица обязательно предшествует выходу из смутных времен. Суверенитет обеспечивает условия для того, чтобы могли сработать механизмы цивилизационной преемственности, особенно в условиях характерного для России типа развития «преемственность через катастрофу».

Из-за климатических изменений «Север» на самом деле превращается в большую идентификационную идею, а Арктическое геополитическое задание представляет собой часть этой идеи. Арктический океан становится, как выражаются западные эксперты, «частью большой политической игры XXI века» [Pasquier 2021, 107].

Согласно данным доклада Межправительственной группы по изменению климата 2019 года, глобальное потепление в Арктической зоне в два-три раза превышает средний уровень по планете. При таких темпах Северный морской путь может почти полностью освободиться от льда к 2040–2050 годам. Таким образом Северный Ледовитый океан, ранее непроходимый барьер, станет мостом между Азией и Западом. Крупные нефтяные и горнодобывающие транснациональные корпорации уже проводят разведку крупных месторождений природного газа и черного золота на континентальном шельфе. Предполагается, что в Арктике находится 30% восстановимых запасов природного газа и 13% запасов нефти [Pasquier 2021, 107–108]. Как утверждают западные эксперты, «морская магистраль протяженностью 6000 км между портом Мурманска на Западе и Беринговым проливом на востоке должна стать одним из двигателей экономического роста России на ближайшие десять лет» [Pasquier 2021, 109].

Предвиденное Д.И. Менделеевым особое значение Северного океана для будущих стратегий России превращается в реальность. «Север» становится новой, самостоятельной точкой опоры российской цивилизационной матрицы – Северной Евразии. Это направление позволит преодолеть ставший за последние столетия едва ли не неразрешимым дуализм Запад-Восток с его длительной идеологической и политико-философской историей.

Заключение

Концепт нового метагеографического образа России как Северной Евразии позволит преодолеть вечную раздвоенность между Западом и Востоком. Приняв его, Россия сможет одинаково дистанцироваться как от вторичного «европейничания», так и от «азиатчины». Привлекательность Северного вектора усиливается тем фактом, что он сопряжен с прямым выходом России к большому морскому пространству. Исторически получение такого выхода приводит к подъему и росту локальных цивилизаций. Арктика и ее освоение

сегодня могут превратиться в тот мобилизационный импульс, который так необходим для российского цивилизационного проекта. Ледовитый океан, единственный из всех водных макропространств, принадлежит России «по праву первородства». Его геополитический смысл может стать опорой для построения Россией собственной цивилизационной идентичности. «Русский Север», или «Северная Евразия» могут и должны стать таким же политическим и цивилизационным метаобразом, каким стал «атлантизм» для восхождения и оформления европейско-американской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балаклеец Н.А. (2015) Terra nullius и отношения власти в социальном пространстве // Вестник Томского государственного университета. № 396. С. 38–42.
- Бенуа А. Де (2009) Против либерализма к четвертой политической теории. М.: Амфора. 490 с.
- Бжезинский З. (1998) Шахматная доска. М.: «Международные отношения».
- Гроций Г. (1994) О праве войны и мира. М.: Ладомир.
- Замятина Н.Ю. (1998) Зона освоения (фронт) и ее место в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. № 5. С. 75–89.
- Кара-Мурза А.А. (2017) Россия как «Север». Метаморфозы национальной идентичности в XVIII–XIX вв.: Г.Р. Державин // Философские науки. № 8. С. 121–134.
- Кара-Мурза А.А., Шарова В.Л. (2021) «Новая российская цивилизация будет цивилизацией Пушкина» (к вопросу о «цивилизационном выборе») // Полилог. № 1. Том 5 (<https://polylogos-journal.ru/S258770110014153-0-1>).
- Менделеев Д.И. (2002) К познанию России. М.: Айрис Пресс.
- Обама Б. (2008) Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика».
- Обращение Трампа к нации (2020) Universe-tss. 06.02.2020 // <https://universe-tss.su/main/politika/world/76841-obraschenie-trampa-k-nacii-2020-polnyj-tekst.html>.
- Руссо Ж.-Ж. (1938) Об общественном договоре. Принципы политического права. М.: Государственное социально-политическое издательство.
- Согрин В.В. (2012) Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // Новая и новейшая история. № 1. С. 25–43.
- Тернер Ф. Дж. (2009) Фронт в американской истории. М.: Весь мир.
- Трубецкой Н.С. (2009) Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // Наследие Чингисхана. М.: Эксмо. С. 15–88.
- Трубецкой Н.С. (2009) К проблеме русского самосознания // Наследие Чингисхана. М.: Эксмо. С. 141–248.
- Хардт М., Негри А. (2004) Империя. М.: Праксис.
- Шевченко В.Н. (2015) Проблема целостности современной России как философско-методологическая проблема // Интеграционные и дезинтеграционные процессы в истории российского государства: социально-философские аспекты. М.: ИФРАН. С. 11–44.
- Шмитт К. (2008) Номос земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль.
- Pasquier D. (2021) Dans l'océan arctique, la Russie ne perd pas le Nord // Revue de Défense Nationale. № 3. pp. 107–114.

REFERENCES

- Balakleecz N.A. (2015) Terra nullius i otnosheniya vlasti v social`nom prostranstve [Terra nullius and power relations in social space] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 396. pp. 38–42.
- Benua A. De (2009) *Protiv liberalizma k chetvertoi politicheskoy teorii*. [Against liberalism to the fourth political theory] Moscow: Amfora.
- Bzhezinskij Z. (1998) *Shaxmatnaya doska* [Chess board]. Moscow: «Mezhdunarodny'e otnosheniya».
- Grocij G. (1994) *O prave vojny` i mira*. [On the law of war and peace]. Moscow: Ladomir.

Kara-Murza A.A. (2017) Rossiya kak «Sever». Metamorfozy` nacional`noj identichnosti v XVIII–XIX vv.: G.R. Derzhavin [Russia as the «North». Metamorphoses of national identity in the XVIII–XIX centuries: G. R. Derzhavin] // *Filosofskie nauki*. № 8. S. 121–134.

Kara-Murza A.A., Sharova V.L. (2021) «Novaya rossijskaya civilizaciya budet civilizaciej Pushkina» (k voprosu o «civilizacionnom vy`bore») [«The new Russian civilization will be the Pushkin civilization» (on the question of «civilizational choice»)] // *Polilog*. № 1. Tom 5. (<https://polylogos-journal.ru/S258770110014153-0-1>).

Mendeleev D.I. (2002) *K poznaniyu Rossii* [Towards the knowledge of Russia]. Moscow: Ajris Press.

Obama B. (2008) *Derzost` nadezhdy`. My`сли o vozrozhdenii amerikanskoj mechty`* [The audacity of hope. Thoughts on reviving the American dream] Spb.: Izdatel`skij Dom «Azбуka-klassika».

Obrashhenie Trampa k nacji [Trump's address to the Nation] (2020) Universe-tss. 06.02.2020. (<https://universe-tss.su/main/politika/world/76841-obraschenie-trampa-k-nacii-2020-polnyj-tekst.html>).

Pasquier D. (2021) Dans l'océan arctique, la Russie ne perd pas le Nord // *Revue de Défense Nationale*. № 3. pp. 107–114.

Russo Zh.-Zh. (1938) *Ob obshhestvennom dogovore. Principy` politicheskogo prava* [About the social contract. Principles of political law] Moscow: Gosudarstvennoe social`no-politicheskoe izdatel`stvo.

Shevchenko V.N. (2015) Problema celostnosti sovremennoj Rossii kak filosofsko-metodologicheskaya problema [The problem of the integrity of modern Russia as a philosophical and methodological problem] // *Integracionny`e i dezintegracionny`e processy` v istorii rossijskogo gosudarstva: social`no-filosofskie aspekty`*. M.: IFRAN. pp. 11–44.

Shmitt K. (2008) *Nomos zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [Nomos of the earth in the law of peoples jus publicum europaeum]. Saint Petersburg: Vladimir Dal`.

Sogrin V.V. (2012) Civilizacionnoe i mezhdisciplinarnoe izuchenie istorii SSHa [Civilizational and interdisciplinary study of U.S. history] // *Novaya i novejschaya istoriya*. № 1. S. 25–43.

Turner F. Dzh. (2009) *Frontir v amerikanskoj istorii* [The Frontier in American history]. Moscow: Ves` mir.

Trubeczkoj N.S. (2019) K probleme russkogo samosoznaniya [On the problem of Russian identity]. *Nasledie Chingisxana [The legacy of Genghis Khan]*. Moscow: E`ksmo. pp. 141–248.

Trubeczkoj N.S. (2019) Vzgljad na russkuyu istoriyu ne s Zapada, a s Vostoka [A look at Russian history not from the West, but from the East] // *Nasledie Chingisxana [The legacy of Genghis Khan]*. Moscow: E`ksmo. 2019. pp. 15–88.

Xardt M., Negri A. (2009) *Imperiya* [The Empire]. Moscow: Praksis.

Zamyatina N.Yu. (1998) Zona osvoeniya (frontir) i ee mesto v amerikanskoj i russkoj kul`turax [Development zone (The Frontier) and its place in American and Russian cultures] // *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*. № 5. S. 75–89.

Информация об авторе

Спиридонова Валерия Игоревна, доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора Философских проблем политики. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр. 1. E-mail: vspsirid@yandex.ru

About the author

Valeria I. Spiridonova, Doctor of Sciences (Philosophy), Chief Research Fellow, Head of the Department of Philosophical Problems of Politics. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 14/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: vspsirid@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 21.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 12.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 19.05.2021

DOI: 10.31857/S086904990015418-1

Оригинальная статья / Original Article

Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России

© И.Л.НЕДЯК

Недяк Ирина Леонидовна, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), iraned@mail.ru.

Выраженная тенденция последних десятилетий – развитие в обществах республиканского типа отношений господства, которые изымают из демократических институтов и практик их изначальное содержание. Статья посвящена анализу степени и характера развития отношений господства в российском социуме. Рассмотрены и использованы разработанные в современных концепциях господства основные критерии дифференциации политических отношений и господства: генерализация правил, воспроизводство структур, произвольная власть, внешний контроль, управление набором возможностей. Автор анализирует данные четырех волн общероссийского репрезентативного опроса (2018, 2019, 2020, 2021 гг.), проведенного отделом социально-политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН, и интерпретирует их с теоретико-методологических позиций неоклассической республиканской концепции господства как произвольной власти. В работе подтверждены и проиллюстрированы существенные отличия представлений о социальной среде, разные когнитивные и мотивационные установки граждан, которые полагаются и не полагаются на свою защищенность институциональным порядком от власти произвола. Приведены доказательства и примеры негативного влияния отношений господства на развитие российского общества.

Ключевые слова: политическая власть, господство, политика, коллективное воображаемое, когнитивные и мотивационные установки

Цитирование: Недяк И.Л. (2021) Власть и господство в проекции коллективного воображаемого. Факторы (де)формирования политического пространства России // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 30–45. DOI: 10.31857/S086904990015418-1

Power and Domination in the Collective Imaginary. Factors of the (De)Formation of the Political Sphere in Russia

© I. NEDYAK

Irina L. Nedyak, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), iraned@mail.ru.

Abstract: Social relations of domination remove the original content of democratic institutions and practices. Steady development of social relations of domination is a vivid trend of recent decades. The goal of this article is to analyze the extent and nature of the domination social relations in contemporary Russia. The study uses the criteria of differentiation of political vs domination relations developed in modern conceptions of domination: generalization of rules, restructuring, arbitrary power, external control, management of a set of opportunities. The author uses data from the four waves of the all-Russian representative survey (2018, 2019, 2020, 2021), conducted by the Department of Socio-Political Research of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, to analyze and interpret it from the theoretical and methodological positions of the neoclassical republican conception of domination as arbitrary power. The article confirms and illustrates the essential differences in the collective imaginary, cognitive and motivational attitudes of citizens who rely and do not rely on their institutional protection from arbitrary power.

Keywords: political power, domination, politics, social imaginary, cognitive and motivational attitudes

Citation: Nedyak I. (2021) Power and Domination in the Collective Imaginary. Factors of the (De)Formation of the Political Sphere in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 30–45. DOI: 10.31857/S086904990015418-1 (In Russ.)

Процессы институционализации власти республиканского типа отличаются многообразием «инкарнаций» ее идеал-типических моделей. Чтобы адекватно описывать «жизненные биографии» демократических режимов и исследовать их развитие, необходимо проводить работу по более тонкой настройке традиционных и формированию новых подходов, переосмысливать и дополнять понятийный аппарат, проверять концепты и категории анализа на аналитическую и эвристическую ценность.

Выбор линз исследовательской оптики выполняет роль чуткого индикатора появления важных направлений в трансформации изучаемого объекта. С последней четверти прошлого века возрастает интерес к изучению политики и власти в современных политиях через призму концепта «господство». Целеполагание, принципы, механизмы и результаты республиканской политики анализируют и оценивают не столько в рамках спектра «демократический с разными прилагательными», а с точки зрения ее предрасположенности к формированию или минимизации отношений господства – институционализированной власти человека (а не закона) над человеком. В фокусе такой оптики господство – форма неполитической и, следовательно, недемократической власти – предстает одновременно следствием и инструментом политики, которая по формальным признакам атрибутируется как демократическая.

Эмпирически доказано, что структуры и социальные отношения господства изымают из демократических институтов и практик их примордиальные смыслы, поглощают пространство публичной политики [Господство против политики...2019; Недяк, Патрушев, Павлова, Филиппова 2019]. Господство обоснованно определяется как одна из форм социальной патологии [Honneth 2015; Структуры господства...2020]. Однако, похоже, что порог чувствительности социума к нормативному и моральному порядкам господ-

ства снижается. На Западе эту тенденцию укрепляет беспрецедентно долгое кризисное состояние представительных демократий. В нашей стране положение усложняет незавершенность институционального порядка. Структуры и отношения господства создают барьеры для утверждения универсального политического порядка и конституирования политического пространства как условия и места демократических процедур и практик [Конституирование современной политики... 2018].

Представленный в статье анализ влияния структур, практик и этоса господства на формирование политического пространства выполнен в рамках комплексного исследования проблем институционализации современной политики в России. На протяжении многих лет данную работу проводят сотрудники отдела сравнительных политических исследований (далее ОСПИ) в Центре политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

В статье используются материалы массовых опросов (2018, 2019, 2020, 2021 гг.), которые ОСПИ проводил совместно с Центром социального прогнозирования и маркетинга под руководством Ф.Э. Шереги. Общий для всех трех опросов базовый инструментарий позволяет сопоставить результаты, выявить тенденции и создать единую базу размером 3400 респондентов (2018г. N700, 2019г. N700, 2020г. N1000, 2021г. N1000)¹.

Власть в форме господства подвергает эрозии политическое пространство России на стадии его формирования, в то время как в обществах западных демократий отношения господства расширяют «бреши» в институтах и практиках, имеющих долгую историю. Если учитывать российский контекст, следующие когнитивные и деятельностные компоненты (нелинейных) этапов политизации можно назвать более важными по сравнению с формальными электоральными формами политической активности:

- восприятие человеком себя как гражданина, который защищен политико-правовым статусом;
- способность к обнаружению и формулированию той или иной общественно значимой проблемы;
- осознание проблемы как имеющей политический характер и поддающейся изменению;
- понимание проблемы как предмета транспарентного и конкурентного выбора проектов и решений;
- восприятие человеком себя как субъекта социальных и политических отношений, который обладает правами и обязанностями;
- формирование способности, готовности и мотивации к поиску способов политического решения проблемы.

В пользу смещения фокуса анализа процессов политизации от участия в формальных демократических практиках к *empowerment*² говорят полученные ОСПИ данные: около 50% респондентов, заявивших, что они участвуют в политической деятельности, затруднились сформулировать цель своего участия.

Забегая вперед, скажем, что признаки политики эмансипации и *empowerment* сопрягаются с критериями, которые используют для дифференциации политики/политической власти и господства/неполитической власти в современном дискурсе господства.

¹ Объем выборки репрезентативен для Российской Федерации в целом и федеральных округов РФ в частности. Отбор респондентов производился с соблюдением пропорций по численности населения в возрасте 18 лет и старше в федеральных округах, по типам поселений, а также с учетом квот по социально-профессиональным группам. Обследование проводилось во всех федеральных округах, в 21 субъекте РФ. Обработка полученных данных осуществлялась с использованием программы IBM SPSS Statistics.

² В русском языке нет термина, который сколько-либо соответствовал английскому термину *empowerment*. Его либо переводят как расширение возможностей и наделение полномочиями, приобретение возможностей, обретение власти и т.д., либо прибегают к транслитерации – эмпауэрмент. Автор предпочитает использовать оригинальный английский термин.

Власть и господство. Концепции и рамки анализа

Попытки сильного навязать отношения господства и стремление слабого их избежать сопутствуют человеческим отношениям. Философское и научное осмысление феноменологии власти и господства, равно как их соотносительности, имеет долгую историю. Сложная структура сущностно оспариваемых и зонтичных концептов «власть» и «господство» не статична. Ей не дают устояться постоянные новые, пересмотренные или дополнительные объяснения, толкования, интерпретации и трактовки. Сложно найти непротиворечивое определение этих концептов и классификация подходов к их анализу. Практически не существует элементов концепций власти или господства, которые не подвергают сомнению. Сколько-нибудь полный обзор (и тем более анализ) этого дискурса уведет далеко от темы статьи.

Мы выделим четыре теоретико-методологические посылки, которые в наиболее авторитетных современных концепциях власти и господства сформировали мерило качества политики и власти на шкале с полюсами «господство/упразднение политики – политическая власть/политика эмансипации и *empowerment*».

Господство – нормативно-нежелательная власть и социальная патология. В современном дискурсе господства доминирует его понимание с нормативных позиций. Теоретический дискурс господства наших дней можно назвать поствеберийским в том смысле, что он отошел от трех характерных черт социологии господства М. Вебера: определение власти почти исключительно в парадигме «власть над»; помещение вне фокуса внимания концептуализации власти в парадигме «власть для»; ценностно нейтральное определение власти и господства и, как следствие, их нормативное неразличение.

Роль господства в развитии социальных отношений совершенно по-разному определяется в веберийском ценностно-нейтральном и поствеберийском нормативном подходах к пониманию данного феномена. Согласно Веберу, господство и способ его реализации рождают «из аморфного действия общности его концептуальную противоположность – рациональное обобществление» (*Vergesellschaftung*), то есть социальное отношение и социальное действие, которые базируются на ценностно- или целерационально мотивированном компромиссе или объединении интересов [Вебер 2019, 23]. В поствеберийском дискурсе господства последнее представляют как социальную патологию, которая поражает здоровье общества. Ее проявления разноплановы, но они взаимосвязаны. Господство создает состояние стратегической неопределенности, дезориентирует действия общности, изымает у властных элит и граждан мотивацию к ориентированным на общее благо действиям и блокирует их реализацию, отчуждает граждан от политики, деформирует состояние гражданственности (чувство сопричастности, ответственности, солидарности), размывает гражданские добродетели (уважение к закону и согражданам, моральные нормы, активная гражданская позиция, эмансипативные ценности).

Общепризнанное достоинство большинства современных концепций господства состоит в том, что они приспособлены для эмпирических исследований и привязывают «философскую рефлексию к реальной политике» [Шапиро 2019, 9]. Известный политический философ Иен Шапиро афористично высказался о пафосе изучения политики сквозь призму отношений господства: «не-господство предоставляет лучшую нормативную основу для размышлений о политике по сравнению с альтернативными идеалами» [Шапиро 2019, 10].

Не-господство определяют как высшую политическую ценность, ему отводят статус общего блага. Утверждают, что *raison d'être* демократического режима состоит в обеспечении и поддержании защиты от господства всех членов политики. Демократию, ее институты и практики считают инструментальными ценностями – обуславливающим,

вспомогательным благом. Отмечают, что демократические институты и практики, с одной стороны, лучше приспособлены для минимизации отношений господства и расширения пространства политической власти в республиканских режимах. С другой стороны, они сами продуцируют отношения господства и/или создают институциональные барьеры, препятствующие его минимизации [Pettit 2016; Republicanism...2008].

Господство – власть произвола, которая встроена в структуры общества. Как лучше всего выявить и описать социальные отношения господства? Через структуры, которые его продуцируют и поддерживают. Рабочими – подтвердившими свою аналитическую и эмпирическую ценность – признают в первую очередь те концепции, в которых социальные отношения господства определяют и анализируют как особую форму власти, встроенную в структурные отношения (*structure-based conceptions*). Структурное измерение господства дополняют инструментарием так называемых описательных концепций (*outcome-based conceptions*). Его используют для «взвешивания» результатов или последствий взаимодействия акторов в случаях, когда субъект власти, имея власть над объектом, получает выгоду за счет последнего, ущемляя его базовые интересы [Lovett 2010].

В самом общем виде под господством понимается состояние, «испытываемое человеком или группой лиц, в той степени, в какой они зависят от социальных отношений, в которых какой-то другой человек или группа лиц обладают произвольной властью над ними» [Lovett 2010, 15].

Господство определяют как власть в форме произвола (*arbitrary power*). Данная власть, по выражению Ф. Петтита, вырвалась из клетки закона и больше не ограничена известными всем заинтересованным лицам правилами, процедурами или целями. Социальная власть произвольна, когда субъект власти может её осуществлять по своей прихоти и не встречает при этом системного противодействия институциональной среды.

Главный редактор *Journal of Political Power* М. Хаугаард добавляет важные ракурсы в структурное измерение отношений господства. Он показывает, что во всех четырех измерениях власти – концепциях Р. Даля, П. Бахрака и М. Бараца, С. Льюкса, М. Фуко – присутствует потенциал и нормативно-желательной, и нормативно-нежелательной власти. Она становится нормативно-нежелательной и принимает форму господства, когда в ее основополагающие задачи не входит обеспечение институциональных условий для (а) генерализации правил, (б) воспроизводства структур и (в) недопущения использования любого участника социального взаимодействия в качестве инструмента достижения корыстной цели субъекта власти [Хаугаард 2019]. Хаугаард опирается на теорию структуры А. Гидденса: структуры одновременно порождают правила и обеспечивают возможность для их генерализации. Если использовать лексику Ф. Петтита, генерализация правил и воспроизводство структур – та самая «клетка», которая удерживает склонных к оппортунизму субъектов власти в рамках институционального порядка. Когда условия выполняются, все агенты социального взаимодействия обретают диспозиционную власть, что исключает возможность использования одной из сторон другой стороны в качестве инструмента.

Господство – обеспечиваемый структурами внешний контроль над набором возможностей объекта воздействия. Понятия господство, произвольная власть и внешний контроль считают синонимичными. Во всех субстантивных концепциях господства, в критической теории Франкфуртской школы и в многомерных концепциях власти внешний контроль называют признаком нормативно-нежелательной власти. Согласно Ф. Петтиту, автору данной концепции, субъект власти осуществляет внешний контроль над объектом власти, когда субъект контролирует набор возможностей объекта, при этом последний не имеет власти над первым [Pettit 2008, 106].

Господство в ипостаси внешнего контроля из-за встроенности в структуры приобретает все более изощренные и деструктивные способы управления набором возможностей объек-

тов. Приведем ряд средств и форм, которые субъект господства использует для «переформатирования» набора опций объекта воздействия: управление политической повесткой; установление норм социальных отношений и статуса участников взаимодействия, формирование «совокупности предопределяющих ценностей, мифов, убеждений, ритуалов, установленных институциональных процедур и правил игры, которые систематически и стабильно обеспечивают выгоду определенным индивидам и группам за счет других» [Bachrach, Baratz 1962, 259]; манипулятивное управление сознанием, формирование представлений о «правильных» или желаемых целях и возможностях их достижения плюс лишение социальных субъектов способности критически осмысливать и оценивать нормативное и правовое содержание социальных практик [Lukes 1974]; создание ложных ценностей и тотальное программирование общества на них [Маркузе 2003]; создание человека, нормализованного системой Паноптикума [Foucault 1980].

Власть в форме господства не только создает специфические нормы и правила социального взаимодействия, но и принуждает к их «добровольному» соблюдению, снижая у объектов воздействия способности к рефлексии и дискурсивному сознанию.

Власть господства создает для «реципиентов» определенный образ социальной реальности и паттерны поведения для встраивания в нее. Манипулятивное управление набором возможностей формирует «нужные» представления о «нормальном» социальном порядке, о «подобающих» месте и роли в нем (коллективных) акторов, о доступных им и «правильных» правах и обязанностях. Адаптацию к отношениям господства позиционируют и продвигают как наиболее эффективную жизненную стратегию.

Достигнув определенной глубины, отношения господства проявляются в дисциплинирующем общем знании и в коллективном воображаемом: разделяемом представлении о социальной реальности действующих в ней правилах поведения и нормах, о том, «что делает эти нормы осуществимыми» [Тейлор 2017, 225].

Власть и господство: демиурги разных коллективно воображаемых реальностей

«Если ситуации определяются людьми как реальные, они реальны по своим последствиям» [Thomas, Thomas 1928]. Эта максима американских социологов Уильяма и Дороти Томас – хороший эпиграф к рассмотренным ниже данным о том, как социальное воображаемое, которое формируется в сферах отношений власти vs господства, влияет на «способы, благодаря которым они [люди] представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят, и глубинные нормативные идеи и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями» [Тейлор 2010].

В задачи эмпирических исследований ОСПИ входило выявление факторов формирования отношений власти и господства в России, анализ их влияния на процессы (де)институционализации и (де)политизации, на нормы и практики взаимодействия, на (де)формирование гражданских добродетелей, гражданского и политического участия. Отдел исследовал ресурсы и ингибиторы политики эмансипации, «нащупывал» (в первую очередь нормативно-ценностные) основания возможных стратегий социальных и политических трансформаций.

Данные массовых опросов анализировались с разных методологических позиций, общим стержнем оставался неинституциональный подход. Ниже представлены результаты анализа, проведенного с опорой на неороманскую концепцию господства как произвольной власти [Skinner 2002; Pemmum 2016; Lovett 2010]. Ее считают, пожалуй, самой авторитетной и разработанной в современном теоретическом дискурсе господства. Стержень этой концепции формирует теория свободы не-господства (*freedom as*

non-domination), которая отсылает к онтологии политической философии романской ветви республиканизма³.

Свободу как не-господство определяют как институциональное обеспечение условий, которое не допускает произвольного вмешательства и/или вероятности произвольного вмешательства любого агента в свободный выбор своего визави. Свобода как не-господство означает независимость от воли другого, которую обеспечивает политико-правовое состояние гражданина, защищенного от произвола государства и сограждан правовым и моральными порядками.

В (нео)романской республиканской доктрине состояния свободы (*liber*) и гражданина (*civis*) тождественны. Они противопоставлены положению человека, который находится в зависимости от воли другого – раба (*servus*). Отношения господина и раба – парадигмальный пример понимания господства в романской школе. Он раскрывает суть свободы как не-господства и ее отличие от концепции негативной свободы (свободы от вмешательства) в трактовке И. Берлина. Если господин (неважно по какой причине) не вмешивается в жизнь раба, то последний, согласно И. Берлину и традиционному либеральному пониманию свободы, считается свободным. Однако в логике теории свободы как не-господства, такой свободный от вмешательства хозяина раб безусловно остается несвободным, ибо он продолжает пребывать под властью господина. Свободу как не-господство обеспечивает защита не только от произвола власти, но и от возможности ее применения.

Насколько защищены от произвола власти или возможности его применения чувствуют себя граждане РФ? В опросах ОСПИ респондентам предлагалось ответить на вопрос, считают ли они, что сегодня могут рассчитывать на равную защиту со стороны закона в отношениях с государством. В соответствии с логикой концепции господства как произвольной власти, мы выделили две группы (подвыборки). Респонденты, которые заявили о своей уверенности в том, что находятся с государством в правовых и реципрокных отношениях, отнесены к группе, названной *civis*. Вторая подгруппа получила – подчеркиваем это особо – ценностно нейтральное название *servus*. Ее составили респонденты, которые не считают себя защищенными от произвола со стороны субъектов государственной власти или затруднились с ответом. Дальнейший анализ показал, что в представлениях респондентов выделенных групп сформировались две очень разные социальные реальности – политического пространства и сферы господства.

Соотношение респондентов, уверенных и неуверенных в защищенности законом при взаимодействии с государством было ожидаемым, но все же шокирующим: 18% против 63%. 19% затруднились с ответом, что, по сути, также говорит об отсутствии у них уверенности. Такой расклад предопределил схожесть представлений о социальном порядке совокупной выборки и подвыборки *servus*. Мы оцениваем близость смысловых полей всей выборки и группы *servus* как важнейший дисфактор формирования в России политики, нацеленной на эмансипацию и *empowerment*. Полагаем, что негативное влияние отношений господства на развитие модернизационного потенциала страны драматически недооценено.

Отметим отсутствие серьезных отличий в социально-демографических характеристиках выделенных подвыборок.

В составе двух групп самая большая (хотя с незначительным показателем) разница обнаружилась среди респондентов, имеющих высшее и среднее специальное образова-

³ Республиканскую политическую философию и теорию представляют и развивают две школы – афинская и римская. В современном республиканизме – неореспубликанизме – их принято обозначать как «гражданский гуманизм», «коммунитаризм» и «неоклассический», «неороманский», «инструментальный» республиканизм соответственно.

ние – по 5 п.п. Перевес в первом случае в группе *servus*, во втором – *civis*. Возрастные профили подвыборок также в целом схожи. Отметим лишь, что в группе *civis* на 5 п.п. больше респондентов в возрасте 18–30 лет. Эта возрастная когорта считается наиболее восприимчивой к политической культуре активистского типа.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики групп респондентов, выделенных по принципу уверенности в защите закона при взаимодействии с государством

Table 1

Socio-demographic characteristics. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities

	Удельный вес квоты в выборке	Группа <i>civis</i>	Группа <i>servus</i>
Пол			
Мужской	46	45	47
Женский	54	55	53
Возраст			
18–30 лет	18	22	17
31–40 лет	23	20	23
41–50 лет	23	23	24
51–60 лет	16	15	17
Старше 60 лет	19	21	19
Образование			
Неполное среднее, среднее	12	14	12
Среднее специальное	53	57	52
Незаконченное высшее	6	5	6
Высшее, есть ученая степень	28	24	29

Какое общее понимание социальной реальности сложилось у респондентов каждой группы? Начнем с анализа представлений об основах общества в современной России.

По мнению респондентов, в иерархии основ российского общества выгода занимает самое высокое положение (совокупная выборка 43%). В группе *civis* это мнение разделяют в меньшей степени (32%); в группе *servus* – в большей (46%).

Обратим внимание, что респонденты группы *servus* (и вся выборка в целом) поместили на первое место выгоду, а респонденты группы *civis* – закон. Более того, самое значительное различие (23 п.п.) проявляется именно при определении места закона в основах российского общества. Респонденты группы *civis* высоко оценивают отечественный порядок законодательства (61%), что резко контрастирует с 38% группы *servus* и 42% всей выборки.

Данные опроса подтверждают известный постулат о том, что представления о доминирующих нормах и правилах формируют вполне определенные практики, которые, в свою очередь, укрепляют эти нормы и правила. Респонденты, ощущающие себя в сфере политических отношений, отличаются приверженностью закону. 75% респондентов этой группы считают, что законы можно и нужно выполнять. С ними согласны лишь 33% респондентов группы *servus*. О степени их правового нигилизма можно судить по тому, что четверть респондентов (25%) уверены в том, что в России нет нормальных законов, которые следовало бы выполнять. Это мнение разделяют лишь 4% респондентов группы *civis*.

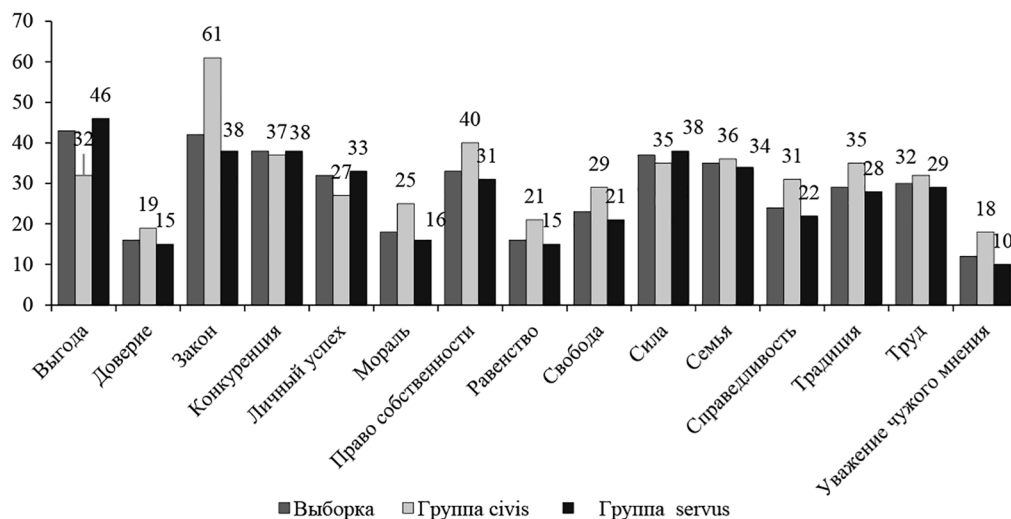

Рис. 1. Представления об основах общества в современной России респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью.

Figure 1. Perceptions of the foundations of modern Russian society. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities.

Согласно концепции господства как произвольной власти, свобода от господства возможна только в условиях правового режима, но ее обеспечение не сводится исключительно к соблюдению принципа верховенства права. Республиканцы опираются на рассуждения Н. Макиавелли: хорошим гражданина делают хорошие законы. Ф. Петтит подчеркивает, что «законы создают свободу, разделяемую всеми гражданами». Они выполняют эту функцию тогда, когда «уважают общие интересы и идеи людей... не становятся орудием произвола со стороны любого индивида или любой группы... Когда законы становятся орудием воли, мы получаем режим... в котором граждане превращаются в рабов и полностью лишаются свободы» [Петтит 2016, 83].

Инструментом или орудием чьей воли выступают законы в представлениях россиян? Больше половины респондентов группы *civis* (53%) считают, что законы нужны для того, чтобы помогать гражданам в решении их проблем. С таким мнением согласны 37% респондентов второй группы.

Эти оценки сопрягаются с представлениями граждан о степени защиты их важнейших демократических прав. Респонденты групп *civis* и *servus* считают очень хорошо и хорошо защищенными следующие права: избирать своих представителей в органы государственной власти (60% и 35% соответственно – здесь и далее), контролировать власть (35% и 14%), получать информацию (61% и 41%), на мирные собрания и митинги (46% и 21%). Очевидно, что представления двух групп респондентов о политико-правовых условиях участия в жизни политики и «место» их коллективно воображаемой среды на шкале «политическая власть–господство» отличаются.

Что сближает социальное воображаемое выделенных подвыборок? Респонденты обеих групп убеждены, что в иерархии основ российского общества самое низкое положение занимают доверие (19% и 15% – здесь и далее данные по группе *civis* и группе *servus* соответственно), равенство (21% и 15%), мораль (25% и 16%).

Для того, чтобы выяснить представления граждан о целеполагании политики современной России, респондентам, наряду с прочими, был задан вопрос о том насколько,

по их мнению, основные государственные и общественные структуры ориентированы на служение общему благу.

Рис. 2. Ориентированность государственных и общественных структур на интересы граждан в представлениях респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью.

Figure 2. Perceptions of the state and public structures' citizen-centred approach. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities.

При сопоставлении выявленных «рейтингов» и «антирейтингов» обращают на себя внимание две особенности: сходство абрисов коллективного воображаемого в части целеполагания структур и очень большая разница в оценках их ориентированности на интересы граждан.

Согласно данным всей выборки, в тройку самых ориентированных на интересы граждан вошли президент (47%), общественные организации (40%) и правительство (33%). К тройке менее всего учитывающих интересы граждан в своей деятельности респонденты отнесли структуры, которые традиционно считаются главными ресурсами расширения участия граждан в обсуждении содержания общего блага и принципов его распределения. Это политические партии (18%), местная власть (29%) и профсоюзы (33%).

Как распределены «призовые места» в подвыборках? Респонденты группы *civis* три первых места «присудили» президенту (81%), полиции (64%) и правительству (64%). Три последних места солидарно с общей выборкой они отдали местной власти (50%), профсоюзам (43%) и политическим партиям (40%), лишь поменяв местами профсоюзы и местную власть.

Мнение респондентов, которые ощущают себя в сфере действия власти произвола, заметно отличается. Наиболее ориентированными на служение интересам граждан они считают президента (39%), общественные организации и профсоюзы (36% и 30% соответственно); наименее – губернаторов (25%), местную власть (24%) и общего антилидера – политические партии (13%).

Как и вся выборка, респонденты групп *civis* и *servus* первое место отдали президенту, но с разницей в 42 п.п. (81% и 39% соответственно). Одновременно 79% первой группы

и 53% второй считают, что деятельность В.В. Путина «отлично» и «хорошо» ориентирована на интересы граждан. Полагаем, что столь существенную разницу в оценках респондентами группы *servus* работы президента (института – 39% и персоналии – 53%) можно отчасти объяснить характерными для сферы отношений господства аффективной логикой и низким уровнем институционального доверия. В пользу данного предположения говорит выраженное несходство оценочных суждений респондентов групп *civis* и *servus* о том, насколько ориентированы на интересы граждан представители исполнительной власти: губернаторы (59% против 25%) и правительство (64% против 27%). Дополнительный аргумент и перспективный для «резерва» гражданского самостояния момент – два вторых «призовых места» респонденты группы *servus* отдали общественным организациям и профсоюзам.

Обратимся к представлениям о политической среде и рассмотрим, как они влияют на когнитивные и мотивационные установки респондентов.

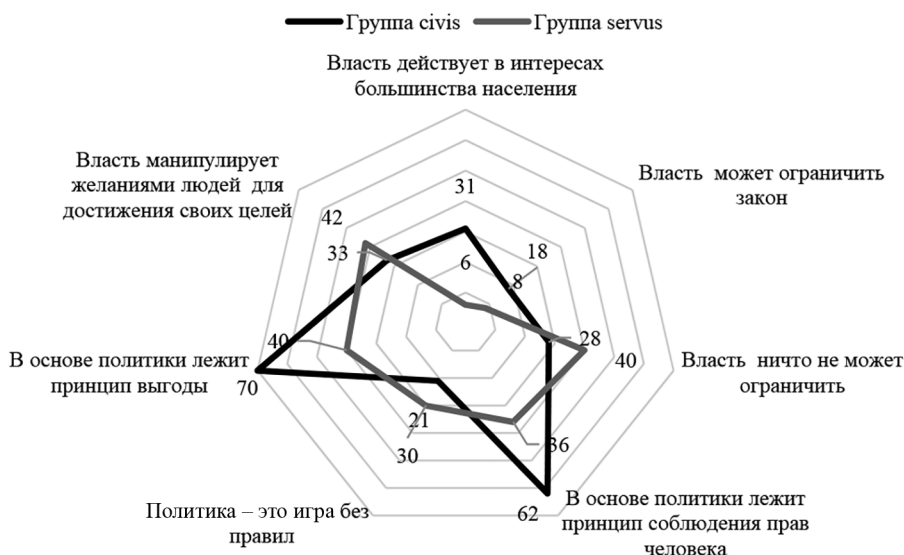

Рис. 3. Представления о власти и политике респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью.

Figure 3. Perceptions of political power and politics features. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities.

Треть респондентов подгруппы *civis* (31%) согласна с утверждением о том, что власть в российском обществе действует в интересах большинства населения. Изначально данный показатель кажется достаточно высоким – но лишь до сравнения с оценками совокупной выборки и группы *servus*. Только 6% ее респондентов разделяют такую уверенность (вся выборка – 11%).

70% ощущающих себя в сфере действия власти считают, что в основе российской политики лежит выгода и почти в два раза меньше (40%) – уверенных в своем правовом и политическом статусе *civis*. Убежденность в том, что политика в России основана на принципах соблюдения прав человека, разделяют 33% респондентов группы *civis* и лишь 9% от группы *servus* (общая выборка – 16%). 62% респондентов первой группы и 36% второй верят в то, что политика в России основана на принципах закона. Представление о политике как игре без правил сложилось у 21% респондентов, считающих, что они на-

ходятся в сфере действия правового поля, и у 30% респондентов группы *servus*.

Дальнейший анализ показывает, как индивиды осваивают воображаемые общественные значения и как представления граждан о доминирующем характере социального взаимодействия влияют на их когнитивные установки.

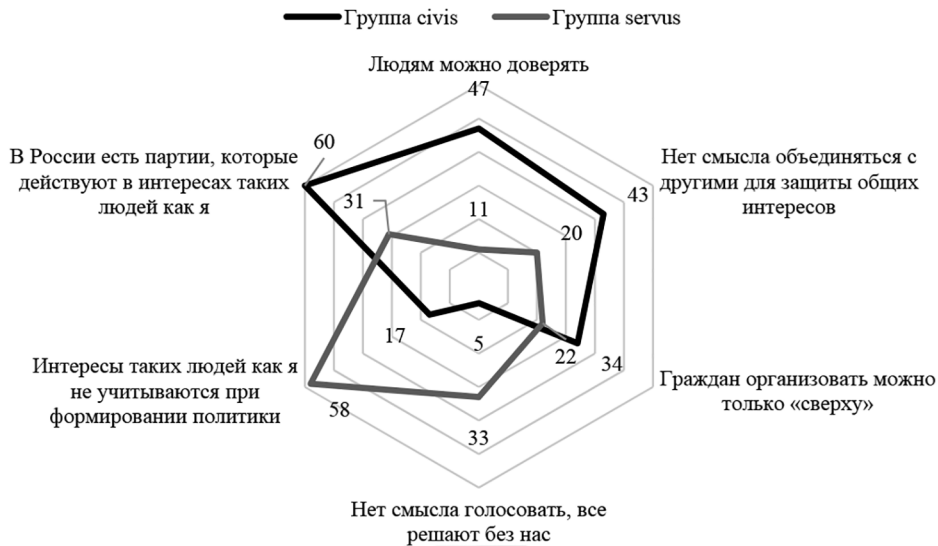

Рис. 4. Когнитивные установки респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью.

Figure 4. Cognitive attitudes. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities.

Вновь привлекает внимание выраженная несхожесть абрисов представлений респондентов двух подвыборок. С разницей в 36 п.п. респонденты групп *civis* и *servus* согласны с тем, что людям можно доверять (47% и 11% соответственно).

Уровни межличностного и системного доверия прямо коррелируют с предрасположенностью к заботе об общем благе и включенности в жизнь сообщества. Доверие входит в обязательный набор эмансипаторных современных ценностей и сопрягается с другими его составляющими – например, с готовностью и способностью к организации коллективных действий для защиты общих интересов. Данные опроса подтверждают, что предрасположенность к совместным действиям прямо соотносится с тем, склонны ли респонденты доверять людям или подозрительно к ним относиться. 43% респондентов группы *servus* убеждены, что каждый сам решает свои проблемы и нет особого смысла объединяться с другими. Странников такой позиции в группе *civis* в два раза меньше – 20%.

Социальное воображаемое включает в себя важнейшие основания гражданской идентичности и *empowerment* – веру человека во власть над собой, в способность оказывать влияние на решения, имеющие общественное значение. 16% респондентов из группы верящих в свою свободу от власти произвола согласны с тем, что нет смысла голосовать, «все решают без нас». В группе *servus* так считают в два раза больше респондентов (32%). 27% респондентов первой группы согласны со следующим утверждением: «Интересы таких людей, как я, при формировании и реализации политики не учитываются ни на каком уровне». В группе *servus* синдром маленького человека испытывают почти в два раза больше респондентов (53%).

Анализ мотивационных установок выявил у респондентов, которые ощущают себя в сфере политического взаимодействия, *большую* включенность в формальные демократические практики. Группа *civis* в три раза превышает показатели группы *servus* по отношению себя к активистам (15% против 5%). Почти в два раза больше респондентов группы *civis* считают себя сторонниками какой-либо партии (31% против 15%). Уверенные в своем политико-правовом статусе *civis* проявляют более высокую электоральную активность. Заявили, что голосуют на выборах президента, в Государственную думу, на региональных выборах 70%, 57% и 59% респондентов в группе *civis* и 35%, 47%, 32% в группе *servus* соответственно.

Важно отметить, что респонденты группы *civis* демонстрируют *большую* предрасположенность к политическому участию (т.е. к воспроизводству существующих политических практик), а респонденты группы *servus* – к политическому действию (т.е. к изменению существующих практик). 38% респондентов первой группы и 15% второй устраивает положение дел в России. Согласны с тем, что существующий порядок в России надо полностью поменять 16% считающих себя защищенными от произвола государства и 34% респондентов, у которых такой уверенности нет. 49% опрошенных из группы *civis* и 41% из группы *servus* не готовы принять участие в осуществлении желаемых перемен. Предпочтут не вмешиваться при нарушении правил, если эти нарушения не затрагивают их личные интересы, 38% представителей первой группы и 28% – второй.

Данные исследования позволяют предположить, что этос отношений господства еще не размыл основания скрепляющих социум нормативных представлений о должном (рис. 5).

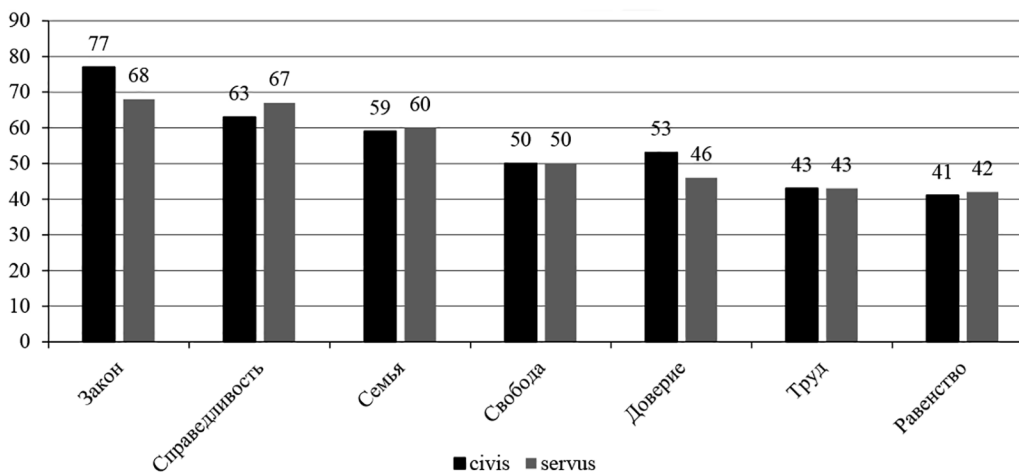

Рис. 5. Что наиболее важно для будущего России? Представления респондентов, выделенных по критерию уверенности в защите закона при взаимодействии с властью

Figure 5. Vision of the most important norms and principles for Russia's future. Sub-sample by criterion of confidence in protection under the law in interactions with the authorities

Первые три места респонденты обеих групп присудили закону (77% и 68%), справедливости (63% и 67%) и семье (59% и 60%)⁴. Респонденты группы *civis* на четвертое и пятое места поставили доверие (53%) и свободу (50%). Группа *servus* разделила это мнение, сделав

⁴ Был задан вопрос «Что, на Ваш взгляд, наиболее важно для будущего России?» с возможностью выбрать любое количество ответов из меню: 1. Выгода, 2. Доверие, 3. Закон, 4. Конкуренция, 5. Личный успех, 6. Мораль, 7. Право собственности, 8. Равенство, 9. Свобода, 10. Сила, 11. Семья, 12. Справедливость, 13. Традиция, 14. Труд, 15. Уважение чужого мнения.

лишь рокировку позиций: свобода (50%) и доверие (46%). Обе группы сошлись во мнении и о главном аутсайдере: на последнее место поставлена выгода – 9%. Интегративную функцию нормативно-ценностных установок и ориентаций иллюстрируют любопытные данные. На вопрос, позволяет ли устройство российского общества чувствовать себя его полноправным членом, утвердительно ответили 44% респондентов, отрицательно – 43%. Уверены в защите закона при взаимодействии с государством 29% респондентов, которые считают себя полноправными членами общества и лишь 8% не воспринимающих себя таковыми. В то же время суждения респондентов обеих групп о важных для будущего России принципах и ценностях полностью совпадают: права человека – 91% и 92%; равенство – 85% и 84%; свобода – 87% и 87%; закон – 91% и 91% соответственно.

Вместо заключения

Эмпирические исследования подтверждают, что принципы и правила отношений в сферах политической власти и господства проецируются на представления людей о социальном и политическом порядках, о доминирующих в политике нормах и практиках, о наиболее эффективных и «правильных» стратегиях и паттернах поведения. Существование двух разных воображаемых реальностей у граждан одной страны – мощный фактор социетальной дезинтеграции. Нормативно-ценностные установки граждан в части их представлений о должном пока справляются с функцией сохранения общего смыслового пространства отечественной политики. Однако укрепление структур, отношений и «морального кодекса» господства ставят под вопрос не только будущность сбалансированного репертуара коллективных действий, но и любых стратегий в логике политического взаимодействия с ненулевым результатом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни* = *The Human Condition* (1958). СПб.: Алетейя. 437 с.
- Вебер М. (2019) *Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. IV*. М.: ИД ВШЭ. 479 с.
- Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений (2019) Отв. ред. Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. М.: Политическая энциклопедия. 319 с.
- Конституирование современной политики в России: институциональные проблемы (2018) Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 262 с.
- Льюкс С. (2010) *Власть: Радикальный взгляд*. = *Power: A Radical View* (2005) М.: Изд. дом ВШЭ, 2010. 240 с.
- Маркузе Г. (2003) *Одномерный человек*. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак». 331с.
- Недяк И.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Филиппова Л.Е. (2020) Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации // *Социологические исследования*. 2020. № 1. С. 42–53.
- Петтит Ф. (2016) *Республиканизм. Теория свободы и государственного правления* = *Republicanism: A Theory of Freedom and Government* (1997). М.: Изд-во Института Гайдара. 488 с.
- Структуры господства, граждане и институты (2020) Отв. ред. С. В. Патрушев, Л. Е. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия. 318 с.
- Тейлор Ч. (2010) Что такое социальное воображаемое // *Неприкосновенный запас*. №1. (<https://magazines.gorky.media/nz/2010/1/chto-takoe-soczialnoe-voobrazhaemoe.html>).
- Хаугаард М. (2019) Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей // *Политическая наука*. № 3. С. 30–62.
- Шапиро И. (2019) *Политика против господства*. М.: Праксис. 476 с.

- Bachrach P., Baratz M. (1962) Two Faces of Power // *American Political Science Review*. Vol. 56. Issue 4. P. 947–952.
- Dahl R. (1957) The Concept of Power // *Behavioral Science*, № 1. P. 101–215.
- Foucault M. (1979) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. N. Y.: Vintage, 333 p.
- Honneth A. (2015) *Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life (New Directions in Critical Theory)*. N.Y.: Columbia University Press, 448 p.
- Lovett L. (2010) *A General Theory of Domination and Justice*. Oxford: Oxford Univ. Press. 746 p.
- Lukes S. (1974) *Power: A Radical View*. L.: MacMillan. 62p.
- Pettit Ph. (2008) Republican Liberty: Three Axioms, Four Theorems. In: *Republicanism and political theory*. C. Laborde, J. Maynor (eds.). Oxford: Blackwell. P. 102–132.
- Republicanism and political theory (2008) C. Laborde, J. Maynor (eds.) Oxford: Blackwell. 296 p.
- Skinner Q. (2002). A Third concept of liberty // *Proceedings of the British Academy*. Oxford, NY: Oxford Univ. Press. Vol. 117. P. 136–268.
- Thomas D.S., Thomas W.I. (1928) The child in America: Behavior problems and programs. In: Thomas W.I. *The Methodology of Behavior Study*. Chapter 13. New York: Alfred A. Knopf. P. 553–576.

REFERENCES

- Arendt X. (2000) *Vita activa, ili O deyatel'noj zhizni* [The Human Condition]. Saint-Petersburg: Aletejya. p. 437.
- Bachrach P., Baratz M. (1962) Two Faces of Power // *American Political Science Review*. vol. 56. issue 4. pp. 947–952.
- Dahl R. (1957) The Concept of Power // *Behavioral Science*. vol. 1. pp. 101–215.
- Foucault M. (1979) *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. New-York.: Vintage. P.337.
- Gospodstvo protiv politiki: rossijskij sluchaj. Effektivnost' institucional'noj struktury i potencial strategij politicheskikh izmenenij* (2019) [Domination vs. Politics: the Russian case. The Effectiveness of the Institutional Structure and the Potential of Political Change Strategies]. Otv. red. Patrushev S.V., Filippova L.E. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. p. 319.
- Haugaard M. (2019) Pereosmyslenie chetyrekh izmerenij vlasti: dominirovanie i rasshirenie vozmozhnostej [Rethinking the Four Dimensions of Power: Dominance and Empowerment] // *Politicheskaya nauka*. vol 3. pp. 30–62.
- Honneth A. (2015) *Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life (New Directions in Critical Theory)*. Columbia University Press. p. 448.
- Konstituirovaniye sovremennoj politiki v Rossii: institucional'nye problemy* (2018) [Constitution of Modern Politics in Russia: Institutional Problems] Otv. red. S.V. Patrushev, L.E. Filippova. M.: Politicheskaya enciklopediya. p. 262.
- Lovett L. (2010) *A general theory of domination and justice*. Oxford: Oxford Univ. Press. p. 746.
- Lukes S. (1974, 2010) *Power: A Radical View*. London: MacMillan. p.62.
- Markuze G. (2003). *Odnomernyj chelovek* [One-dimensional Man]. Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST»: ZAO NPP «Ermak». p. 331.
- Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S.V., Filippova L.E. (2020) Politicheskoe pole i zona vlasti: versii ideal'nogo tipa i opyt empiricheskoy verifikacii [The Political Field and the Zone of Power: Versions of the Ideal Type and the Experience of Empirical Verification] // *Sociologicheskie issledovaniya*. vol. 1. pp. 42–53.
- Pettit F. (2016) *Respublikanizm. Teoriya svobody i gosudarstvennogo pravleniya* [Republicanism. A Theory of Freedom and Government] Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara. p. 488.
- Pettit Ph. (2008) Republican liberty: three axioms, four theorems. In: *Republicanism and political theory*. C. Laborde, J. Maynor (eds.) Oxford: Blackwell. pp. 102–132.
- Republicanism and political theory* (2008) C. Laborde, J. Maynor (eds.) Oxford: Blackwell. p. 296.
- Shapiro I. (2019) *Politika protiv gospodstva* [Politics against Domination]. Moscow: Praksis. p. 476.
- Skinner O. (2002). A third concept of liberty // *Proceedings of the British Academy*. Oxford, NY: Oxford Univ. Press. vol. 117. pp. 136–268.
- Struktury' gospodstva, grazhdane i instituty'* [Structures of Domination, Citizens and Institutions] Otv. red S. V. Patrushev, L. E. Filippova. Moscow: Politicheskaya e'nciklopediya. p. 318.

Tejlor Ch. (2010) Chto takoe social`noe voobrozhaemoe [What is the Social Imaginary]. *Neprikosnovenny`j zapas*. vol.1. (<https://magazines.gorky.media/nz/2010/1/chto-takoe-soczialnoe-voobrazhaemoe.html>).

Thomas D.S., Thomas W.I. (1928) The child in America: Behavior problems and programs. In: Thomas W.I. *The Methodology of Behavior Study*. ch. 13. New York: Alfred A. Knopf. pp. 553–576.

Veber M. (2019) *Хозяйство и общество: очерки понимайущей социологии* [Economy and Society: Essays on Interpretive Sociology]: in 4 t. T. IV. Moscow: ID VShE.

Об авторе

Недяк Ирина Леонидовна, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: Кржижановского ул., д. 24/35, к. 5, Москва, 117218. E-mail: iraned@mail.ru

About the author

Irina L. Nedyak, Doctor of Sciences (Political Science), Chief Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Address: 24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo st., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: iraned@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 17.05.2021

DOI: 10.31857/S086904990015419-2

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА THE WORLD ECONOMY

Оригинальная статья / Original Article

Инвестиционное регулирование в Соглашении США–Мексика–Канада

© М.К. ПЕРОВА

Перова Маргарита Константиновна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии наук (Москва, Россия), mkperova@yandex.ru

Исследование посвящено инвестиционному регулированию в Соглашении США–Мексика–Канада, которое заменило Соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли. Автор анализирует специфику подхода администрации США к разработке соглашения, а также основные нормы инвестиционного регулирования, зафиксированные в этом документе. Важная роль в данном подходе отведена показателю торгового дефицита США, с изменением которого связывается успех или неудача соглашения. Однако такой подход едва ли можно считать продуктивным. По мнению ведущих специалистов США, несбалансированность торговли определяется макроэкономическими факторами и ключевую роль в данном случае играет соотношение между сбережениями и инвестициями в конкретной стране. На общем фоне изменений следует выделить сужение сферы урегулирования споров в рамках инвестор–государство: без обращения к арбитражу, который компаниям предоставляется за рубежом, фирмы будут более склонны инвестировать в США. Однако не удастся избежать и негативного влияния на инвесторов США, фактически лишая их защиты международного арбитража. Ориентируясь на расширение возможностей в обслуживании клиентов и повышение эффективности, а также учитывая влияние технологических инноваций, соглашение вводит новые элементы в регулирование инвестиций в сфере финансовых услуг. Важнейшими в данном случае являются положения, где зафиксирован запрет на требования локализации данных, защита данных и конфиденциальность личного обмена информацией, использование и размещение вычислительных мощностей финансовыми учреждениями.

Ключевые слова: Соглашение США–Мексика–Канада, администрация США, торговый дефицит, инвестиционное регулирование, механизм урегулирования споров.

Для цитирования: Перова М.К. (2021) Инвестиционное регулирование в Соглашении США–Мексика–Канада // Общественные науки и современность. № 3. С. 46–58. DOI: 10.31857/S086904990015419-2

Investment Regulations in the United States–Mexico–Canada Agreement

© M. PEROVA

Margarita K. Perova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Science (Moscow, Russia), mkperova@yandex.ru

Abstract. This article focuses on the special feature of investment regulations contained in the United States–Mexico–Canada Agreement (USMCA). This agreement aims to replace and modernize the North American Free Trade Agreement (NAFTA). The author analyzes U.S. administration's approach to the development of this agreement, as well as the new elements in USMCAs' investment regulations. US administration's approach is based on the US trade deficit indicator, which is used to measure the agreements' success or failure. This approach might be counterproductive. Trade imbalances are determined by underlying macroeconomic fundamentals. Mostly, the relationship between saving and investment within each country plays a big part. The biggest change from NAFTA is the curtailment of investor-state dispute settlement (ISDS). The US administration argued that without the recourse to ISDS provided to companies overseas, companies would be more inclined to invest in the United States. Thus US investors lose robust international law protection. This agreement introduces new elements in the regulation of investments in the financial services sector, while focusing on expanding customer service capabilities and efficiency gains, taking into account the impact of technological innovations. The most important provisions are the prohibition of local data storage requirements, data protection and confidentiality of personal information exchange, the use and location of computing facilities by financial institutions.

Keywords: the United States – Mexico – Canada Agreement, US Administration's approach, trade deficit, investment regulations, investor-state dispute settlement

Citation: Perova M. (2021) Investment regulations in the United States–Mexico–Canada Agreement. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 46–58. DOI: 10.31857/S086904990015419-2 (In Russ.)

1 июля 2020 г. вступило в силу Соглашение США–Мексика–Канада (USMCA, the United States – Mexico – Canada Agreement), которое заменило Соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли (NAFTA, the North America Free Trade Agreement). Объединив представителей развитых (США, Канада) и развивающихся (Мексика) стран, стимулировав интеграцию, NAFTA внесло заметный вклад в расширение экономических взаимосвязей в регионе.

Анализируя результаты соглашения за 20 лет, Карла Хиллс (*Carla Hills*), которая занимала должность представителя США на торговых переговорах в период его подготовки, обращает внимание на создание регионального рынка объемом в 19 трлн долл. и 470 млн потребителей, а также более чем 4-кратный рост торговых потоков внутри региона. Рабочие места почти 6 млн американцев стали зависеть от торговли с Мексикой и еще 8 млн – от торговли с Канадой [*Hills* 2014, 122–123].

Вместе с тем реализация NAFTA переросла рамки исходного формата соглашения. Компании стран-членов не только повысили продажи, но и значительно увеличили масштабы совместного производства, расширилась также география зарубежных рынков. Мексика и Канада стали членами нового Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП, Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership). К новому соглашению подталкивали и современные реалии бизнеса, в фокусе которого уже были не только торговля и инвестиции, но и сопряженные с ними области.

В рамках данного исследования предполагается выделить специфику подхода к разработке USMCA, а также проанализировать основные нормы инвестиционного регулирования, зафиксированные в соглашении.

Специфика подхода к разработке USMCA

Соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли во многом сформировалось под влиянием неолиберальных политических рецептов 1990-х гг. Данное направление отдавало предпочтение рыночным силам, а также устранению барьеров на пути торговых и инвестиционных потоков. Тесная взаимосвязь торговли и инвестиций, ее особая природа в современных условиях глобализирующейся мировой экономики определили комплексный подход к регулированию торговли и инвестиций в NAFTA. Целевое назначение подобной интеграции мер – извлечение выгоды из крупных рынков, формирующихся под влиянием либерализации торговли, которая стимулирует и либерализацию иностранных инвестиций.

NAFTA взяла за основу американоцентричную модель инвестиционных взаимосвязей и вполне успешно ее реализовывала, что подтверждает устойчивый рост инвестиционных потоков в рамках региона. Так, в течение 1997–2019 гг. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) США в Канаде увеличились с 96,6 до 402,3 млрд долл., а канадские в США – с 78,6 до 580,8 млрд долл. В этот же период возросли и американские ПИИ в Мексике с 24,1 до 100,9 млрд долл. Расширились и вложения мексиканских инвесторов в США с 4,1 до 42,9 млрд долл. [Congressional Research Service 2020, 10].

Благоприятная среда для торгово-инвестиционных взаимосвязей стимулировала динамичное развитие региональных производственных систем, которые во многом и определили специфику роли ПИИ в экономической интеграции североамериканского региона.

Одновременно во взаимосвязях появились и проблемы. Так, если в 1994 г. торговый баланс США с Мексикой сводился с профицитом в 1,3 млрд долл., то в 2016 гг. уже дефицит достиг 64 млрд долл. [USTR Releases NAFTA Negotiating Objectives 2017]. На товары из Мексики и Канады приходилось около 75% внутреннего содержания импорта США [Congressional Research Service 2017, 17]. К началу переговоров по модернизации NAFTA средний размер пошлин США на импорт из Мексики составляли 2,07%, в то время как американские предприятия сталкивались со средними тарифами в 10%. Ситуацию усугубляли также вводимые этой страной нетарифные и инвестиционные барьеры [Congressional Research Service 2020, 1].

Недовольство соглашением выражала и мексиканская сторона, которая обратила внимание на ухудшение состояния окружающей среды, вытеснение мексиканских фермеров из бизнеса, чрезмерную эксплуатацию занятых в так называемых макиладорас – экспортно-производственных зонах с льготным режимом предпринимательства [Amadeo 2021]. Претензии Канады в основном были связаны с регулированием в сфере защиты окружающей среды, а также судебными решениями.

С приходом к власти администрации президента США Дональда Трампа (*Donald Trump*) переговоры по принятию нового соглашения USMCA активизировались. Д. Трамп фактически сделал снижение торгового дефицита приоритетным направлением работы в сфере международных торговых соглашений. Сам показатель рассматривался в данном случае как критерий успеха или неудачи соглашения. Согласно оценкам дефицита, NAFTA было определено как «катастрофа» и «худшее соглашение, когда-либо заключенное» [Jagannathan 2017].

В показателе торгового дефицита администрация увидела также один из основных факторов, негативно влияющих на создание рабочих мест и уровень заработной платы [Boehm 2019].

Увязав сокращение дефицита с обновлением NAFTA, представитель США на торговых переговорах Роберт Лайтхайзер (*Robert Lighthizer*) зафиксировал эту взаимосвязь как конкретную цель переговоров. «Через пересмотр условий NAFTA администрация Трампа будет стремиться к гораздо лучшему соглашению, которое сократит торговый дефицит США и будет справедливым для всех американцев, улучшив доступ на рынки Канады и Мексики для американской промышленности, сельского хозяйства и услуг», – заявил он [USTR Releases NAFTA Negotiating Objectives 2017].

Данный подход не нашел понимания в среде специалистов и стал предметом острых дискуссий в научной литературе. Ведущие американские экономисты поставили под сомнение роль торговых соглашений в образовании дефицита и подвергли критике ряд аспектов этого подхода. Так, авторитетный американский специалист Мартин Фельдштейн (*Martin Feldstein*) видел реальную причину в том, что американцы тратят больше, чем производят. Общий дефицит торгового баланса является результатом решений о сбережениях и инвестициях. В случае сокращения дефицита торгового баланса из-за роста потребления и падения инвестиций более низкий уровень инвестиций приведет к снижению темпов роста, что еще больше снизит долгосрочный уровень реального дохода. Однако если дефицит торгового баланса падает из-за экономии домохозяйств, а дефицит государственного бюджета сокращается, можно иметь более высокий уровень инвестиций и, следовательно, более высокие доходы в долгосрочной перспективе. Таким образом, изменения в норме сбережений могут стать ключом к торговому балансу, а также к долгосрочному уровню реальных доходов [Feldstein 2017].

Один из ведущих специалистов США в области международных экономических отношений С. Фред Бергстен (*C. Fred Bergsten*) из Института международной экономики Петерсона (*the Peterson Institute for International Economics*) критикует избранный подход за использование торговой, а не макроэкономической политики в целях сокращения дефицита. Он также уточняет, что торговые соглашения ориентированы на повышение уровня торговли, а не на изменение торговых балансов. Как подчеркивает специалист, «агрегированный международный баланс страны определяется фундаментальными факторами его собственной экономики и их взаимодействием с остальным миром.... любое сокращение дефицита США с Мексикой, которое не базируется на изменении этих факторов, вскоре будет заменено увеличением дефицита с другими странами» [Bergsten C. Fred 2017].

Бергстен также считает, что в качестве конструктивной альтернативы можно было попытаться использовать пересмотр NAFTA для укрепления мексиканской экономики, что привело бы к увеличению импорта этой страны из США. Темпы роста экономики действуют в данном случае как фактор расширения импорта, поэтому более динамичная Мексика будет лучшим вариантом достижения цели администрации США.

Наряду с ростом государственных расходов Гари Хафбауер (*Gary Clyde Hufbauer*) и Чжияо Лу (*Zhiyao Lu*) выделяют и такой влияющий на величину торгового дефицита фактор, как обменный курс доллара. Более сильный доллар делает иностранные товары дешевле для американских потребителей, а экспорт – дороже для иностранных покупателей. Весомое влияние оказывает динамичный рост экономики США, который увеличивает доходы потребителей, позволяя им покупать больше товаров из-за рубежа.

Г. Хафбауер и Чжияо Лу предостерегают от смешения двусторонних дефицитов, отражающих условия торговых взаимосвязей с конкретными странами, с общим дефицитом, который зависит от фундаментальных факторов, фиксирующих ключевые показатели состояния экономики [Hufbauer G. C., Lu Z. 2016].

Стремление Трампа снизить торговый дефицит путем разрыва международных соглашений и ввода огромных тарифов на импорт из Китая (45%) и Мексики (35%) раскритиковали Бенн Стайл (*Benn Steil*) и Эмма Смит (*Emma Smith*) из Совета по внешней политике (*Council on Foreign Relations*). При снижении дефицита торгового баланса с 500 млрд долл. до 0, по словам старших экономических советников президента, в течение следующего десятилетия в казну поступит 1,74 трлн долл. новых налоговых поступлений, а Трамп использует эту огромную неожиданную прибыль для финансирования 2/3 предлагаемых сокращений налогов.

Торговый дефицит просто исчезает, а налоговые поступления растут, потому что вы блокируете импорт. Когда торговый дефицит сокращается, вместе с ним сокращается и приток капитала из-за рубежа. Поскольку иностранный капитал заполняет разрыв между сбережениями и инвестициями внутри страны, сбережения должны расти или инвестиции должны падать. Таков основной принцип учета национального дохода.

Однако если сбережения и инвестиции не сдвинутся с места после падения импорта, как происходит в анализе Трампа, экспорт должен упасть на эквивалентную сумму. Механизм прост: снижение спроса на неамериканскую валюту, вызванное сокращением импорта, толкает вверх стоимость доллара, что делает американский экспорт более дорогим, а импорт – более дешевым. Поэтому импорт растет, а экспорт падает. Дефицит торгового баланса остается прежним [*Steil B., Smith E. 2016*].

Таким образом, в наиболее общем виде рекомендации экономистов сводились к нецелесообразности использовать положения торговых соглашений в качестве инструмента сокращения дефицита. Доводы специалистов не были услышаны, и в логику торговой политики встраивается механизм перенаправления торговли и инвестиций из Канады и Мексики в США через производственно-сбытовые цепочки. Руководствуясь поставленной целью, разработчики соглашения обращаются к нормам, напрямую регулирующим инвестиционную деятельность.

Объектом особого внимания становятся положения о защите инвестиций. Однако в варианте NAFTA защита не получает одобрения как несовместимая с политикой действующей администрации. Между тем в международной практике инвестиционная глава NAFTA (глава 11) традиционно считалась золотым стандартом. Соглашение обеспечивало разрешение споров через международный арбитраж для американских инвесторов в Мексике и Канаде. Инвесторы были защищены от экспроприации без компенсации, дискриминации и произвольного обращения. Эти основные международные гарантии каждый инвестор рассчитывал получить от правительства принимающей страны.

Однако официальные лица посчитали, что положения о механизме разрешения споров нарушают суверенитет США и могут побудить американские предприятия перенести объекты в страны с более низкой заработной платой. Неодобрительно они оценивали и перспективы возвращения таких инвесторов. «NAFTA лишило наши штаты производства и рабочих мест ... Мы сохраним наши рабочие места и создадим новые. Будут последствия для компаний, которые покинут Соединенные Штаты только для того, чтобы использовать их в дальнейшем» [*Beckwith 2016*].

Таким образом, вполне отчетливо просматривается направленность инвестиционно-регулирующего USMCA на ограничение возможностей обращения к механизму разрешения споров, который американским компаниям предоставляется за рубежом и как следствие этого – возвращение в США. Особенности заявленного подхода в USMCA раскрывают и соответствующие нормы инвестиционного регулирования.

Основные нормы инвестиционного регулирования в USMCA

В соответствии с действующим законом (The 2015 Trade Promotion Authority, TPA) администрация Президента США подготовила резюме конкретных целей переговоров по будущему соглашению¹. В сфере инвестиций предполагалось:

– установить правила, которые уменьшают или устраняют барьеры для американских инвестиций во всех секторах стран NAFTA;

– обеспечить американским инвесторам в странах NAFTA права в соответствии с американскими принципами и практикой, гарантируя при этом, что инвесторам стран NAFTA в США не будет предоставлено больше прав, чем внутренним инвесторам [Agreement Text, 9].

Руководствуясь этими целями, USMCA пересматривает ряд положений соглашения и дополняет их новыми.

Важную роль в определении сферы применения договора традиционно играет толкование ключевых терминов. В USMCA под определение инвестиции подпадает широкий спектр активов, материальных и нематериальных, которыми инвестор владеет или контролирует, прямо или косвенно. Отдельное внимание уделено таким характеристикам, как долгосрочные вложения (капитала или других ресурсов), ожидание выгоды или прибыли, принятие риска. К составляющим инвестиций соглашение относит предприятие, ценные бумаги, связанные с его деятельностью, затраты по контрактам «под ключ», строительным и управленческим, а также лицензии, разрешения, права интеллектуальной собственности и т.д. (9, ст. 14.1).

В USMCA зафиксирована и трактовка прямых иностранных инвестиций. Влияние и контроль здесь соизмеряются с владением как минимум 10% голосов предприятия в течение не менее 12 месяцев.

Инвестором может быть как физическое лицо-гражданин страны, участвующей в договоре, так и компания, осуществляющая инвестиции на территории другой стороны, что подразумевает направление ресурсов, капитала для будущего бизнеса, а также обращение за разрешением или лицензией (ст. 14). Вводится также термин инвестор страны, не участвующей в договоре, что говорит об определенной защите такого инвестора.

Под исключение USMCA подпадает инвестор, представляющий нерыночную экономику (ст. 1, приложение/прил. 14-D). Аналитики, как правило, проецируют данную ситуацию на вложения, принадлежащие или контролируемые Китаем в США и Мексике. Аналогичная мера действует применительно к инвестору, не владеющему «значительным объемом предпринимательской деятельности на территории стороны соглашения», и направлена она против использования подставными компаниями доступа к защите инвестиций (ст. 14.4)

USMCA сохраняет такие основополагающие нормы защиты инвестиций, как предоставление национального режима (НР) и режима наибольшего благоприятствования (РНБ), но вводит уточнение, которое ограничивает эти обязательства. Будет ли режим предоставляться, зависит от совокупности обстоятельств – в том числе и от того, проводит ли рассматриваемый режим различие между инвесторами или инвестициями, на основе законных целей благосостояния общества (ст. 14.5.4). В соответствии с договором, аннулируется защита инвестиций в стадии допуска, до создания предприятия (ст. 14.2.3, прил. 14.D.3.1 (a)). Сужению также подверглась сфера защиты по линии минимального

¹ На основе положений U.S. Model BIT формируются инвестиционные цели переговоров, которые устанавливает Конгресс США в Законе, предоставляющем особые полномочия президенту по содействию торговле (Bipartisan Congressional Trade Priorities and Accountability Act of 2015/TPA-2015). Администрация Президента должна следовать обозначенным в законе целям, если рассчитывает на принятие соглашения в рамках ускоренной процедуры.

стандарта режима, предписываемого обычным международным правом, в основе которого «справедливый и равноправный подход, полная защита и безопасность» (ст. 14.6).

Между тем USMCA разъясняет, что действие стороны, которое может быть несовместимо с ожиданиями инвестора, само по себе не становится нарушением, даже если за этим следует потеря или ущерб инвестициям (ст. 14.6.4). Таким образом, большинство инвесторов больше не смогут предъявлять иски за нарушение минимального стандарта режима, который традиционно был их самой широкой защитой.

Ослабление инвестиционной защиты дополняет и ограничение обстоятельств, в которых она может быть востребована. Крайне важным в данной связи является определение прямой и косвенной экспроприации. В первом случае подразумевается формальная передача прав собственности, а также прямой захват; во втором – действия одной из сторон адекватны экспроприации, но без формальной передачи прав собственности или прямого захвата. Установлены четкие и ясные правила экспроприации инвестиций: в интересах общества, на недискриминационной основе, в законном порядке, с выплатой адекватной компенсации (по рыночному курсу) без отсрочек. Гарантировано и право свободного перевода средств (ст. 14.8, 14.9). Недискриминационные действия стороны в сфере регулирования, разработанные и применяемые для защиты законных целей общественного благосостояния, таких как здоровье, безопасность и окружающая среда, не являются косвенной экспроприацией, за редким исключением (прил. 14-B.3 (b)).

Ограничения затронули и сферу будущих арбитражных исков инвесторов. Нарушение минимального стандарта режима (ст. 14.6), а также косвенная экспроприация (ст. 14., прил. 14-D) были исключены из арбитражного разбирательства. Однако именно эти иски доминировали при обращении в арбитраж NAFTA и их исключение, безусловно, снижает значимость защиты USMCA для инвесторов.

Арбитраж между инвестором и государством теперь возможен только в случаях нарушений НР и РНБ, но уже после осуществления вложений, а также в связи с прямой экспроприацией (прил. 14.D.3.1). Подавая иск в арбитраж, инвестор может рассчитывать только на взыскание того ущерба, который установлен на основе «достаточных доказательств» (ст. 14.D.13.1.2).

Заметно усложнился и сам механизм разрешения споров. Не подписав Annexes 14-D, -E, Канада фактически устранилась от участия в урегулировании споров между инвестором и государством. Данное решение руководство страны приняло под давлением гражданского общества, которое в качестве аргументов использовало негативные результаты оспаривания канадских ограничительных мер против инвесторов США. Канада обращалась в суд 41 раз в соответствии с главой 11 NAFTA, опередив Мексику и США по данному показателю. Эта страна выплатила более 219 млн долл. в качестве возмещения ущерба и потратила 95 млн долл. на безвозвратные судебные издержки [*Baldwin, Doria, Franco* 2018].

В сложившихся условиях инвесторы Мексики и США лишаются возможностей обращаться в арбитраж с претензиями к Канаде, а Канада не может предъявлять иски инвесторам США или Мексики. Однако инвесторы все еще могут использовать Главу 11 NAFTA для «унаследованных претензий» при условии, что они начинают арбитражное разбирательство против принимающего государства в течение 3 лет после прекращения действия этого договора (прил. 14-C,1,3,4). Канадским инвесторам в США и американским инвесторам в Канаде придется полагаться на национальные суды принимающей стороны для устранения любых предполагаемых нарушений главы 14 или же обращаться к механизму разрешения споров в рамках государство-государство (глава 31).

В свою очередь, канадские инвесторы в Мексике и мексиканские в Канаде могут начать арбитражные разбирательства против государства по линии Всеобъемлющего и прогрессивного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (СРТПП), где оба государства – участвующие стороны.

В сфере прямого арбитража USMCA остаются только американо-мексиканские претензии. До начала арбитражного разбирательства между инвестором и государством необходимо подать иск в национальные суды (ст. 5, прил. 14-D). Дело может быть передано в арбитраж только в том случае, если прошло 30 месяцев после начала внутреннего судебного разбирательства или после того, как окончательное решение было вынесено в национальном суде последней инстанции – например, в Верховном суде США. Обращение в национальные суды не требуется там, где оно было бы «очевидно бесполезным или явно неэффективным».

Еще одним важным дополнением является 4-летний срок исковой давности по инвестиционным претензиям. Инвесторам, возможно, придется быстро подавать свой иск в суд, чтобы убедиться, что у них есть время подать арбитражный иск после 30-месячного периода судебного разбирательства. Эти правила существенно задерживают любой доступ к международным средствам правовой защиты.

Вместе с тем соглашение проводит различия между истцами, которые осуществляют обычные инвестиции и теми, кто заключает с государством контракты в секторах добычи нефти и природного газа, инфраструктуры, энергетики, транспорта и телекоммуникаций.

Ключевая защита в форме «государственных контрактов» означает, что в этом случае не применяется ни одно из общих ограничений в рамках урегулирования споров инвестор-государство.

На общем фоне меняющихся правовых норм представители юридического сообщества выделяют ряд новых элементов. В частности, Рейчел Д. Кент, Даниэль Моррис, Стефани Форрест (*Rachael D. Kent, Danielle Morris, Stephanie Forrest*) обращают внимание на процедурные изменения в сравнении с NAFTA. Например, если спорящие стороны не могут договориться о месте арбитражного разбирательства, суд может выбрать место арбитражного разбирательства в любом государстве-участнике Нью-Йоркской конвенции (прил. 14-D, ст. 7.1). Прежнее соглашение, напротив, ограничивало трибунал местом арбитража в пределах государств соглашения [*Kent, Morris, Forrest 2018*].

К особенностям USMCA относятся и предоставление спорящим сторонам права рассмотреть и прокомментировать проект арбитражного решения до его вынесения (прил. 14-D, статья 7.12). В дополнении к положениям о прозрачности, которое обеспечивает публикацию связанных с арбитражем документов и доступ к слушаниям (прил. 14-D, ст. 8), USMCA также налагает определенные этические обязательства на арбитров (прил. 14-D, ст. 6.5). В частности, арбитры должны соблюдать руководящие принципы международной Ассоциации адвокатов в сфере конфликта интересов в международном арбитраже и воздерживаться от получения инструкций со стороны какой-либо организации или правительства в отношении спора.

На основе ПИИ в условиях учреждения провайдером коммерческого присутствия осуществляется и значительная часть международных операций в сфере услуг. Соответственно, они также подпадают под нормы регулирования, зафиксированные в инвестиционной части соглашения, но при этом здесь действует особый режим (17 глава USMCA).

USMCA сохраняет подход на основе «негативного листа», в котором все услуги покрываются соглашением, если только они специально не исключены или же стороны не резервировали услугу для внутренних поставщиков на момент заключения соглашения. В частности, для Канады традиционно важны изъятия видов деятельности, связанных с национальной культурой. В таком подходе вполне отчетливо просматривается стремление этой страны противостоять растущему американскому влиянию (глава 32). Любой новый вид услуг, разработанный после вступления соглашения в силу, покрывается автоматически.

Согласно соглашению, сфера регулирования включает в себя все страховые и связанные с этим видом деятельности услуги, банковские услуги, сопутствующие и вспомогательные услуги финансового характера. Дополняют этот перечень «новые финансовые услуги».

Под это определение подпадает как рыночная инновация, так и услуги, которые ранее не были зафиксированы в конкретной стране USMCA (ст. 17.7).

Защиту инвестиций обеспечивает введение НР, а также РНБ. Однако предоставление «в подобных обстоятельствах» зависит от всех обстоятельств, применимых к местным поставщикам услуг, что позволяет странам USMCA проводить различие между инвесторами, инвестициями, финансовыми учреждениями и поставщиками финансовых услуг на основе законных целей общественного благосостояния (ст. 17.3; ст. 17.4).

Предоставление защиты сопровождается снятием ряда ограничений, влияющих на деятельность провайдеров финансовых услуг (ст. 17.5). Так, к важнейшим положениям главы об услугах можно отнести запрет на требование локализации данных при гарантировании регуляторам необходимого доступа к ним. Такие требования ведут к дополнительным издержкам, становятся сдерживающим фактором выхода на новые рынки, а также своего рода барьером для торговли. Открытые же потоки данных значительно расширяют возможности обслуживания клиентов, способствуют повышению эффективности и экономии затрат за счет эффекта масштаба.

В соответствии с USMCA, провайдером финансовых услуг предоставляется одинаковый доступ к платежным и клиринговым системам, управляемым национальными государственными организациями, а также к официальным средствам финансирования и рефинансирования, доступным в обычном режиме бизнеса. Однако это исключает доступ к кредитору последней инстанции, обычно центральному банку, который предлагает кредиты испытывающим трудности финансовым учреждениям (ст. 17.15). Следует также отметить, что свободный перевод капитала в рамках USMCA никоим образом не мешает странам принимать внутренние меры, связанные, например, с отмыванием денег.

Определяя условия доступа на рынок, соглашение запрещает вводить ограничения на количество поставщиков финансовых услуг, общую стоимость операций с финансовыми услугами или активами, численность занятых, а также виды юридических лиц или совместных предприятий, которые занимаются предоставлением финансовых услуг (ст. 17.5).

Вместе с тем соглашение дает возможность принимать меры в области финансовых услуг, обоснованные пруденциальными соображениями. Данное положение подразумевает поддержку безопасности, надежности, целостности, финансовой ответственности отдельных финансовых институтов и поставщиков финансовых услуг, а также безопасность, финансовую и операционную целостность платежных и клиринговых систем (ст. 17.11). Такие меры должны быть обоснованы, ограничены во времени и о них следует проинформировать заранее. Обусловленность меры принимающей страны «пруденциальными соображениями» может быть оспорена в арбитражном суде.

К важнейшим обязательствам соглашения относится защита данных и конфиденциальность личного обмена информацией (ст. 17.8). В частности, информация в отношении финансовых операций отдельных клиентов не подлежит раскрытию. В соответствии с главой 32 USMCA, стороны могут принимать законы, которые касаются «защиты конфиденциальности в отношении обработки и распространения персональных данных и защиты конфиденциальности индивидуальных записей и счетов».

Также в соглашении есть ряд обязательств, направленных на предотвращение блокировок трансграничной передачи информации провайдером финансовых услуг. Данная информация, как правило, содержит бухгалтерскую отчетность и сведения о людских ресурсах. Страны USMCA не могут препятствовать финансовому учреждению или трансграничной финансовой службе передавать информацию (включая личную) в страну или из нее (в электронном или ином виде), если это необходимо для предпринимательской деятельности, которую осуществляет провайдер (ст. 17.17, 17.19).

Мощная волна инноваций в секторе финансовых услуг (FinTech), активизация цифровой финансовой трансграничной деятельности не только расширяют возможности выбора

для клиентов, но и ведут к формированию нового международного нормативного ландшафта. Так, USMCA вводит положения, которые касаются использования и размещения вычислительных мощностей финансовыми учреждениями (ст. 17.20). Если орган регулирования в стране USMCA имеет немедленный, прямой, полный и постоянный доступ к информации, которая хранится на вычислительных мощностях (компьютерные серверы и устройства хранения) финансового учреждения или трансграничного поставщика финансовых услуг, эти мощности не обязаны располагаться в стране пребывания данного ведомства (регулирующего органа) (ст. 17.18, 17.1, 17.20). Таким образом, за счет расположения компьютерных ресурсов USMCA облегчает взаимодействие участвующих сторон без барьеров входа.

Соглашение пытается установить большую прозрачность в регулировании новых финансовых услуг. Стороны должны разрешить финучреждениям других государств USMCA предоставлять новые финансовые услуги на своей территории, если это будет разрешено их собственным финансовым учреждением (ст. 17.7). Данная мера позволяет провайдерам инновационных услуг регистрироваться и развивать свой проект на территории любой из сторон соглашения.

Вместе с тем сохраняются и ограничения. Так, положения, касающиеся национального режима и доступа к рынкам, не применяются к государственным кредитам, гарантиям, страхованию, субсидиям или грантам, направляемым отечественным инвесторам или учреждениям. Кроме того, положения не распространяются на государственные закупки финансовых услуг. Подобный фаворитизм блокирует конкуренцию и инновации, одновременно приводя к более высоким издержкам для потребителей всех сторон (ст. 17.2).

Меры, принимаемые одной стороной в отношении финансовых учреждений другой стороны, должны быть разумными, объективными и беспристрастными.

USMCA включает обязательную систему урегулирования споров в рамках отношений государство–государство, которая специфична для финансовых услуг. Финансовые услуги больше не подлежат трехстороннему урегулированию споров между инвесторами и государствами, которое предусмотрено главой 14 (прил. 17-С).

Для любых споров, связанных с претензиями США к Канаде или наоборот, единственным вариантом урегулирования спора будет механизм урегулирования споров между государствами (ст. 17.21).

Инвестор может подавать в арбитраж только иски о предполагаемых нарушениях НР (ст. 17.3(1) и (2)), РНБ (ст. 17.4.1(а)-(с)) и экспроприации (ст. 14.8). USMCA налагает на американских и мексиканских инвесторов (или предприятия, когда от их имени предьявляется иск) обязательство проводить внутренние судебные разбирательства в судах принимающего государства до подачи иска в арбитраж (ст. 14.D.5.a.).

Глава USMCA Financial Services требует, чтобы арбитры трибунала «обладали знаниями или опытом в области права или практики финансовых услуг, таких как регулирование финансовых учреждений» (прил. 17-С. 3.a).

Заключение

Оценивая перспективы USMCA, старший вице-президент по международной политике Американской торговой палаты (*U.S. Chamber of Commerce*) Джон Мэрфи (*John Murphy*) отметил, что «одобрение соглашения посылает сигнал уверенности рынку... Инвестиционные решения, которые выглядели туманно, могут сейчас идти вперед без этой неопределенности» [From Farms to Silicon Valley 2019].

USMCA заметно продвинулось в разработке таких важных процедурных вопросов, как транспарентность арбитражного разбирательства, открытый доступ к слушаниям, запрет арбитрам выступать в качестве адвоката или назначенного стороной эксперта при рассмотрении споров.

Соглашение вводит особый режим для инвестиций в финансовый сектор, который обеспечивает открытые потоки данных между участвующими странами и включает положения, запрещающие дискриминационное отношение к трансграничной передаче данных и их принудительной локализации.

Учитывая, что Мексике важно привлечь иностранные инвестиции в углеводородный сектор, сохранение механизма разрешения споров может придать потенциальным инвесторам больше уверенности при вложениях в долгосрочные проекты. Однако для относительно незащищенных секторов страны подобная уверенность едва ли возможна. В частности, по мнению Дункана Вуда (*Duncan Wood*), директора Мексиканского института в Центре Уилсона (*Mexico Institute at the Wilson Center*), вопрос заключается в том, повышают ли смягченные меры защиты профиль риска для конкретной инвестиции. «Это означает, что вы будете искать более высокую прибыль, чтобы компенсировать свои инвестиции ... Это заставит некоторых инвесторов дважды подумать, прежде чем вкладывать деньги» [*Schaap* 2018].

Однако и американские инвесторы справедливо обеспокоены потерей надежной защиты международного права, под которой они находились в течение многих лет. Администрация США фактически проигнорировала их ключевые интересы, избрав в качестве метода отвлечения торговли из Канады и Мексики в США перенаправление производственно-сбытовых цепочек через сужение сферы защиты инвесторов. Не была учтена и специфика развития отраслей. К тому же, отказ от защиты вполне может иметь и длинную цепочку таких последствий, как уступка внешних рынков, снижение экспорта, потеря рабочих мест.

Бизнес-сообщество США настороженно относится к созданному в рамках USMCA механизму разрешения инвестиционных споров. В частности, озабоченность по поводу инвестиционных положений USMCA выразила такая отраслевая торговая группа, как Американский Совет химической промышленности (*The American Chemistry Council*). Американский институт нефти (*American Petroleum Institute*) заявил, что данные положения защищают деловые интересы США, а ослабление или ликвидация «подорвет энергетическую безопасность США, защиту инвестиций и наше глобальное энергетическое лидерство» [Congressional Research Service 2020, 21].

Сомневаются в эффективности принятых мер и американские юристы. В частности, категорично высказываются Ян Лэрд и Мелисса Моррис (*Ian Laird and Melissa Morris*): «Резкое изменение политики США в отношении международного механизма разрешения споров в соглашении представляет собой ошибочный шаг, более широкие деловые и коммерческие последствия которого должны быть тщательно рассмотрены» [*Laird, Morris* 2019: 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20 Text. (<https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between>).

Baldwin T., Doria C., Franco F. (2018) The New NAFTA – the United States-Mexico-Canada Agreement (USMCA) Brings Future Changes to ISDS. October 4. Global Arbitration News. (<https://globalarbitrationnews.com/the-new-nafta-20181004/>).

Beckwith R.T. (2016) Donald Trump's 'America First' Foreign Policy Speech. Time. April 27. (<https://time.com/4309786/read-donald-trumps-america-first-foreign-policy-speech>).

Boehm E. (2019) Trump Trade Advisor Peter Navarro Says Trade Deficits Hurt Jobs and Growth. Here's Why He's Wrong. Reason. 5.30.2019 (<https://reason.com/2019/05/30/trump-trade-advisor-peter-navarro-says-trade-deficits-hurt-jobs-and-growth-heres-why-hes-wrong/>).

Brady-Lighthizer ISDS Exchange (2018) International Economic Law and Policy Blog. March 2. (<https://worldtradelaw.typepad.com/ielpblog/2018/03/brady-lighthizer-isds-exchange.html>).

Congressional Research Service. The North American Free Trade Agreement (NAFTA) (2017). May 24. 38 P.

Congressional Research Service. The United States-Mexico-Canada Agreement (USMCA) (2020). July 27. 44 P.

From Farms to Silicon Valley, U.S. Businesses Stand to Gain from USMCA. The Wall Street Journal, Dec. 10, 2019. (<https://www.wsj.com/articles/from-farms-to-silicon-valley-u-s-businesses-stand-to-gain-from-usmca-11576008127>).

Jagannathan M. (2017) Here are all the terrible things President Trump has said about NAFTA - before deciding to stick with it. New York Daily News. April 27. (<https://www.nydailynews.com/news/politics/terrible-president-trump-nafta-article-1.3107104>).

Laird I, Morris M. (2019). NAFTA Update a Step Backward for US Investors. Law 360' May 9, 2019. (<https://www.law360.com/articles/1157475/nafta-update-a-step-backward-for-us-investors>).

Schaap P. (2018) How the USMCA weakens protections for foreign direct investment. S&P Global Market Intelligence. Oct.18. (https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/trending/ff94cmo_hidnp3k8jeasq2).

Hills C.A. (2014) NAFTA's Economic Upsides. The View from the United States // Foreign Affairs, Vol. 93, № 1. P. 122–127.

Feldstein M. (2017) Inconvenient Truths about the US Trade Deficit. April 25. Project Syndicate (<https://www.project-syndicate.org/commentary/america-trade-deficit-inconvenient-truth-by-martin-feldstein-2017-04>).

Bergsten C. F. (2017) 17-23 Trade Balances and the NAFTA Renegotiation. Peterson Institute for International Economics. June 2017 (<https://www.piie.com/system/files/documents/pb17-23.pdf>).

Hufbauer G. C., Lu Z. (2016) Macroeconomic Forces Underlying Trade Deficits. Peterson Institute for International Economics. March 31. (<https://www.piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/macro-economic-forces-underlying-trade-deficits>).

Steil B., Smith E. (2016) Column: Trump's trade policy is a recipe for recession, history says. October 14. (<https://www.pbs.org/newshour/economy/column-trumps-trade-policy-recipe-recession-history-says>).

Kent R., Morris D., Forrest S. (2018) NAFTA 2.0: Investment Protection and Dispute Settlement Under Chapter 14 of the United States-Mexico-Canada Agreement. WilmerHale. October 9 (<https://www.wilmerhale.com/en/insights/client-alerts/20181009-nafta-2-0-investment-protection-and-dispute-settlement-under-chapter-14-of-the-united-states-mexico-canada-agreement>).

USTR Releases NAFTA Negotiating Objectives. 07.17.2017. (<https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/july/ustr-releases-nafta-negotiating>).

Amadeo. K. (2021) The Problems with NAFTA. February 01. (<https://www.thebalance.com/disadvantages-of-nafta-3306273>).

REFERENCES

Agreement between the United States of America, the United Mexican States, and Canada 7/1/20 Text. (<https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/united-states-mexico-canada-agreement/agreement-between>).

Baldwin T., Doria C., Franco F. (2018) The New NAFTA – the United States-Mexico-Canada Agreement (USMCA) Brings Future Changes to ISDS. October 4. *Global Arbitration News*. (<https://globalarbitrationnews.com/the-new-nafta-20181004/>).

Beckwith R.T. (2016) Donald Trump's 'America First' Foreign Policy Speech. *Time*. April 27. (<https://time.com/4309786/read-donald-trumps-america-first-foreign-policy-speech>).

Boehm E. (2019) Trump Trade Advisor Peter Navarro Says Trade Deficits Hurt Jobs and Growth. Here's Why He's Wrong. *Reason*. 5.30.2019 (<https://reason.com/2019/05/30/trump-trade-advisor-peter-navarro-says-trade-deficits-hurt-jobs-and-growth-heres-why-hes-wrong/>).

Brady-Lighthizer ISDS Exchange (2018) *International Economic Law and Policy Blog*. March 2. (<https://worldtradelaw.typepad.com/ielpblog/2018/03/brady-lighthizer-isds-exchange.html>).

Congressional Research Service. The North American Free Trade Agreement (NAFTA) (2017). May 24. 38 p.

Congressional Research Service. The United States-Mexico-Canada Agreement (USMCA) (2020). July 27. 44 p.

From Farms to Silicon Valley, U.S. Businesses Stand to Gain from USMCA. *The Wall Street Journal*. Dec. 10, 2019. (<https://www.wsj.com/articles/from-farms-to-silicon-valley-u-s-businesses-stand-to-gain-from-usmca-11576008127>).

Jagannathan M. (2017) Here are all the terrible things President Trump has said about NAFTA - before deciding to stick with it. *New York Daily News*. April 27. (<https://www.nydailynews.com/news/politics/terrible-president-trump-nafta-article-1.3107104>).

Laird I, Morris M. (2019). NAFTA Update a Step Backward for US Investors. *Law 360*. May 9, 2019. (<https://www.law360.com/articles/1157475/nafta-update-a-step-backward-for-us-investors>).

Schaap P. (2018) How the USMCA weakens protections for foreign direct investment. *S&P Global Market Intelligence*. Oct.18. (https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/trending/ff94cmo_higdn3k8jeasq2).

Hills C.A. (2014) NAFTA's Economic Upsides. The View from the United States. *Foreign Affairs*, vol. 93, № 1. pp.122-127.

Feldstein M. (2017) Inconvenient Truths about the US Trade Deficit. April 25. *Project Syndicate* (<https://www.project-syndicate.org/commentary/america-trade-deficit-inconvenient-truth-by-martin-feldstein-2017-04>).

Bergsten C. F. (2017) 17-23 Trade Balances and the NAFTA Renegotiation. *Peterson Institute for International Economics*. June 2017 (<https://www.piie.com/system/files/documents/pb17-23.pdf>).

Hufbauer G. C., Lu Z. (2016) Macroeconomic Forces Underlying Trade Deficits. *Peterson Institute for International Economics*. March 31. (<https://www.piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/macroeconomic-forces-underlying-trade-deficits>).

Steil B., Smith E. (2016) Column: Trump's trade policy is a recipe for recession, history says. *PBS*. October 14. (<https://www.pbs.org/newshour/economy/column-trumps-trade-policy-recipe-recession-history-says>).

Kent R., Morris D., Forrest S. (2018) NAFTA 2.0: Investment Protection and Dispute Settlement Under Chapter 14 of the United States-Mexico-Canada Agreement. *WilmerHale*. October 9 (<https://www.wilmerhale.com/en/insights/client-alerts/20181009-nafta-2-0-investment-protection-and-dispute-settlement-under-chapter-14-of-the-united-states-mexico-canada-agreement>).

USTR Releases NAFTA Negotiating Objectives. 07.17.2017. (<https://ustr.gov/about-us/policy-offices/press-office/press-releases/2017/july/ustr-releases-nafta-negotiating>).

Amadeo. K. (2021) The Problems with NAFTA. *The Balance*. February 01 (<https://www.thebalance.com/disadvantages-of-nafta-3306273>).

Об авторе

Перова Маргарита Константиновна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра североамериканских исследований (ЦСАИ) Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: mkperova@yandex.ru

About the author

Margarita K. Perova, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Science. 23, Profsoyuznaya st., 117997 Moscow, Russian Federation. E-mail: mkperova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 19.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 31.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

DOI: 10.31857/S086904990014445-1

Оригинальная статья / Original Article

Трансформация глобальных цепочек создания стоимости в условиях пандемии COVID-19: решения и стратегии американских МНП

© К.О. ЧУДИНОВА

Чудинова Ксения Олеговна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва, Россия), xenia.chudinova@gmail.com¹

В статье рассмотрены основные долгосрочные и краткосрочные тенденции развития глобальных цепочек создания стоимости и производственных сетей американских многонациональных предприятий (МНП). Среди них – последствия пандемии нового коронавируса COVID-19. Дан краткий обзор новых результатов, которые экономисты получили при изучении деятельности американских МНП. Описаны важнейшие экономические и внеэкономические факторы, влияющие на американские глобальные цепочки создания стоимости (ГЦСС). Обозначены перспективы решоринга и диверсификации для компаний из отдельных отраслей, а также альтернативные стратегии повышения устойчивости ГЦСС.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания стоимости, американские многонациональные предприятия, неоднородные фирмы, производственные сети, инновации.

Цитирование: Чудинова К.О. (2021) Трансформация глобальных цепочек создания стоимости в условиях пандемии COVID-19: решения и стратегии американских МНП // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 59–74. DOI: 10.31857/S086904990014445-1

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Global Value Chains Transformation and the COVID-19 Pandemic: Solutions and Strategies of American MNEs

© K. CHUDINOVA

Ksenia O. Chudinova, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), [xenia.chudinova@gmail.com](mailto: xenia.chudinova@gmail.com)

Abstract. This article examines the main long-term and short-term trends affecting the development of global value chains and production networks of American multinational enterprises, including the impact of the novel coronavirus COVID-19 pandemic. Some new findings in the field of heterogenous firm model development studies are briefly mentioned to give the additional information on American largest MNEs activities. The author outlines the most influential economic and non-economic factors affecting the American GVC, and defines some prospects for reshoring and diversification of companies in certain industries, as well as alternative strategies to increase the sustainability of GVCs in the time of pandemic.

Keywords: global value chains, American multinational enterprises, heterogeneous firms, production networks, innovation.

Citation: Chudinova K. (2021) Global Value Chains Transformation and the COVID-19 Pandemic: Solutions and Strategies of American MNEs. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.3, pp. 59–74. DOI:10.31857/S086904990014445-1 (In Russ.)

До развития глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) торговлю и инвестиции часто рассматривали как взаимозамещающие виды деятельности. По мере смещения структуры прямых иностранных инвестиций (ПИИ), осуществляемых многонациональными предприятиями (МНП), в сторону вертикальных инвестиций, получила распространение идея, что торговля и инвестиции скорее дополняют, чем замещают друг друга. Однако реальность значительно усложнилась: большинство МНП реализуют как горизонтальные, так и вертикальные инвестиции за рубежом. Кроме того, у связей многих филиалов с компаниями-учредителями есть признаки как горизонтальной, так и вертикальной интеграции.

Некоторые из этих подразделений созданы посредством инвестиций «с нуля», в то время как другие сформированы в результате слияний или поглощений. Целью таких слияний может быть, например, получение доступа к технологиям. МНП не только открывают собственные дочерние компании за границей, но и заключают контракты с независимыми партнерами, что еще более усложняет задачу. В современной глобальной экономике МНП все чаще находятся в центре международных производственных сетей ГЦСС. Иногда границы и структура ГЦСС совпадают с границами и структурой МНП, но во многих случаях идеального совпадения не наблюдается [*Cadestin et al.* 2018].

С помощью создания трансграничных сетей американские многонациональные компании приобретают значительную стратегическую и операционную гибкость. В рамках внутрифирменных связей между штаб-квартирой и подразделениями за рубежом происходит интенсивный обмен товарами и услугами, капиталом, рабочей силой, видами операций, знаниями и т.д. Некоторые фрагменты сети сосредоточены на производственной деятельности. Например, одни филиалы производят промежуточные ресурсы для других филиалов или материнской компании в рамках вертикальной интеграции по образу «змеи» или «паука» [*Baldwin, Venables* 2010]. Другие занимаются

вопросами распространения продукции (горизонтально интегрированные филиалы). Материнская компания может вообще не иметь производственных мощностей. Вместо этого она сосредоточивается на общем руководстве всей сетью, на инновационной и научно-исследовательской деятельности, финансовых и налоговых операциях и т.д. В качестве примеров глобальных компаний с в высшей степени сложной структурой можно назвать Amazon, Apple или Dell.

Американские МНП наращивают свое присутствие за рубежом. Они завоевывают новые рынки и способствуют восстановлению мировой экономики после кризиса, вызванного пандемией коронавируса COVID-19. Однако на их пути встают многочисленные препятствия как экономического, так и внеэкономического характера.

Развитие методологических подходов к изучению МНП: работы экономистов

Многонациональные предприятия (МНП) эволюционировали за последние несколько десятилетий. Из несложных трансграничных цепочек, которые создавались с целью поиска ресурсов и новых рынков, они превратились в производственные сети, оперирующие в глобальном масштабе. По данным ЮНКТАД, около 80% мировой торговли связано с международными производственными сетями МНП [UNCTAD 2020]. Добавленная стоимость, создаваемая многонациональными предприятиями в своих странах и в зарубежных филиалах, составляет около четверти мирового ВВП и около трети всего объема производства частного сектора. По данным Глобального института McKinsey, более 95% мировой торговли проходит через ГЦСС [McKinsey & Company 2020].

Теории, объясняющие поведение МНП в мировой торговле, развивались по разным направлениям. Одной из первых фундаментальных концепций стала эклектическая парадигма Дж. Даннинга. Она обозначила три типа преимуществ, которыми могут обладать МНП. Следующую фундаментальную концепцию, которая интегрировала старые и новые теоретические подходы, разработали П. Кругман и Э. Хелпман. В рамках этой модели сравнительные преимущества компании возникают благодаря обеспеченности факторами производства, дифференциации продуктового ассортимента и отдачи от масштаба [Bernard, Jensen, Redding, Schott 2007].

В то же время становилось понятнее, что темпы развития новой методологии отставали от темпов фрагментации производства и формирования сложных трансграничных производственных сетей вокруг ТНК. Появлялись работы, опирающиеся на новейшие статистические данные, которые отличались большей степенью дезагрегированности. Основное внимание они уделяли деятельности и решениям компаний уже на уровне взаимодействия между фирмами, а не на уровне стран и отраслей, как прежде.

Модель внутриотраслевой торговли Кругмана доработал М. Мелиц. Он взял за основу представление о неоднородности (гетерогенности) компаний, участвующих в международной торговле. Модель Мелица служит фундаментом для многих современных теорий, объясняющих различные аспекты деятельности МНП в международных экономических отношениях, а позднее – развитие вокруг многонациональных компаний сетей ГЦСС. Значительный интерес представляют труды Э. Бернарда и П. Антраса, существенно расширивших методологию Мелица.

При росте торговли промежуточными товарами в середине 1990-х гг. начали возникать теоретические подходы и модели, объясняющие феномен «глобальных цепочек создания стоимости». Экономисты называли данное явление разными терминами: «фрагментация» (fragmentation), «вертикальная специализация» (vertical specialization), «поиск глобальных источников поставок» (global sourcing), «разукрупнение» (unbundling). Примерно с 2010-х гг. чаще используют термин «глобальные цепочки создания стоимости»

(global value chains). Изначально его приняли междисциплинарные специалисты, такие как экономический социолог Г. Гереффи и его коллеги [Chor 2019].

Отметим ряд российских исследователей, которые занимаются анализом международной торговли и новых методологических подходов к ее изучению. В частности, эволюции теории международной торговли посвящены работы А. Киреева [Киреев 2011]. Развитие вертикальных производственных связей в период интенсивного роста интеграционных процессов отражено в [Шишков 2009]. Предпосылки для нового этапа глобализации и особенности различных типов ГЦСС подробно разработаны в [Кондратьев 2018]. Усовершенствованию методик учета добавленной стоимости в рамках ГЦСС и воздействию экономического кризиса 2020 г. на процессы в мировой торговле уделено большое внимание в [Варнаровский 2018; Варнаровский 2021].

Степень глобализации американской экономики и значение американских прямых инвестиций для развития глобальных производственных сетей и формирования «второй экономики США» изложены в [Зименков 2015; Сулян 2015]. Факторы, определяющие высокую конкурентоспособность американских корпораций, подробно исследованы в [Богаевская 2012].

Исследования по деятельности МНП и их зарубежным инвестициям сейчас развиваются. Поэтому невозможно в полной мере объяснить все причины, которые побуждают фирмы открывать филиалы за рубежом и создавать производственные сети. Однако появляются новые работы, которые предсказывают поведение многонациональных компаний с возрастающей точностью. Крайне продуктивным представляется и сочетание подходов американских экономистов, изучающих международную торговлю, с исследованиями специалистов из других отраслей. К примеру, группа исследователей под руководством Г. Гереффи в своих работах подробно описывают широкий спектр форм взаимодействия и регулирования отношений компаний в рамках ГЦСС.

Соединение этих двух направлений дает впечатляющие результаты. Среди них – публикация посвященного ГЦСС Доклада о мировом развитии Всемирного банка или последнего Доклада о мировых инвестициях ЮНКТАД.

Фундаментальные характеристики американских МНП

Детальное описание последних исследований в области новейшей теории международной торговли не входит в задачи данной статьи. Остановлюсь подробнее на результатах некоторых из этих исследований. Они представляют большой интерес для понимания фундаментальных особенностей американских многонациональных предприятий.

Крайне интересные данные об американских компаниях получены в новой, вышедшей в 2018 г. работе Э. Бернарда и его коллег [Bernard, Jensen, Redding, Schott 2018]. Они существенно расширили стандартную модель монополистической конкуренции с неоднородными (гетерогенными) фирмами и предложили свою модель. В ее рамках фирмы могут иметь большие доли рынка и одновременно принимать решения относительно размещения своих производственных мощностей, экспортных рынков, источников поставок, экспортируемых продуктов и импортируемых ресурсов. Особый интерес представляет тот факт, что эмпирической основой для данной модели служат статистические данные об американских компаниях и их торговых сделках. На их примере авторы исследуют различные аспекты участия фирм в международном разделении труда. Также они выявляют отношения взаимозависимости и взаимодополняемости между различными вариантами решений. Авторы использовали базы данных по операциям американских МНП за период до 2007 г. Однако полученные результаты хорошо описывают общие характеристики американских компаний. Большая их часть в полной мере релевантна и сегодня.

В соответствии с обычным алгоритмом исследований поведения неоднородных фирм в модели авторы сделали акцент на самоотборе компаний, занимающихся экспортной

деятельностью. На 2007 г. в обрабатывающем секторе США экспортом занимались только около 35% фирм. Показатели существенно варьировались. Так, экспортировали свою продукцию примерно 75% фирм, занятых в производстве компьютерной и электронной продукции, но лишь около 15% компаний, занимавшихся полиграфией и сопутствующей поддержкой. Такое различие по отраслям вполне соответствует общему представлению о сравнительных преимуществах Соединенных Штатов в капиталоемких секторах, таких как электрооборудование, бытовая техника. В них доля экспортеров была вдвое больше, чем в таких трудоемких секторах, как производство одежды.

Самоотбор фирм, выбирающих экспортную деятельность, предполагает, что между экспортерами и неэкспортерами существуют различия в организации и эффективности их работы. Данные исследования это подтверждают: на 2007 г. в американских компаниях-экспортерах были на 128% больше численность занятых, на 172% – объем поставок, на 33% – выше добавленная стоимость в расчете на одного работающего, и на 3% выше совокупная факторная производительность (СФП).

Авторы сравнили данные 2018 г. с результатами их широко цитируемого исследования за 2007 г. [Bernard, Jensen, Redding, Schott 2007]. Стабильные различия в показателях деятельности экспортеров и неэкспортеров, которые со временем несколько усилились, оказались очевидными. Аналогичные расхождения в производительности между экспортерами и неэкспортерами были обнаружены в отдельных развитых и развивающихся странах, включая Францию, Германию, Словению.

Результаты по показателям фирм-импортеров похожи на результаты по фирмам-экспортерам. В 2007 г. около 20% компаний в обрабатывающем секторе США вели импортную деятельность. Однако между отраслями наблюдался значительный разброс. Доля импортеров колеблется от 5% компаний в такой отрасли, как полиграфия и сопутствующая поддержка, до 50% в производстве компьютерной и электронной продукции. Самоотбор фирм, выбирающих импортную деятельность, также предполагает, что импортеры и неимпортеры различаются по эффективности работы. Данные подтверждают это предположение. «Импортные премии» по отраслям обрабатывающей промышленности США на 2007 г. составляли около 120% по численности занятых, 32% по объему поставок, 25% по добавленной стоимости в расчете на одного работающего, 3% по СФП, 9% по заработной плате, 28% по капиталоемкости и 16% по интенсивности потребления квалифицированного труда. Самые большие различия с остальными предприятиями в производительности были обнаружены у фирм, которые одновременно экспортируют и импортируют.

Наиболее успешные торгующие компании с непропорционально высокой вероятностью будут заниматься как экспортом, так и импортом. Деятельность по всем видам торговых операций в максимальной степени сконцентрирована в крупнейших фирмах. На верхний дециль фирм приходилось более 95% общего объема торговли, экспорта и импорта и более 99% торговли между аффилированными сторонами в 2007 г. Даже среди крупнейших фирм выделялся 1% компаний, которые контролировали более 80% торговли и более 92% торговли между аффилированными сторонами. На эти «крупнейшие из крупнейших» фирм приходился в пятнадцать раз больший объем экспорта и импорта, чем на фирмы из второго по величине процента.

Вывод о том, что торговля непропорционально сконцентрирована в крупнейших фирмах, подтвержден исследованиями компаний из разных стран. Например, в обрабатывающем секторе доля экспорта, приходящаяся на 1% ведущих фирм, составляла 48% в Бельгии, 44% во Франции, 59% в Германии, 77% в Венгрии, 32% в Италии, 53% в Норвегии и 42% в Великобритании [Bernard, Jensen, Redding, Schott 2018].

Экономисты П. Антрас и С.Р. Йипл, опираясь на методологическую основу П. Кругмана и М. Мелица, чуть меньше десяти лет назад проанализировали ключевые

особенности структуры зарубежных операций многонациональных предприятий, используя в первую очередь данные по США [Antràs, Yeaple 2014].

Исследователи выделяют общие закономерности, многие из которых в высокой степени характеризуют деятельность американских многонациональных компаний и на современном этапе.

Деятельность МНП в основном сосредоточена в развитых странах и включает как экспортные, так и импортные операции. Развивающиеся страны являются для МНП скорее направлением деятельности, чем ее источником [Antràs, Yeaple 2014].

Сейчас значение развивающихся стран возросло, однако большая часть американских инвестиций все еще приходится на направление «Север-Север». По данным Бюро экономического анализа, в 2019 г. Европа была для США крупнейшим источником и важнейшим направлением потоков прямых инвестиций. На европейские страны приходилось 60% общего объема накопленных прямых инвестиций американских компаний за рубежом и 64% накопленных прямых инвестиций иностранных компаний в США [Direct Investment by Country...2020].

Деятельность ТНК имеет особое значение для торговли товарами, отличающимися высокой капиталоемкостью и наукоемкостью. При этом значительная доля потоков ПИИ носит внутриотраслевой характер.

Доля реального вклада транснациональных компаний существенно различается в зависимости от отрасли. Усредненные данные по США за 2000–2005 гг. свидетельствуют, что импорт трудоемких товаров, таких как одежда или обувь, шел в основном от независимых поставщиков («на расстоянии вытянутой руки»). Вместе с тем импорт товаров с высокой капиталоемкостью, таких как автомобили и фармацевтические препараты, осуществлялся в пределах фирм [Antràs, Yeaple 2014].

Для материнских компаний важна как квалификация сотрудников, так и инновации, что видно по доле расходов на НИОКР. На материнские компании МНП пришлось 77,2% от всех затрат американских фирм на НИОКР в 2016 г. [Hossiso 2019]. В 2018 г. затраты американских МНП на НИОКР возросли на 6,9% до 381,4 млрд долл. (73% всех затрат на НИОКР американских компаний). Затраты материнских компаний составили 323,1 млрд, а дочерних – 58,2 млрд долл. [Activities of U.S. Multinational...2020].

По данным Бюро экономического анализа, в 2018 г. у материнских компаний американских МНП на экспортные поставки в свои филиалы за рубежом приходилось около 20% от общего объема экспорта [Hossiso 2021]. Импорт материнских компаний из своих филиалов за рубежом составил 12-17% всего объема. Добавленная стоимость, созданная американскими МНП, достигла в 2018 г. 5,7 трлн долл. На материнские компании пришлось 74%, и только 26% – на филиалы. Добавленная стоимость, созданная материнскими компаниями в США, возросла на 7,8%, до 42 трлн долл., составив 23,3% от частного сектора. Добавленная стоимость, созданная зарубежными филиалами, увеличилась на 4,1% до 1,5 трлн долл. [Activities of U.S. Multinational...2020].

Как материнские, так и дочерние подразделения многонациональных фирм, как правило, отличаются большими размерами, производительностью, интенсивностью НИОКР и больше ориентированы на экспорт, чем компании, которые не ведут деятельность за рубежом [Antràs, Yeaple 2014].

В 2018 г. численность занятых в американских МНП составляла 43 млн человек, из них 28,6 млн (66,5%) были сотрудниками материнских компаний, а 14,4 млн (33,5%) работали в зарубежных филиалах. На американские материнские компании приходилось 22% от общей численности занятых в частном секторе США. Наибольшая доля была занята в производстве (в первую очередь, транспортных средств, компьютеров и электроники) и в розничной торговле. Капитальные затраты американских МНП в 2018 г. равнялись 912,1 млрд долл. Из них на материнские компании пришлось 721,6 млрд долл. (42,5%

от всех капитальных затрат американских компаний), а на дочерние – 190,4 млрд [Activities of U.S. Multinational...2020].

В многонациональных предприятиях материнские компании в большей степени специализируются на НИОКР. Филиалы в основном занимаются продажей товаров на зарубежных рынках.

По данным ВЕА за 2009 г., на материнские компании в США приходилось 65% всех продаж, 68% добавленной стоимости и численности занятых, а также 84% расходов на НИОКР [Antràs, Yeaple 2014].

Данные за 2017 г. свидетельствуют, что деятельность американских многонациональных предприятий по-прежнему сконцентрирована в Соединенных Штатах. На материнские компании пришлось почти три четверти добавленной стоимости МНП, более трех четвертей капитальных затрат, почти две трети от численности занятых в МНП по всему миру и более четырех пятых расходов МНП на НИОКР [Hossiso 2019].

Новый этап развития ГЦСС: основные тенденции

Этап максимально быстрого роста ГЦСС («гиперглобализация») пришелся на период с 1990 по 2007 гг. Цепочки создания стоимости развивались, прежде всего, в машиностроении, электронной промышленности и транспортной отрасли. Охватывались и регионы, специализирующиеся на этих отраслях, а именно Северная Америка, Восточная Азия, Западная Европа [Trading for Development... 2020]. После «Великой рецессии» рост международного производства и мирового экспорта товаров и услуг замедлился. Явление получило название «slobalization». По данным ЮНКТАД, «застой зарубежных инвестиций в производственные мощности стал главным фактором замедления мировой торговли, в частности, торговли в рамках ГЦС» [UNCTAD 2020].

Какие факторы замедляют данный процесс? Действительно ли замедление носит негативный характер, или оно обусловлено некими фундаментальными новыми качественными характеристиками международной торговли?

В докладе компании McKinsey отмечены следующие тенденции:

1. Почти во всех ГЦСС, нацеленных на производство товаров, снизилась интенсивность торговли (отношение валового экспорта к валовому выпуску). Доля продукции, перемещаемой через границы, сократилась с 28,1% в 2007 г. до 22,5% в 2017 г. Замедлился рост объемов торговли. Данные явления могут говорить о росте внутреннего потребления в Китае и других развивающихся странах.

2. Услуги играют в ГЦСС все большую роль, но их место в цепочках по-прежнему недооценено. В 2017 г. объем мировой торговли услугами составил 5,1 трлн долл., что намного меньше, чем объем торговли товарами – 17,3 трлн долл. Однако торговля услугами за десятилетие 2007–2017 гг. возростала более чем на 60% быстрее, чем торговля товарами, а в некоторых отраслях – в два-три раза быстрее. Среди них – телекоммуникационные и ИТ-услуги, бизнес-услуги и отчисления за права на интеллектуальную собственность. Следует отметить, что роль услуг недостаточно отражена в традиционной статистике. Во-первых, при производстве торгуемых промышленных товаров примерно треть добавленной стоимости приходится на услуги. Товары продаются на рынке благодаря вложениям компаний в НИОКР, инжиниринг, продажи и маркетинг, финансы и человеческие ресурсы. Кроме того, в большинстве ГЦСС используются импортные услуги. В будущем различие между товарами и услугами продолжит стираться, поскольку производители все чаще вводят новые типы бизнес-моделей в форме лизинга, подписок и других «услуг». Эти изменения в будущем могут оказать значительное воздействие на торговый баланс некоторых стран, в первую очередь США.

3. Торговля, основанная на арбитраже затрат на рабочую силу, сокращается в некоторых ГЦСС. При разрастании глобальных цепочек добавленной стоимости в 1990-х – 2000-х гг. многие решения о том, где разместить производство, принимались с учетом затрат на рабочую силу, особенно в отраслях, производящих трудоемкие товары и услуги. Сегодня только 18% торговли товарами основано на арбитраже затрат на рабочую силу. Компании, принимая решения о размещении производства, учитывают другие факторы: доступ к квалифицированной рабочей силе или природным ресурсам, близость к потребителям и качество инфраструктуры. Более того, доля торговли, основанной на арбитраже затрат на рабочую силу, снижается в некоторых ГЦСС, особенно в производстве трудоемких товаров. Рост заработной платы в развивающихся странах в основном отражает эту тенденцию. В будущем автоматизация и искусственный интеллект могут усилить этот тренд, и трудоемкое производство будет превращаться в капиталоемкое.

4. Цепочки добавленной стоимости становятся более региональными и менее глобальными. Регионализация наиболее видна в инновационных ГЦСС. Такие ГЦСС нуждаются в тесной интеграции поставщиков, чтобы обеспечивать производство по принципу «строго вовремя» (*just-in-time*). Подобная тенденция может распространиться и на другие ГЦСС, так как автоматизация производства снижает важность арбитража затрат на рабочую силу и увеличивает значение своевременного выхода продуктов на рынок.

5. ГЦСС, особенно инновационные, становятся более наукоемкими, и нематериальные активы играют в них важную роль. Компании, производящие машины и оборудование, тратят на НИОКР и нематериальные активы 36% доходов, в то время как компании, занимающиеся производством фармацевтических препаратов и медицинского оборудования, – 80%. Укрепляются позиции США и других стран с высококвалифицированной рабочей силой, сильным инновационным и научно-исследовательским потенциалом, с надежной защитой интеллектуальной собственности. Во многих ГЦСС создание стоимости смещается к более близким к началу цепочки этапам, таким как НИОКР и дизайн, а также к этапам ближе к ее концу, таким как распространение, маркетинг и постпродажное обслуживание.

Данная тенденция наиболее заметна в фармацевтике и производстве бытовой электроники – в них становится больше компаний с «виртуальным производством». Они концентрируют ресурсы на разработке товаров, а производство отдают на аутсорсинг [McKinsey & Company 2019].

Указанные тенденции тесно связаны с воздействием нового витка НТП. Технологические инновации сильно влияют на эволюцию ГЦСС. Максимальным потенциалом для изменения структуры международного производства, по всей вероятности, обладают такие технологии, как автоматизация с использованием робототехники, расширение цифровизации цепочек поставок и технологии аддитивной печати (*3D printing*) [McKinsey & Company 2019; UNCTAD 2020].

Существует точка зрения, что, например, «автоматизация с использованием робототехники снижает долю затрат на рабочую силу в издержках производства, увеличивает эффект масштаба и может привести к повторному объединению и ресорингу разнесенных процессов» [UNCTAD 2020]. Тем не менее взаимозаменяемость автоматизации и офшоринга неочевидна. В Докладе о мировом развитии [Trading for Development... 2020] показано, что автоматизация в промышленно развитых странах, по-видимому, фактически увеличила импорт из развивающихся стран. В то же время, к примеру, в своей работе П. Антрас, Т. Форт и Ф. Тинтельно подтверждают, что американские фирмы, которые начали импортировать продукцию из Китая после вступления этой страны в ВТО, также увеличили свои закупки и у отечественных поставщиков [Antràs, Fort, Tintelnot 2017].

Автоматизация, робототехника и аддитивная печать могут повышать производительность компаний, тем самым увеличивая спрос на промежуточные ресурсы, в том числе необходимые собственно для печати [Antràs^b 2020].

По оценкам Института McKinsey, новейшие технологии могут способствовать сокращению мировой торговли товарами и росту торговли услугами. Среди таких технологий – аддитивное производство, автоматизация и ИИ. Часть производства, возможно, вернется на отечественные рынки. Возможно также, что новые технологии приведут не к рещорингу, а к передислокации филиалов в страны по соседству с конечными рынками сбыта, способствуя регионализации экономик. В то же время развивающиеся страны освоюют новые способы производства, повысят его эффективность и, сохранив предприятия у себя, поддержат торговлю [McKinsey & Company 2019].

Негативные факторы, воздействующие на американские ГЦСС

Структурная трансформация ГЦСС последние десять лет происходит не только из-за технического прогресса, но и по причине долгосрочных негативных и кризисных тенденций. Некоторые из них возникли вследствие глобализации, а некоторые обусловлены внеэкономическими причинами. Американские МНП, в силу своих масштабов и роли в мировой экономике и в развитии НТП, – одна из мощных сил, участвующих в формировании как положительных, так и негативных тенденций. К негативным тенденциям обычно относят разрушение международной системы правил регулирования торговли, рост протекционизма и торговых барьеров, а также торговую войну США с Китаем. Одной из основных причин возникновения этих тенденций можно назвать рост неравенства, сопутствовавший глобализации.

Изучение ГЦСС на уровне фирм позволяет увидеть новые аспекты, связанные с ростом неравенства в результате интеграции экономик в международную торговлю. Например, с учетом отдачи от масштаба и постоянных издержек, обусловленных участием в ГЦСС, крупные фирмы получают значительно большую выгоду. Как показано, в том числе, в работе Э. Бернарда и его коллег, именно они чаще участвуют в международном разделении труда. В результате это может способствовать росту количества крупных фирм. Другими словами, появление фирм-«суперзвезд» в Соединенных Штатах и других развитых странах окажется частично связано с развитием ГЦСС [Antràs 2020].

Сегодня на американские компании приходится 38% от общего количества «суперзвезд». Они работают в довольно узком спектре отраслей, таких как производство потребительских товаров, одежды и предметов роскоши, фармацевтика и производство медицинских товаров, банковское дело, страхование и др. Такие фирмы отличаются большими затратами на научные исследования и разработки, а также непропорционально высокой долей нематериальных активов. В пределах верхнего дециля компаний, которые в докладе определены как «суперзвезды», на 1% – 58 крупнейших компаний – приходится 8% мирового дохода и 36% экономической прибыли.

В глобальном масштабе среди фирм с доходом более 1 млрд долл. 10% компаний получают 80% всей экономической прибыли. Значительная их часть, в полном соответствии с моделью неоднородных фирм, в результате своей высокой эффективности и самоотбора стала МНП [McKinsey & Company 2018; *Manyika, Pinkus, Tuin* 2020].

Прирост валовой добавленной стоимости в секторе «суперзвезд» в основном связан с валовой операционной прибылью. В США в данных секторах идет конкуренция за квалифицированный персонал, чьи зарплаты выше среднерыночных. Однако общий прирост занятости в них остается низким. В секторах со значительным ростом занятости, таких как здравоохранение и гостиничный бизнес, за последние 20 лет заработная плата не изменилась или снизилась. За период с 2000 по 2019 г. средняя заработная

плата рабочих в США росла всего на 0,9% в год. В то же время поляризация рынка труда в сторону высоко- и низкооплачиваемой занятости привела к сокращению в Америке миллиона рабочих мест со средней заработной платой [McKinsey & Company 2018; Manyika, Pinkus, Tuin 2020].

Также протекционизм растет из-за соперничества в сфере научно-технического лидерства – в том числе из-за аспектов, связанных с обеспечением национальной безопасности. В первую очередь речь идет о соперничестве между развитыми странами и КНР. К примеру, в 2018 г. президент США запретил поглощение американской компании-производителя микросхем Qualcomm компанией Broadcom из Сингапура именно по соображениям национальной безопасности. Broadcom предложила заплатить 117 млрд долл. за присоединение Qualcomm. Поглощение могло бы стать крупнейшей сделкой такого типа [UNCTAD 2019].

Кризис 2020 г. и перспективы изменения производственных сетей американских МНП

За период 2000-2020 гг. стоимость промежуточных товаров, экспортируемых через границы, утроилась и составила более 10 трлн долл. в год. Протяженные и сложные цепочки создания стоимости эффективны, но подвержены сбоям. Сбои становятся все более частыми и серьезными. Угрозы могут быть разные – от роста напряженности во внутренней и внешней политике отдельных государств и развязывания торговых войн до природных катаклизмов. В список входят кибератаки, терроризм, промышленные аварии. Пандемия COVID-19 вынудила компании сосредоточиться на повышении устойчивости своих цепочек поставок и операций. Однако новые технологии, экономические факторы, торговая война США с Китаем и общий рост неопределенности заставили компании думать о трансформации своих ГЦСС еще до пандемии. В декабре 2019 г. компания McKinsey опросила 600 руководителей фирм по всему миру, и 70% из них сообщили о пересмотре своих стратегий в отношении цепочек поставок и районов их размещения [McKinsey & Company 2020].

К числу важнейших факторов, которые могут побудить компании трансформировать свои ГЦСС, относятся:

Рост торговых издержек. Когда ожидается рост издержек, у фирм появляется стимул концентрировать производство в расположенных поблизости районах или перенести его на новую локацию, с более высоким уровнем определенности.

Воздействие шоков и уязвимость цепочек поставок. Если промежуточные компоненты продукта дополняют друг друга, то шок, который привел к остановке производства на одной стадии вертикальной цепочки, остановит его и на других. К примеру, если локдауны будут вводить в разное время в разных странах, где у компании размещены производственные мощности, производство в рамках цепочки будет парализовано на весь период.

Диверсификация поставок в целях повышения устойчивости ГЦСС. Значительная доля мирового промышленного производства сосредоточена в Китае, и пандемия COVID-19 может ускорить тенденцию к перемещению производства за пределы КНР [Bacchetta, Bekkers, Piermartini, Rubinova, Stolzenburg, Xu 2021]. В то же время компании в разных отраслях имеют разные возможности для проведения диверсификации или перемещения производственных мощностей.

Участие компаний по всему миру в ГЦСС приводит к различным масштабным последствиям, влечет за собой более «тонкое» международное разделение труда, но также включает ряд дополнительных аспектов.

Взаимодействие компаний, участвующих в одной ГЦСС, не происходит в идеальных условиях. Постоянные издержки на операции экспорта и импорта частично отражают

затраты на поиск поставщиков подходящих компонентов или покупателей для своей продукции. Постоянные издержки имеет смысл считать невозвратными. Они создают основания для «негибкости» (stickiness) во взаимодействии участников ГЦСС между собой. Аспект «замкнутости» (lock-in) в отношениях участников ГЦСС обусловлен наличием конкретных инвестиций компаний в отдельные проекты в рамках этих отношений (например, приобретение специализированного оборудования или изготовление продукции по техническим условиям заказчика). В случае разрыва связей в рамках цепочки эти инвестиции будут иметь очень низкую рентабельность [Antràs 2020*].

Перестроить капиталоемкие производственные цепочки американским компаниям трудно, поскольку в их создание зачастую вложены сотни миллиардов долларов инвестиций. То же самое относится и к наукоемким цепочкам. Они, как правило, представляют собой целые экосистемы, развивающиеся в определенных местах, с уникальными поставщиками, продукцию которых крайне сложно заменить. Решение перенести производство за пределы экосистемы в новое место может обойтись очень дорого. Только в отдельных случаях речь будет идти о решоринге, как бы громко ни звучали политические призывы к нему. Таким образом, компания сталкивается с выбором между устойчивостью к шокам и более высокой эффективностью в нормальное время. Обычно фирмы склонны снижать риски. Но они не вкладывают значительные средства, чтобы застраховать себя от всех типов сбоев.

Рост неопределенности, протекционизма и торговая война, а затем пандемия COVID-19 выявили риски недостаточной диверсификации источников поставок промежуточных ресурсов. В то же время большая диверсификация в цепочках поставок связана с дополнительными затратами. Особенно это относится к секторам, где велика отдача от масштаба, значительны невозвратные издержки, где компании в рамках цепочки взаимодействуют в течение долгого времени и где высока стоимость нематериальных активов, а также в наукоемких секторах [Bacchetta, Bekkers, Piermartini, Rubinova, Stolzenburg, Xu 2021]. В производстве электронного оборудования, автомобилестроении и других отраслях, где работает много американских МНП, большая часть компаний выберет диверсификацию, а не решоринг.

Компания McKinsey провела в 2020 г. опрос с целью выяснить, насколько реальна перспектива передислокации производственных мощностей в другие районы [McKinsey & Company 2020]. В исследовании опрашивали компании в секторах ГЦСС, где лидирующие позиции занимают американские предприятия: производство полупроводников, автомобилестроение, фармацевтическая отрасль и производство текстильных изделий и готовой одежды.

Производство полупроводников. В то время как американские компании заняты преимущественно разработкой новых типов микросхем, производство в основном сосредоточено в Южной Корее и на Тайване. Отдача от масштаба и сравнительные преимущества районов текущего размещения производства на настоящий момент оставляют очень мало возможностей для его переноса. Стоимость строительства завода по производству полупроводников может превышать 10 млрд долл., что создает высокие барьеры для входа на рынок. Впрочем, побудить компании перенести производство может не экономика, а политика правительств, обеспокоенных вопросами национальной безопасности и конкурентоспособности. В итоге 11-22% торговых потоков могут быть перемещены в другие районы.

Автомобилестроение. В этом секторе ГЦСС одни из самых сложных в мировой экономике, а также наиболее регионализированные. Ежегодный мировой экспорт автомобилей составляет 1,7 трлн долл., из которых примерно 59% приходится на три региона: Азию, Европу и Северную Америку. Автомобильная промышленность – важная отрасль с точки зрения создания рабочих мест, инноваций и конкурентоспособности, и страны всегда принимали меры, направленные на сохранение и развитие этой отрасли. Автопром

США интегрирован с Мексикой и Канадой. Отчасти региональная кластеризация обусловлена тем фактом, что транспортировка автомобилей и запчастей обходится дорого. Национальная политика и регулирование также играют большую роль в принятии решений о размещении производства (актуальный пример – требования к производителям USMCA). Несмотря на преимущественно региональный характер производственных сетей, производители по-прежнему полагаются на поставки отдельных запчастей из Китая. В 2018 г. Китай экспортировал автомобильных запчастей и материалов на 44 млрд долл., из которых 17 млрд долл. пришлось на Северную Америку. Естественно, что первоначальная вспышка COVID-19, возникшая в провинции Хубэй, тут же вызвала шок в отрасли. Относительно небольшая доля автомобильного экспорта, от 15 до 20% в стоимостном выражении, может быть перемещена в другие регионы, главным образом по причинам внеэкономического характера.

Фармацевтическая индустрия. В ней ГЦСС рассредоточились по всему миру за последние 20 лет. Однако производство некоторых продуктов сконцентрировано в отдельных регионах. Фармацевтические ГЦСС делятся на два взаимодополняющих сектора: один специализируется на более простых продуктах (антибиотики, аспирин и т.п.), а другой сосредоточен на передовых препаратах для лечения тяжелых заболеваний – таких, как рак и рассеянный склероз. С точки зрения показателя стоимости в экспорте как промежуточных ингредиентов, так и готовых лекарств доминируют развитые страны, включая США. Устаревшие продукты, которые уже не защищены патентами, или непатентованные формы лекарств, производят в странах, где затраты ниже (Китай, Индия, Сингапур и Ирландия). В ходе развития пандемии многие правительства вынуждены принимать решения о необходимости восстановления и поддержки отечественного производства отдельных лекарств и медицинского оборудования. В результате от 38 до 60% фармацевтических ГЦСС могут быть перенесены в другие районы. Производство дешевых дженериков, вероятно, потребуется автоматизировать, чтобы не допустить повышения цен.

Текстильные изделия и одежда. Здесь ГЦСС уже меняются. Еще до пандемии, в опросе 2019 г. 72% менеджеров по закупкам из американских и европейских компаний заявили о планах диверсифицировать свои источники снабжения и найти новые за пределами Китая в таких странах, как Бангладеш, Эфиопия, Мьянма и Вьетнам [McKinsey & Company 2020].

Компании принимают меры, чтобы повысить краткосрочную устойчивость цепочек поставок во время пандемии. Среди таких мер – обеспечение «прозрачности» цепочек и четкого представления об их структуре, оценка имеющихся ресурсов, прогнозирование потребительского спроса, обеспечение логистики и т.д.

Многие компании начали вводить удаленные режимы работы. Инвестиции в новую организацию деятельности позднее могут привести к перемещению части высококвалифицированных услуг за рубеж. Некоторые IT-компании, в частности Facebook и Twitter, обязались продолжать удаленную работу и после пандемии. Не исключено, что такой подход повлечет за собой изменения в цепочках создания добавленной стоимости в сфере услуг.

Американские фирмы быстро реагировали и на изменения структуры спроса. Например, сеть супермаркетов Kroger установила партнерство с крупнейшими игроками на рынке общественного питания, такими как Sysco и U.S. Foods, чтобы гарантировать поставки в магазины [Bacchetta, Bekkers, Piermartini, Rubinova, Stolzenburg, Xu 2021].

* * *

На трансформацию ГЦСС американских МНП будут значительно влиять такие внеэкономические факторы, как политика в сфере обеспечения национальной конкурентоспособности и безопасности. Под воздействие данных факторов в первую очередь попадает производство полупроводников и коммуникационного оборудования,

а также наукоемкие ГЦСС, связанные с развитием новых технологий – от квантовых вычислений и искусственного интеллекта до возобновляемых источников энергии и электромобилей. Ключевой задачей для органов государственной власти в период пандемии остается необходимость обеспечить самодостаточность в вопросах поставок продуктов питания, фармацевтических препаратов и некоторых категорий медицинского оборудования.

Пандемия началась в период очередного скачка развития технологий. У компаний есть возможность находить новые решения. Соединение инноваций с мерами по снижению рисков и повышению устойчивости цепочек может привести к серьезным изменениям в глобальной конфигурации американских ГЦСС. У американских МНП гораздо больше шансов справиться с кризисом, чем у обычных компаний. Пандемия COVID-19 еще больше усилила «эффект суперзвезд». Наиболее эффективные фирмы имеют все шансы выдержать экономический кризис благодаря доступности ликвидных средств и диверсифицированных рынков. Более того, многие компании-«суперзвезды» отличаются высокой степенью цифровизации своей деятельности, что помогает им преуспеть во время пандемии. Некоторые из них занимают лидирующие позиции в сфере инноваций и услуг, таких как здравоохранение. Вполне возможно, что инновации в ГЦСС и автоматизация усилят неравенство доходов как в развитых, так и в менее развитых странах.

Благоприятному изменению ситуации могло бы содействовать введение крупнейшими экономиками прогрессивного налогового законодательства. Данная мера способствовала бы перераспределению части сверхдоходов, получаемых компаниями. В итоге выгоды от экономического роста создадут новые возможности для всего общества.

Преодолеть воздействие таких факторов, как политические разногласия или рост неопределенности, гораздо сложнее. Впрочем, решение этих проблем лежит не в экономической плоскости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богаевская О.В. (2012) Американские корпорации: механизмы сохранения лидерства в глобальной экономике. М.: ИМЭМО РАН (<https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2012/12044.pdf>).
- Варнавский В.Г. (2018) Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 1. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15 ([https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2018/0005_0015_\(1\)_VARNAVSKII_ID13588.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2018/0005_0015_(1)_VARNAVSKII_ID13588.pdf)).
- Варнавский В.Г. (2021) Глобальные цепочки создания стоимости в период пандемии COVID-19 // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 1. С. 14–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-14-23.
- Зименков Р.И. (2015) Новые явления в зарубежной деятельности американских ТНК // *Россия и Америка в XXI веке*. Вып. № 1. (<https://rusus.jes.su/s207054760009955-7-1/>).
- Киреев А.П. (2011) Теории международной торговли XXI в. // *Экономическая школа. Альманах*. Т. 7. С. 7–30.
- Кондратьев В. (2018) Новый этап глобализации: особенности и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 6. С. 5–17. DOI:10.20542/0131-2227-2018-62-6-5-17 ([https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2018/0005_0017_\(1\)_Kondatiev_ID18626.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2018/0005_0017_(1)_Kondatiev_ID18626.pdf)).
- Супян В.Б. (2015) Глобализация экономики США: масштабы, достижения и проблемы // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 9. С. 8–27. ([http://www.rfej.ru/rvv/id/3002953C7/\\$file/8-27.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/3002953C7/$file/8-27.pdf)).
- Шишков Ю.В. (2009) Интернационализация производства – новый этап развития мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН (<http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2009/09021.pdf>).
- Activities of U.S. Multinational Enterprises in 2018 (2020) Bureau of Economic Analysis (<https://apps.bea.gov/scb/2020/09-september/0920-multinational-enterprises.htm>).

Antràs P. (2020^b) De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. ECB Forum on Central Banking Conference Proceedings. (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/sintra/ecb.ecbforumonceutralbanking202011~5078c37a89.en.pdf>).

Antràs P. (2020^a) Conceptual Aspects of Global Value Chains // *The World Bank Economic Review*. Vol. 34. No. 3. Pp. 551–574.

Antràs P., Fort T., Tintelnot F. (2017) The Margins of Global Sourcing: Theory and Evidence from U.S. Firms // *American Economic Review*, Vol. 107. No. 9. Pp. 2514–2564 (<https://scholar.harvard.edu/files/antras/files/aftpublished.pdf>).

Antràs P., Yeaple S. (2014) Multinational Firms and the Structure of International Trade // *Handbook of International Economics*. Vol. 4. Pp. 55–130.

Bacchetta, M. et al. (2021) COVID-19 and global value chains: A discussion of arguments on value chain organization and the role of the WTO. WTO Staff Working Paper. (https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202103_e.pdf).

Baldwin R., Venables A. (2010) Spiders and snakes: Offshoring and agglomeration in the global economy // *Journal of International Economics*. Vol. 90(2). Pp. 245–254. DOI: 10.3386/w16611

Bernard A., Jensen B., Redding S., Schott P. (2007) Firms in International Trade // *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 21. No. 3. Pp. 105–30 (<http://www.princeton.edu/~reddings/pubpapers/FirmsTradeJEP2007.pdf>).

Bernard A., Jensen J., Redding S., Schott P. (2018) Global Firms // *Journal of Economic Literature*. Vol. 56, No. 2. Pp. 565–619.

Cadestin C., et al. (2018) Multinational enterprises and global value chains: New Insights on the trade-investment nexus // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. No. 2018/05. DOI: <https://doi.org/10.1787/194ddb63-en>.

Chor D. (2019) Modeling global value chains: approaches and insights from economics. Chapters, in: Ponte S., Gereffi G., Raj-Reichert G. *Handbook on Global Value Chains*. Pp. 105–118. Edward Elgar Publishing.

Direct Investment by Country and Industry for 2019. (2020) Bureau of Economic Analysis (<https://apps.bea.gov/scb/2020/08-august/0820-direct-investment.htm>).

Hossiso K. (2019) Activities of U.S. Multinational Enterprises in 2017 Bureau of Economic Analysis (<https://apps.bea.gov/scb/2019/09-september/0919-multinational-enterprises.htm>).

Hossiso K. (2021) An Ownership-Based Framework of the U.S. Current Account, 2019 (<https://apps.bea.gov/scb/2021/01-january/0121-current-account.htm>).

Manyika J., Pinkus G., Tuin M. (2020) Rethinking the future of American capitalism. McKinsey Global Institute. (<https://www.mckinsey.com/featured-insights/long-term-capitalism/rethinking-the-future-of-american-capitalism>).

McKinsey & Company (2018) “Superstars”: The dynamics of firms, sectors, and cities leading the global economy. McKinsey Global Institute Discussion Paper (<https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/superstars-the-dynamics-of-firms-sectors-and-cities-leading-the-global-economy>).

McKinsey & Company (2019) Globalization in transition: The future of trade and value chains. McKinsey Global Institute Report (<https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/globalization-in-transition-the-future-of-trade-and-value-chains>).

McKinsey & Company (2020) Risk, resilience, and rebalancing in global value chains. McKinsey Global Institute Report (<https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chains>).

Trading for Development in the Age of Global Value Chains. World Development Report (2020) World Bank Group, Washington DC (<https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020>).

UNCTAD (2019) World Investment Report (https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf).

UNCTAD (2020) World Investment Report (https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf).

REFERENCES

- Activities of U.S. Multinational Enterprises in 2018 (2020) Bureau of Economic Analysis (<https://apps.bea.gov/scb/2020/09-september/0920-multinational-enterprises.htm>).
- Antràs P. (2020^b) De-Globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age. ECB Forum on Central Banking Conference Proceedings. (<https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/sintra/ecb.ecbforumonceutralbanking202011~5078c37a89.en.pdf>).
- Antràs P. (2020^a) Conceptual Aspects of Global Value Chains. The World Bank Economic Review. Vol. 34. No. 3. Pp. 551–574.
- Antràs P., Fort T., Tintelnot F. (2017) The Margins of Global Sourcing: Theory and Evidence from U.S. Firms. *American Economic Review*, Vol. 107. No. 9. Pp. 2514–2564 (<https://scholar.harvard.edu/files/antras/files/aftpublished.pdf>).
- Antràs P., Yeaple S. (2014) Multinational Firms and the Structure of International Trade. *Handbook of International Economics*. Vol. 4. Pp. 55–130.
- Bacchetta, M. et al. (2021) COVID-19 and global value chains: A discussion of arguments on value chain organization and the role of the WTO. WTO Staff Working Paper. (https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202103_e.pdf).
- Baldwin R., Venables A. (2010) Spiders and snakes: Offshoring and agglomeration in the global economy. *Journal of International Economics*. Vol. 90(2). Pp. 245–254. DOI: 10.3386/w16611.
- Bernard A., Jensen B., Redding S., Schott P. (2007) Firms in International Trade. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 21. No. 3. Pp. 105–30 (<http://www.princeton.edu/~reddings/pubpapers/FirmsTradeJEP2007.pdf>).
- Bernard A., Jensen J., Redding S., Schott P. (2018) Global Firms. *Journal of Economic Literature*. Vol. 56, No. 2. Pp. 565–619.
- Bogaevskaya O.V. (2012) *Amerikanskije korporacii: mehanizmy sohraneniya liderstva v global'noj jekonomike* [American Corporations: Mechanisms of Securing Leadership in Global Economy] Moscow: IMEMO RAS (<https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2012/12044.pdf>).
- Cadestin C., et al. (2018) Multinational enterprises and global value chains: New Insights on the trade-investment nexus. *OECD Science, Technology and Industry Working Papers*. No. 2018/05. DOI: <https://doi.org/10.1787/194ddb63-en>.
- Chor D. (2019) Modeling global value chains: approaches and insights from economics. Chapters, in: Ponte S., Gereffi G., Raj-Reichert G. *Handbook on Global Value Chains*. Pp. 105–118. Edward Elgar Publishing.
- Direct Investment by Country and Industry for 2019. (2020) Bureau of Economic Analysis (<https://apps.bea.gov/scb/2020/08-august/0820-direct-investment.htm>).
- Hossiso K. (2019) Activities of U.S. Multinational Enterprises in 2017 Bureau of Economic Analysis (<https://apps.bea.gov/scb/2019/09-september/0919-multinational-enterprises.htm>).
- Hossiso K. (2021) An Ownership-Based Framework of the U.S. Current Account, 2019 (<https://apps.bea.gov/scb/2021/01-january/0121-current-account.htm>).
- Kireev A.P. (2011) Teorii mezhdunarodnoj trgovli XXI v. *Jekonomicheskaja shkola. Al'manah*. vol. 7, pp. 7–30 (https://seinst.ru/files/SE7P7_30.pdf).
- Kondrat'ev V.B. (2018) Novyj jetap globalizacii: osobennosti i perspektivy [New Globalization Phase: Key Elements and Perspectives]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no. 6, pp. 5–17 ([https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2018/0005_0017_\(1\)_Kondratiev_ID18626.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/06_2018/0005_0017_(1)_Kondratiev_ID18626.pdf)).
- Manyika J., Pinkus G., Tuin M. (2020) *Rethinking the future of American capitalism*. McKinsey Global Institute. (<https://www.mckinsey.com/featured-insights/long-term-capitalism/rethinking-the-future-of-american-capitalism>).
- McKinsey & Company (2018) «Superstars»: The dynamics of firms, sectors, and cities leading the global economy. *McKinsey Global Institute Discussion Paper* (<https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/superstars-the-dynamics-of-firms-sectors-and-cities-leading-the-global-economy>).
- McKinsey & Company (2019) *Globalization in transition: The future of trade and value chains*. McKinsey Global Institute Report (<https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/globalization-in-transition-the-future-of-trade-and-value-chains>).

McKinsey & Company (2020) *Risk, resilience, and rebalancing in global value chains*. McKinsey Global Institute Report (<https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chains>).

Shishkov Y.V. (2009) *Internatsionalizatsiya proizvodstva – novyi etap razvitiya mirovoi ekonomiki* [Production Internationalization – New Stage of Development of the World Economy] Moscow: IMEMO RAS (<http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2009/09021.pdf>).

Supyan V.B. (2015) Amerikanske korporacii: mehanizmy sohraneniya liderstva v global'noj jekonomike [Globalization of the US economy: scope, achievements, challenges]. *Rossiiskij vneshneekonomicheskij vestnik*, no. 9, pp. 8–27 ([http://www.rfej.ru/rvv/id/3002953C7/\\$file/8-27.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/3002953C7/$file/8-27.pdf)).

Trading for Development in the Age of Global Value Chains. World Development Report (2020) World Bank Group, Washington DC (<https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020>).

UNCTAD (2019) World Investment Report (https://unctad.org/system/files/official-document/wir2019_en.pdf).

UNCTAD (2020) World Investment Report (https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf).

Varnavskii V.G. (2018) Mezhdunarodnaja trgovlja v kategorijah dobavlennoj stoimosti: voprosy metodologii. [International Trade in Value Added Terms: Methodological Issues]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 62, no. 1, pp. 5–15 ([https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2018/0005_0015_\(1\)_VARNAVSKII_ID13588.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/01_2018/0005_0015_(1)_VARNAVSKII_ID13588.pdf)).

Varnavskii V.G. (2021) Global'nye cepochki sozdaniya stoimosti v period pandemii COVID-19 [Global Value Chains (Gvcs) and Covid-19 Pandemic]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 65, no. 1, pp. 1–23 (<https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2021/1-t-65/economy-economic-theory/global-value-chains-gvcs-and-covid-19-pandemic>).

Zimenkov R. (2015) Novye javleniya v zarubezhnoj dejatel'nosti amerikanskih TNK [New trends in foreign operations of american transnational corporations]. *Russia and America in the 21st Century*, Issue 1. (<https://rusus.jes.su/s207054760009955-7-1/>).

Информация об авторе

Чудинова Ксения Олеговна, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: zenia.chudinova@gmail.com

About the author

Ksenia O. Chudinova, Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: zenia.chudinova@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 29.03.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 10.04.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 14.04.2021

DOI: 10.31857/S086904990015422-6

Оригинальная статья / Original Article

Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19

© Н.В. ГОВОРОВА

Говорова Наталья Викторовна, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), n_govorova@mail.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 нанесла и продолжает наносить миру тяжелый социальный и экономический урон. Гуманитарные и финансовые издержки, связанные с ее последствиями, значительны и пока не могут быть окончательно определены и подсчитаны. Однако очевидно, что они способны свести на нет многолетний прогресс в деле сокращения масштабов бедности и неравенства, подорвать социальную сплоченность и дестабилизировать глобальное сотрудничество. Потеря рабочих мест, углубление цифрового разрыва, нарушение социального взаимодействия и резкие изменения на рынках капиталов, товаров, услуг и труда на фоне растущего разрыва между реальной и виртуальной экономикой и накопленных геополитических проблем, привели к тяжелым последствиям для значительной части мирового населения в различных областях жизнедеятельности. Надежное и устойчивое восстановление мировой экономики возможно лишь в том случае, если будут обеспечены соответствующие нынешнему сложному положению инвестиции в экономическую, социальную и экологическую устойчивость на планете. В статье анализируются перспективы устойчивого развития, прежде всего вопросы бедности и неравенства, включая гендерное, а также меры социальной поддержки на глобальном и страновом уровнях.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, коронакризис, бедность, неравенство, экономика, рынок труда, устойчивое развитие, социальная защита, гендерное равенство.

Цитирование: Говорова Н.В. (2021) Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19 // Общественные науки и современность. № 3. С. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6

Poverty and Inequality: Challenges of the COVID-19 Pandemic

© N. GOVOROVA

Natalia V. Govorova, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),
n_govorova@mail.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic has inflicted and continues to inflict severe social and economic damage on the world. The direct and indirect human and financial costs of its consequences are significant and cannot yet be definitively determined and calculated. It is clear, however, that the pandemic has the potential to undo years of progress in reducing poverty and inequality, undermine social cohesion and destabilize global cooperation. The loss of jobs, the deepening digital divide, the disruption of social interaction, and dramatic changes in the markets for capital, goods, services, and labor, against the backdrop of a growing gap between the real and virtual economies and accumulated geopolitical problems, could have dire consequences for large parts of the global population in various areas of life. Reliable and sustainable recovery of the world economy is possible only if there will be appropriate to the current difficult situation investments in economic, social and environmental sustainability on the planet. The article analyzes the prospects of sustainable development, primarily the issues of poverty and inequality, including gender, as well as social support measures at the global and country level.

Keywords: COVID-19 pandemic, coronacrisis, poverty, inequality, economy, labor market, sustainable development, social protection, gender equality.

Citation: Govorova N. (2021) Poverty and Inequality: Challenges of the COVID-19 Pandemic. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.3, pp. 75–87. DOI: 10.31857/S086904990015422-6 (In Russ.)

Большинство отечественных и зарубежных исследователей [Alvaredo et al. 2018, Atkinson 2015, Milanovic 2016, Говорова 2016, Петросяну 2020], относят рост неравенства и бедности к основным социально-экономическим рискам современности и вызовам XXI века. Неравноправие в получении доходов и основных социальных благ (образования, здравоохранения, культуры, спорта), свойственное как большинству развивающихся государств, так и развитым странам, не только сдерживает совокупный спрос и качественно ухудшает экономический рост. Оно также ограничивает внедрение современных технологий и возможности развития человеческого потенциала, искажая демографические установки и способствуя накоплению морально-этических проблем в обществе. Взаимосвязи бедности, неравенства возможностей, уровня образования, экономического роста, рынка труда и социального развития сложны и стали предметом активного исследования отечественного и зарубежного экспертного сообщества [Стиглиц 2015]. Обзор теорий, а также парадоксы, экономические механизмы и вторичные эффекты неравенства, его неэкономические основы и влияние на демографические процессы, то есть «...наиболее драматические эффекты неравенства...», приведены в [Куракин 2020]; факторы и риски хронической бедности – [Малева, Гришина, Бурдяк 2020], стратегии сокращения неравенства и поддержки устойчивого развития в России – в [Бобылев 2020].

Ключевым связующим звеном между экономическим ростом и сокращением неравенства является обеспечение занятости. Высокий уровень занятости приводит к большей устойчивости индивидуальных доходов и росту совокупных доходов общества, а также создает возможности для производства максимального количества коллективных благ. В современном обществе в основе идентичности человека лежит

его профессия. Блага (товары и услуги) часто распределяются непропорционально относительно знаний и умений, количества и качества труда людей из-за того, что они находятся на различных уровнях социально-экономической иерархии. Последствия пандемии и антикоронавирусные меры привели к закрытию предприятий и фабрик. Средства к существованию значительной части мировой рабочей силы оказались под угрозой. Нарушились глобальные производственно-сбытовые цепочки, появились проблемы с поставкой продукции. Десятки миллионов людей погрузились в крайнюю нищету и голод. Ожидается, что в итоге кризиса социальное расслоение усилится как на глобальном и региональном уровнях, так и внутри государств – на территориальном, гендерном, возрастном, образовательном горизонтах. В течение 2020 г. в мире исчезло порядка полмиллиарда рабочих мест, лишь половину из которых удалось восстановить к началу 2021 г. Потери от пандемии могли бы оказаться намного больше без масштабных и многогранных антикризисных мер, принятых в большинстве стран мира. Среди таких мер – крупные бюджетные программы для поддержки домохозяйств и компаний, а также для сохранения рабочих мест. Центральные банки многих государств предприняли значительные меры по смягчению денежно-кредитной политики.

Меры социальной поддержки: глобальный, региональный и страновой уровни

Экономический спад, вызванный пандемией коронавируса COVID-19, генерирует масштабные экономические и социальные последствия. В большинстве стран мира, как развивающихся, так и развитых, существенно выросла безработица, а вслед за ней начал расти и уровень бедности, сводя на нет успехи, достигнутые за последние десятилетия. Согласно оценкам Всемирного банка и Международной Организации Труда (МОТ), вызванный COVID-19 экономический кризис и кризис в области здравоохранения к концу 2020 г. верг в крайнюю нищету еще порядка ста миллионов человек на фоне потери 255 млн рабочих мест с полной занятостью, что соответствует 8,6% мировой рабочей силы [World Bank 2020; ILO 2020]. В результате трудовые доходы сократились на 8,3%, что эквивалентно 3,7 трлн долл. США или 4,4% глобального ВВП. Причины столь разрушительного воздействия пандемии кроются в том, что в предшествовавшие ей годы со всей очевидностью наблюдались растущее несоответствие навыков и компетенций рабочей силы структуре и требованиям рынка труда. Закономерно, что в подобных условиях возник диссонанс между стимулами к труду и вознаграждением за него. Разрыв между ними препятствовал повышению производительности труда, росту благосостояния и инклюзивности общества.

Пандемия и ее последствия инициировали масштабные изменения в макроэкономической политике многих стран, кардинально трансформировав ее фискальную и монетарную составляющие. С начала пандемии количество мер социальной защиты (программы социальной помощи, страхования и рынка труда) в ответ на COVID-19 продолжает расти. В общей сложности на мировом уровне более 10 трлн долл. США государственной поддержки было направлено на преодоление первоначального экономического шока. На социальную помощь приходится большинство (62%) глобальных ответных мер, и наиболее широко используемой ее формой стали денежные трансферты [Gentilini et al. 2020]. Очевидно, что расходы по регионам и группам стран с разным уровнем дохода существенно различаются (см. таб.1).

Структура социальной защиты варьируется в зависимости от уровня валового национального дохода (ВНД) на душу населения в стране. Социальная помощь составляет почти 90% мер в странах с низким уровнем ВНД и менее половины – с высоким. Наличие

социального страхования и программ активизации рынка труда больше свойственно странам с высоким ВВП. В Европе и Центральной Азии представлено больше программ активной политики занятости (20%), в то время как Северная Америка – лидер по социальному страхованию (38%). Следует отметить, что программы денежных трансфертов служат краткосрочным инструментом – в среднем на 3,3 месяца. Лишь небольшая часть их них может быть продлена. Социальное страхование чаще всего принимает форму пособий по безработице, на втором месте – оплачиваемый отпуск по болезни, далее – субсидирование взносов в систему социального обеспечения, пенсии и поддержка медицинского страхования. Активная политика на рынке труда включает в себя, прежде всего, субсидирование заработной платы, тренинги, корректировки правил регулирования рынка труда и сокращения рабочего времени. В 17 странах с низким уровнем дохода, по которым имеются данные, не зарегистрированы конкретные расходы на социальное страхование и программы активного рынка труда.

Таблица 1

Расходы на социальную защиту по группам стран и регионам (млрд долл. США)

Table 1

Social Protection Spending by Country Groups and Regions

Страны	Социальная помощь	Социальное страхование	Рынки труда	Общие расходы	Расходы в среднем на душу нас., долл.
Страны с доходами низкого уровня (17)	1,8	-	-	1,8	6
Страны с доходами ниже среднего уровня (32)	57,2	1,1	1,4	59,6	26
Страны с доходами выше среднего уровня (41)	79,8	96,4	8,5	184,7	58
Страны с доходами высокого уровня (36)	515,4	17,1	22,0	554,5	525
Африка к югу от Сахары (30)	6,1	0,00009	2,3	8,4	10
Восточная Азия и Тихоокеанский регион (20)	194,3	85,8	25,6	305,7	361
Европа и Центральная Азия (25)	80,6	14,9	2,4	97,9	300
Латинская Америка и Карибский бассейн (31)	38,5	13,0	0,5	52,0	154
Ближний Восток и Северная Африка (13)	9,2	0,9	1,1	11,1	115
Северная Америка (2)	290,0	0,005	-	290,0	442
Южная Азия (5)	35,5	-	-	35,5	8
Всего (126)	654,1	114,6	31,9	800,6	176

Источник: [Gentilini et al. 2020].

В ТОП-10 стран с наибольшим охватом населения денежными трансфертами входит: Тувалу и Республика Корея (по 100%), Япония, Сербия, Сингапур, Гонконг, Филиппины, Доминиканская Республика, США и Пакистан (не менее 45%). По количеству граждан, получивших государственную материальную поддержку, лидируют США. Там единовременный денежный перевод в размере 1200 долл. был осуществлен в интересах 159 млн человек. В России детский разовый трансфер приняли 23 млн семей. К концу 2020 г. 1,28 млрд человек или 16% мирового населения уже получили социальную поддержку, из них 1,1 млрд (14%) – денежные выплаты. В среднем денежные трансферты составляют почти треть ежемесячного ВВП на душу населения, причем этот уровень варьируется

от 26% в странах с уровнем доходов выше среднего до 86% в странах с низким уровнем доходов. По данным из 126 стран, на социальную защиту к концу 2020 г. было потрачено в общей сложности 800,6 млрд долл. – примерно 6,3% от предполагаемых 12,6 трлн долл. в рамках глобальных пакетов мер стимулирования. В сравнительном выражении расходы на социальную защиту в коронавирусный кризис были на 22,6% выше, чем инвестиции в размере 653 млрд долл. США, которые были вложены в период острой фазы финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг.

Самыми распространенными внутренними источниками финансирования стали реструктуризация или изменение приоритетов бюджетных статей, а также расходование государственных резервов и фискальных сбережений. В отдельных случаях средства аккумулировались за счет других социальных услуг, сокращения субсидий, региональных бюджетов. Эти подходы не исключали друг друга, и почти половина государств использовала смешанный подход к финансированию. В целом, почти треть стран использовали внутренние средства в качестве единственного источника финансирования, а пятая часть полагались только на внешние ресурсы. Таким образом, распространенной стратегией было использование резервов и изменение приоритетов расходования средств.

Мир пережил Великую депрессию 1929–1939 гг. (Great Depression) [Pells, Romer 2020], рецессию конца 2000-х гг. (Great Recession) [Duignan 2019]. Возможно, теперь ему предстоит «Великая перезагрузка» (The Great Reset, ВП) по основным направляющим: «зеленый» рост, «умный» рост и «справедливый» рост. С данной инициативой выступил Всемирный экономический форум (ВЭФ) в 2020 г. По мнению ВЭФ, для обеспечения гармоничной и созидательной траектории развития в постпандемическом мире правительствам следует улучшить координацию в областях налоговой, регулятивной и фискальной политики, модернизировать торговые механизмы и создать условия для более справедливых результатов хозяйственной деятельности. Достичь поставленной цели можно с помощью таких мер, как изменение налогов на богатство, отмена субсидий на ископаемое топливо и введение новых правил регулирования интеллектуальной собственности, торговли и конкуренции. Еще один компонент ВП – устойчивое и разновекторное инвестирование в прогрессивные цели, необходимые для всего населения.

Перспективы развития мировой экономики на 2021 г. в значительной степени зависят как от эволюции пандемии, так и от эффективности стратегий правительств по восстановлению. В Европейском союзе, в частности, создан масштабный фонд восстановления в размере 750 млрд евро («Next Generation EU»), а среди стран ЕС самые масштабные меры прямой финансовой поддержки были приняты в ФРГ и Дании [Квашнин 2020]. В России был разработан общенациональный план действий по восстановлению экономики стоимостью порядка 6 трлн рублей. Многие другие государства также имеют масштабные планы экономического стимулирования. Эти средства следовало бы использовать для улучшения экологических и социальных показателей, а также для оптимизации менеджмента по всем направлениям хозяйственной, научной и культурной деятельности. Ускорить выполнение повестки ВП можно с помощью внедрения инноваций, особенно для решения медицинских, образовательных и других социальных проблем. Данные меры уже были частично реализованы в сферах здравоохранения, науки и образования во время кризиса COVID-19. Следует перенести успешный опыт и модели взаимодействия на другие (все) сектора экономики.

Чтобы вернуть экономику и рынок труда на позитивный тренд развития, заложить основу для справедливого и устойчивого роста, следует проанализировать докризисные тенденции и воздействие COVID-19. Затем надо определить приоритеты на ближайшие 1–2 года и дальнюю перспективу. ВЭФ, предварительно оценив готовность стран к пре-

образованиям, предлагает 11 новых приоритетов по продвижению к полной интеграции социальных, экологических и институциональных целей в суверенные экономические системы в течение следующих пяти лет. В частности, предлагается обновить учебные программы и увеличить инвестиции в приобретение необходимых для работы и «рынков завтрашнего дня» навыков, а также переосмыслить трудовое законодательство и социальную защиту для новой цифровой экономики и новых потребностей в рабочей силе. Также среди приоритетов – расширение инфраструктуры здравоохранения и ухода за престарелыми и детьми и доступа к инновациям в интересах людей и экономики [The Global Competitiveness Report 2020].

Вызовы устойчивому развитию

Повестка дня устойчивого развития до 2030 г., принятая Организацией Объединенных Наций (ООН) в сентябре 2015 г., придала новый импульс коллективным усилиям по его достижению. Ликвидация бедности стоит в ряду ключевых задач ООН и представляет собой первую из 17 целей устойчивого развития (ЦУР): *положить конец нищете во всех ее формах повсюду* [United Nations 2015]. До начала пандемии масштабы бедности в мире уверенно уменьшались, однако и темпы ее сокращения также снижались. Глобальная установка покончить с этим «социальным недугом» в течение жизни одного поколения была под угрозой. В 2020 г., юбилейном для ООН году (75 лет), пандемия коронавируса COVID-19 остановила и обратила вспять прогресс в большинстве сфер устойчивого развития. Несмотря на триллионы долларов, направленных на неотложные меры по стимулированию мировой экономики, совокупный ВВП планеты снизился на 3,3% (развитые страны – на 4,7%, страны с формирующимися рынками и развивающиеся – на 2,2%), по последним прогнозам роста МВФ в 2020 г. Во время глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. падение было почти в два раза меньше. Темпы экономического развития в 2021 г. оцениваются в 6,0% (5,1% и 6,7% соответственно), в 2022 г. – в 4,4% (3,6% и 5,0% соответственно). Численность людей с доходами ниже уровня крайней бедности в 2020 г. увеличилась на 95 млн человек [Международный валютный фонд 2021]. Большинство из них – низко образованная часть населения [Adams-Prassl et al. 2020], женщины, мигранты, молодежь и другие уязвимые группы населения/рабочей силы, трудоустроенные в наиболее пострадавших от пандемии секторах экономики (розничная и оптовая торговля, индустрия гостеприимства, общественное питание, транспортные и туристические услуги).

Бедность всегда идет рука об руку с неравенством – «базовой, вечной проблемой» человечества. Коронакризис притормозил и без того медленный прогресс в деле сокращения неравенства (ЦУР 10. *Сократить неравенство внутри стран и между ними*). Дело в том, что его последствия сильнее всего затрагивают нуждающиеся и наиболее уязвимые слои населения во всех государствах. Особенно пагубные последствия грозят беднейшим странам. Неравенство сказалось и на уровне государственных расходов на душу населения. В наименее развитых странах они были в сотни раз ниже, хотя средний доход на душу населения до пандемии был выше в развитых странах лишь на порядок (в 30 раз). Цифры к началу апреля 2021 г. выглядят немного оптимистичней. Общий объем средств, потраченных странами на стимулирование экономики, составил уже 16 трлн долл., прогноз роста бедности и потери рабочих мест немного более благоприятен. Однако выполнение намеченных целей в области борьбы с бедностью и неравенством представляется практически неосуществимым.

В Евросоюзе, к примеру, где обзор прогресса в достижении ЦУР анализируют ежегодно примерно по 100 показателям, существенно возросла разница между гражданами ЕС и третьих стран (трудовых мигрантов) в отношении параметров бедности и занятости.

Кроме того, Евросоюзу не удалось достигнуть большинства целей Стратегии «Европа 2020» (Europe 2020 strategy) в социально-трудовой области: обеспечить занятость на уровне 75% населения в возрасте от 20 до 64 лет и снизить на 20 млн численность людей, подверженных риску бедности и социального исключения [EUROPE 2020 A strategy... 2010]. Поверить в умеренный прогресс в достижении последнего целевого показателя (по оценке Европейской комиссии) было нелегко еще до пандемии. Можно согласиться с негативной оценкой прогресса по индикаторам «Люди, подверженные риску бедности по доходам после социальных трансфертов» и «Работающие бедные» [Eurostat 2020]. Занятость в ЕС по результатам 2020 г. составила 72,4%. Численность бедных и социально уязвимых уменьшилась меньше чем на 10 млн человек по сравнению с 2008 г. По первым оценкам статистической службы ЕС (Евростат) в 2020 г., ВВП сократился на 6,8% в зоне евро и на 6,4% в ЕС-27, занятость – на 1,8% и на 1,6% соответственно. В ответ в январе 2021 г. в Евросоюзе принято решение частично переориентировать Европейский социальный фонд плюс (ESF+) – ключевой инструмент для инвестирования в развитие человеческого капитала – на цели углубления социальной интеграции, направить 3% в Европейский фонд помощи наиболее обездоленным (FEAD), не менее 5% – на борьбу с детской бедностью в странах, которые больше всего страдают от этого явления. В рамках Гарантии занятости молодежи (Youth Guarantee) странам с уровнем NEET (молодежь вне занятости, образования и профессионального обучения) выше среднего показателя по ЕС будет выделено 12,5% средств. Наконец, в соответствии с рекомендациями Еврокомиссии, не менее 0,25% средств должны быть направлены на поддержку гражданского общества и социальных партнеров [Bulletin Quotidien Europe 2021]. ESF+ финансирует выполнение принципов Европейской опоры социальных прав – актуальной «социальной стратегии ЕС» [Борко, Биссон 2019]. Цель Фонда заключается в том, чтобы оказать поддержку государствам-членам в преодолении пандемического кризиса, а также достичь высокого уровня занятости, обеспечить справедливую социальную защиту и формирование квалифицированной рабочей силы – основного актива перехода к «зеленой» и цифровой экономике. Ту же цель преследует и разработанный Еврокомиссией в апреле 2020 г. инструмент для смягчения рисков безработицы в чрезвычайных ситуациях в виде заимствований, гарантированных всеми странами ЕС – SURE (Temporary Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency). Из-за того, что пандемия не отступает и количество рабочих мест продолжает сокращаться, срок действия комплекса мер по поддержке государствам-членам в трудовой сфере может быть продлен в соответствии с [Council Regulation 2020].

Пандемия оказалась разрушительна для систем здравоохранения во всем мире и угрожает уже достигнутым результатам в этой области. Коронакризис высветил необходимость действовать быстро и сообща, чтобы обеспечить удовлетворение неотложных потребностей медицинских работников и их поддержку, укрепить социальную защиту и повысить готовность к чрезвычайным ситуациям. Очевидно, что мер реагирования оказалось недостаточно для помощи наиболее обездоленным и уязвимым слоям населения не только в беднейших государствах, но и в развитых странах. Прогресс во многих областях здравоохранения продолжается, но, тем не менее, темпы улучшения замедлились и будут недостаточными для выполнения большинства задач ЦУР 3. *Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте*. Эта цель включает в себя пункты «положить конец эпидемиям» и «обеспечить должный ответ на вспышки инфекционных заболеваний к 2030 г.».

Цифровой разрыв увеличил неравенство в области образования между странами и внутри них. Временное закрытие учебных заведений, затронувшее 1,6 млрд детей и молодежи (более 90% мирового контингента учащихся), отрицательно сказывается на результатах их обучения, а также социальном и психологическом состоянии. Многие

учащиеся без проблем переключились на дистанционное обучение, но оно недоступно ученикам из отдаленных регионов, депрессивных районов, нестабильных государств и лагерей беженцев, а также детям из семей в крайней нищете. Данные моменты существенно затрудняют путь к ЦУР 4. *Обеспечение инклюзивного и справедливого качественного образования и содействие созданию возможностей для обучения на протяжении всей жизни для всех.*

Аналогичным образом ширится разрыв в отношении равноправия полов, включая трудовую сферу. По этой причине индикаторы ЦУР 5. *Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек* в лучшем случае будут стагнировать в большинстве стран мира, включая Евросоюз. Отметим, что принципы устойчивого развития находятся в центре европейской политики, закреплены в европейских договорах и включены в основные проекты, секторальную политику и инициативы. Европейская комиссия под председательством У. фон дер Ляйен сделала устойчивость важнейшим политическим приоритетом своего мандата, каждый ее член отвечает за обеспечение того, чтобы политика, находящаяся в его ведении, способствовала достижению ЦУР.

В отношении ЦУР 8. *Содействовать поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех* следует отметить, что несколько лет до пандемии темпы роста мировой экономики замедлялись, несмотря на повышение производительности труда и снижение безработицы. Последствия COVID-19 приводят к сокращению совокупного рабочего времени, эквивалентному сотням миллионов рабочих мест с полной занятостью. Больше всего пострадали и продолжают испытывать трудности малые и средние предприятия, которые работают в условиях неформальной и атипичной занятости, самозанятые лица. Рост мировой обрабатывающей промышленности также неуклонно снижался еще до вспышки эпидемии, которая нанесла ей тяжелый удар. Данные факторы негативно повлияют на прогресс в достижении ЦУР 9. *Создание устойчивой инфраструктуры, поощрение всеохватывающей и устойчивой индустриализации и содействие инновациям.* Сильнее всего COVID-19 затронул сектор воздушного транспорта, сократив на сотни миллиардов долларов доходы авиаперевозчиков на фоне снижения пассажиропотока авиакомпаний [United Nations..., 2020].

Пандемия сделала ЦУР недостижимыми для большинства стран к 2030 г. [Benedek et al. 2021, Malmqvist 2021]. Особенно сильно она скажется на результатах развивающихся стран и стран с формирующейся рыночной экономикой. Первые выводы о конкретных, измеряемых последствиях COVID-19 станут возможны только в результате всестороннего анализа социально-экономических и экологических показателей 2020 г. Полный масштаб кризиса станет понятен только в среднесрочной перспективе. Представляется, что последствия коронакризиса окажутся наиболее болезненными для борьбы с нищетой и неравенством и развития человеческого потенциала в целом.

Гендерное неравенство в контексте COVID-19

Повсюду в мире коронакризис непропорционально затронул женщин и девочек. Он обозначил уязвимость и несовершенство политики гендерного равенства в контексте последствий и восстановления после пандемии. В связи с этим в сентябре 2020 г. Программа Развития ООН (ПРООН) и «ООН-женщины» совместно ввели Глобальный механизм отслеживания учета гендерной проблематики в рамках реакции на COVID-19 (COVID-19 Global Gender Response Tracker). Данный механизм в настоящее время – единственный инструмент, который позволяет оценить гендерную чувствительность национальных политических мер реагирования на кризис. С его помощью можно проанализировать ответные действия правительств в следующих категориях: социальная

защита, рынки труда, насилие в отношении женщин. В фактологических бюллетенях исследователи также рассматривают тенденции и приводят аналитические данные по поддержке неоплачиваемой надомной работы и экономической безопасности женщин [UNDP-UN Women..., 2021].

На глобальном уровне отслеживалось 219 стран и территорий, которые к марту 2021 г. приняли в общей сложности более трех тысяч мер в ответ на COVID-19. Порядка 40% данных мер в 187 государствах учитывали гендерные аспекты. Большинство из них направлены на активизацию действий по борьбе с насилием в отношении женщин и девочек. Мер по укреплению экономической безопасности женщин и решению проблемы неоплачиваемого труда по уходу было принято гораздо меньше по (см. таб. 2).

Таблица 2

Количество антиковидных мер по регионам мира

Table 2

The Number of the Coronavirus Countermeasures per Region

Регион	Всего мер	Гендерно-чувствительные меры	Неоплачиваемый уход	Насилие	Экономическая безопасность женщин
Африка	539	212	10	117	85
Северная и Южная Америка	752	360	42	223	95
Азия	770	281	25	184	72
Европа	908	361	91	242	28
Океания	143	85	12	66	7
Всего	3112	1299	180	832	287

Источник: [UNDP-UN Women 2021].

Результаты свидетельствуют о том, что 32 государства (шестая часть анализируемых стран) вообще не предприняли никаких гендернонаправленных мер в ответ на пандемию. Только 42 страны (19%) в своем ответе на кризис охватили весь спектр возможных действий. В этих странах предоставляли телефоны доверия, приюты или судебные ответные меры для противодействия резкому росту насилия в отношении женщин и девочек, денежные переводы непосредственно в интересах женщин, услуги по уходу за детьми или оплачиваемые отпуска по семейным обстоятельствам и по болезни. К примеру, в Испании в ответ на COVID-19 приняли 30 мер, 16 из которых были гендерно-чувствительными. Одна мера была направлена на обеспечение экономической безопасности женщин, пять – на неоплачиваемую работу по уходу и десять – на борьбу с насилием. В стране, которая сильно пострадала от пандемии, приняли ряд мер по решению проблемы неоплачиваемого труда на дому. Было введено семейное пособие для родителей, которые должны заботиться о своих детях во время закрытия школ в соответствии с медико-санитарными требованиями. Мадрид также принял шаги для облегчения «временного увольнения», что позволило работникам адаптироваться, если им необходимо обеспечивать уход за иждивенцами. В более широком плане правительство допускает гибкие условия работы, поощряя удаленную занятость и корректировку рабочего времени в зависимости от обязанностей по уходу за родственниками. Также был создан чрезвычайный резервный фонд в размере 300 млн евро для поддержки социальных услуг с оказанием особого внимания старшему поколению и иждивенцам. Средства предназначены для оптимизации ухода на дому за пожилыми людьми, инвалидами, пострадавшими

в результате закрытия социальных центров. Также их направят на увеличение численности работников центров социального обслуживания, домов престарелых и количества койко-мест в центрах по уходу за ними. В целях укрепления экономической безопасности женщин правительство объявило о введении «безусловного» денежного трансферта, который рассчитывается как «гарантированный минимальный доход» и предназначен для порядка 5 млн малообеспеченных людей, большинство из которых составляют женщины. Предполагается также выделить дополнительно 100 евро на каждого ребенка в домохозяйствах с одним родителем.

Анализ передового опыта и пробелов в глобальной политике реагирования на COVID-19 показывает, что пандемия и связанный с ней экономический кризис в большей степени поставили под угрозу человеческое развитие женщин. Они столкнулись с непропорциональными экономическими, медицинскими и социальными рисками. Данное обстоятельство следует иметь в виду властям различного уровня, чтобы разработать и совершенствовать эффективные мероприятия по реагированию на коронакризис и дальнейшему восстановлению.

Выводы

Из-за коронакризиса стало очевидно, что инфраструктуры образования, профессионального обучения, здравоохранения и систем социальной защиты не соответствуют реалиям сегодняшнего дня (ускорение темпов внедрения технологий, прекаризация занятости, трансформация спроса и демографических процессов и др.). Они отстают от роста численности населения в развивающихся странах и его старения в развитых государствах. Наиболее острые проблемы – работающие бедные и NEET. По оценкам МОТ, в 2019 г. больше пятой части или 267 млн молодых людей в мире нигде не учились и не работали. На фоне цифровизации экономики, рынка труда и жизнедеятельности людей в целом эти проблемы стали еще более выраженными. Тем не менее, высокие технологии обладают значительным потенциалом социальных преобразований.

Прошло уже больше года с того момента, как ВОЗ объявила о пандемии коронавируса. Неопределенность относительно динамики восстановления мировой экономики, сокращения возросших уровней бедности и социального неравенства по-прежнему остается высокой. Последствия коронакризиса будут остро ощущаться во всем мире в среднесрочной перспективе и иметь значительный деструктивный потенциал. Среди ключевых вызовов, стоящих перед мировым, европейским и российским сообществом, – обеспечение инклюзивного роста, создание условий для достижения достойного уровня жизни каждого человека. Переформатирование докризисной модели роста будет происходить в условиях форсированного технологического развития, несущего свои угрозы и возможности. Дальнейшая поступательная трансформация экономики и социальной сферы будет детерминирована повышением роли государства (его бюджета и центрального банка) в борьбе с бедностью и неравенством. Преодоление данных проблем следует сделать главной целью суверенной политики в социально-экономической сфере. Именно такую установку дал Президент РФ в своем ежегодном Послании к Федеральному собранию в апреле 2021 года, которое было сконцентрировано на задачах повышения уровня социальной защиты и благосостояния людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борко Ю.А., Биссон Л. С. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи «социальной Европы». Современная Европа. №6. С.5-17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>.
- Бобылев С.Н. (2020) Устойчивое развитие: новое видение будущего? // Вопросы политической экономики, №1 (21), С. 67–83. DOI: 10.5281/zenodo.3753332.
- Говорова Н.В. (2016) Бедность и неравенство в Европейском Союзе. Современная Европа. № 3. С. 104–113. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32016104113>.
- Квашнин Ю. Д. Пандемия коронавируса и разворот в европейской социальной политике // Общественные науки и современность. 2021. № 1. С. 94–104. DOI: 10.31857/S086904990013993-4.
- Куракин Д. (2020) Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 167–231. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231.
- Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. (2020) Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. № 12. С. 24–40. DOI 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40.
- Перспективы развития мировой экономики: преодоление неравномерного восстановления экономики (2021) Международный валютный фонд (<https://www.imf.org/ru/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>).
- Петросянц, Д. В. (2020) Социальное неравенство и бедность как факторы сдерживания долгосрочного экономического роста // Власть. № 1. С. 64–69.
- Стиглиц, Дж. (2015) Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 512 с.
- Adams-Prassl, A., Boneva T., Golin M., Rauh C. (2020) Inequality in the Impact of the Coronavirus Shock: Evidence from Real Time Surveys. IZA Discussion Paper. No. 12183. (<http://ftp.iza.org/dp13183.pdf>).
- Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018) World inequality report 2018 (<https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>).
- Atkinson, A.B. (2015) Inequality – What can be done? LSE International Inequalities Institute. Working paper 2.
- Benedek D., Gemayel E., Abdelhak Senhadji A., Tieman A. (2021) A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals. International monetary fund. April 2021 (<https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076>).
- Bulletin Quotidien Europe (BQE). 2021. No 12647, 12659.
- Council Regulation (EU) 2020/672 of 19 May 2020 on the establishment of a European instrument for temporary support to mitigate unemployment risks in an emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak (<https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/672/oj>).
- Duignan B. (2019) "Great Recession". Encyclopedia Britannica (<https://www.britannica.com/topic/great-recession>).
- EUROPE 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth (2010) Communication from the Commission. 2020 final. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:52010DC2020>).
- Eurostat (2020) Sustainable development in the European Union — Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context. 2020 Edition (<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11011074/KS-02-20-202-EN-N.pdf/334a8cfe-636a-bb8a-294a-73a052882f7f?t=1592994779000>).
- International Labour Organization (2020) ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Updated estimates and analysis. Sixth edition (https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/dgreports/-/dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf).
- Malmqvist, T. (2021) Is COVID-19 slowing progress toward the SDGs? Yes, say experts. Greenbiz. March 30, 2021. (<https://www.greenbiz.com/article/covid-19-slowing-progress-toward-sdgs-yes-say-experts>).
- Milanovic, B. (2016) Global inequality: A new approach for the age of globalization. A book talk. May 1, 2016.
- Pells R., Romer. C.D. (2020) "Great Depression". Encyclopedia Britannica, 10 Sep. 2020. (<https://www.britannica.com/event/Great-Depression>).
- Ugo G., Almenfi M., Dale P. (2020) Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures. World Bank, Washington, DC. “Living paper” version 14 (<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33635>).

UNDP-UN Women. COVID-19 Global Gender Response Tracker. GLOBAL FACTSHEET. Version 2. March 22, 2021. (<https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/womens-empowerment/COVID-19-Global-Gender-Response-Tracker.html>).

United Nations (2015) Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development. A/RES/70/1. (https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E).

United Nations (2020) Progress towards the Sustainable Development Goals. Report of the Secretary-General. Economic and Social Council 2020 session. 25 July 2019–22 July 2020 (https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26158Final_SG_SDG_Progress_Report_14052020.pdf).

World Bank. (2020) Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1602-4 (<https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity>).

World Economic Forum. (2020) The Global Competitiveness Report. Special Edition 2020: How Countries are Performing on the Road to Recovery (http://www3.weforum.org/docs/WEF_TheGlobalCompetitivenessReport2020.pdf).

REFERENCES

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018) World inequality report 2018 (<https://wir2018.wid.world/files/download/wir2018-full-report-english.pdf>).

Atkinson, A.B. (2015) Inequality – What can be done? LSE International Inequalities Institute. Working paper 2.

Benedek D., Gemayel E., Abdelhak Senhadji A., Tieman A. (2021) A Post-Pandemic Assessment of the Sustainable Development Goals. International monetary fund. April 2021 (<https://www.imf.org/en/Publications/Staff-Discussion-Notes/Issues/2021/04/27/A-Post-Pandemic-Assessment-of-the-Sustainable-Development-Goals-460076>).

Bobylev S.N. (2020). Ustoichivoe razvitie: novoe videnie budushego? [Sustainable development: a new vision of the future?] *Problems in Political Economy*, vol. 1(21), pp. 67-83. DOI: 10.5281/zenodo.3753332.

Borko Yu.A., Bisson L.S. (2019) Evropejskaya integraciya: perezapusk idei – social'noj Evropy. [European Integration: Relaunching the idea of a – social Europe]. *Sovremennaya Evropa*. vol. 6, pp. 5-18. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620190517>.

Bulletin Quotidien Europe (BQE). 2021. No 12647, 12659.

Council Regulation (EU) 2020/672 of 19 May 2020 on the establishment of a European instrument for temporary support to mitigate unemployment risks in an emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak (<https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2020/672/oj>).

Duignan B. (2019) "Great Recession". *Encyclopedia Britannica* (<https://www.britannica.com/topic/great-recession>).

EUROPE 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth (2010) Communication from the Commission. 2020 final. (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=celex:52010DC2020>).

Eurostat (2020) *Sustainable development in the European Union — Monitoring report on progress towards the SDGs in an EU context*. 2020 Edition (<https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11011074/KS-02-20-202-EN-N.pdf/334a8cfe-636a-bb8a-294a-73a052882f7f?t=1592994779000>).

Govorova N.V. (2016) Bednost' i neravenstvo v Evropejskom Soyuze [Poverty and inequality in European Union]. *Sovremennaya Evropa*. vol. 3. pp.104-113. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320104113>.

International Labour Organization (2020) ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Updated estimates and analysis. Sixth edition (https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_755910.pdf).

International Monetary Fund (2021) World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries. April 2021 (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>).

Kurakin D. (2020) Tragediya neravenstva: raschelovechivaya «total'nogo cheloveka» [Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”]. *Sociologicheskoe obozrenie*. vol. 19. vol. 3. pp. 167-231. DOI: 10.17323/1728-192x-2020-3-167-231.

Kvashnin Y. (2021). The Coronavirus Pandemic and the U-turn in European Social Policy. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. no. 1. pp.94-104. DOI: 10.31857/S086904990013993-4.

Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.Ya. (2020) Hronicheskaya bednost': chto vliyaet na ee masshtaby i ostrotu? [Chronic poverty: what affects its level and severity?]. *Voprosy ekonomiki*. 2020. vol. 12. pp. 24-41. DOI 10.32609/0042-8736-2020-12-24-40.

Malmqvist, T. (2021) Is COVID-19 slowing progress toward the SDGs? Yes, say experts. *Greenbiz*. March 30, 2021 (<https://www.greenbiz.com/article/covid-19-slowing-progress-toward-sdgs-yes-say-experts>).

Milanovic, B. (2016) *Global inequality: A new approach for the age of globalization*. A book talk. May 1, 2016.

Pells R., Romer. C.D. (2020) "Great Depression". *Encyclopedia Britannica*, 10 Sep. 2020. (<https://www.britannica.com/event/Great-Depression>).

Petrosyants, D.V. (2020) Social'noe neravenstvo i bednost' kak faktory sderzhivaniya dolgosrochnogo ekonomicheskogo rosta [Social inequality and poverty as factors of continuing long-term economic growth]. *Vlast'*. vol. 1. pp.64-69.

Stiglits Dzh. (2015) Tsena neravenstva. Chem rassloeniye obshchestva grozit nashemu budushchemu [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Moscow: Eksmo. 512 p.

Ugo G., Almenfi M., Dale P. (2020) *Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures*. World Bank, Washington, DC. "Living paper" version 14 (<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33635>).

UNDP-UN Women. COVID-19 Global Gender Response Tracker. GLOBAL FACTSHEET. Version 2. March 22, 2021. (<https://www.undp.org/content/undp/en/home/librarypage/womens-empowerment/COVID-19-Global-Gender-Response-Tracker.html>).

United Nations (2015) *Transforming our world: the 2030 agenda for sustainable development*. A/RES/70/1. (https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E).

United Nations (2020) *Progress towards the Sustainable Development Goals*. Report of the Secretary-General. Economic and Social Council 2020 session. 25 July 2019 – 22 July 2020. (https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26158Final_SG_SDG_Progress_Report_14052020.pdf).

World Bank. (2020) *Poverty and Shared Prosperity 2020: Reversals of Fortune*. Washington, DC: World Bank. doi: 10.1596/978-1-4648-1602-4 (<https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity>).

Информация об авторе

Говорова Наталья Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований Института Европы Российской академии наук. Адрес: Моховая ул., д. 11, стр. 3, Москва, 125009. E-mail: n_govorova@mail.ru

About the author

Natalia V. Govorova, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Department of Economic Studies, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IE RAS). Address: 125009, Moscow, Mokhovaya Street, 11-3. E-mail: n_govorova@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 29.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 13.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 20.05.2021

DOI: 10.31857/S086904990014622-6

Оригинальная статья / Original Article

Цифровая эволюция социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях COVID-19

© В.Ю. КУЛЬКОВА

Кулькова Варвара Юрьевна, Казанский государственный энергетический университет (Россия, Казань), kulkova77@mail.ru

Отраслевая дивергенция различается по уровню вовлеченности в цифровую эволюцию в условиях COVID-19, который стал внешним фактором-триггером активизации цифровой эволюции. Цель исследования – описать вовлеченность социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) в цифровую эволюцию в условиях пандемии, выделив этап развития. В качестве методов исследования автор использовал вторичный анализ полученных результатов поискового исследования методом неструктурированного интервью, дополнив их интерпретацией концепции «цифровой эволюции». Также был проведен анкетный опрос лидеров СО НКО и экспертов о восприятии коронакризиса и цифровой эволюции. Было выявлено ускорение цифровой эволюции СО НКО в условиях пандемии, включая реализацию акций взаимопомощи, построения новых партнерских взаимодействий и предоставления социальных услуг. Все это позволяет верифицировать «кризис 2020» как фактор-триггер цифровой эволюции. Также утверждается положительный эффект цифровых технологий на деятельность СО НКО, расширение их социального воздействия на местное сообщество. Установлено, что в РФ вовлеченность СО НКО в цифровую эволюцию идентифицируется с этапом сетевизации, что обусловлено использованием в деятельности большинства СО НКО базовых цифровых сервисов для коммуникаций и информационного сопровождения деятельности, при характерности менее чем для половины СО НКО предоставления услуг с использованием цифровых форматов.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, социально ориентированные некоммерческие организации, цифровая трансформация, цифровизация, пандемия, COVID-19.

Цитирование: Кулькова В.Ю. (2021) Цифровая эволюция социально ориентированных некоммерческих организаций в условиях COVID-19 // Общественные науки и современность. № 3. С. 88–100 DOI: 10.31857/S086904990014622-6

The Digital Evolution of Socially Oriented Nonprofit Organizations in the Context of COVID-19

© V. KULKOVA

Varvara U. Kulkova, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russia), kulkova77@mail.ru

Abstract. In conditions of COVID-19 industry divergence differs in the level of involvement in digital evolution, which has become an external trigger factor activating the latter. The aim of the study is to describe the involvement of socially oriented non-profit organizations (SO NPOs) in the digital evolution in the context of the pandemic, highlighting the stage of development. As a research method the author used secondary analysis of the results of exploratory research completed using unstructured interviews, supplementing their interpretation with the provisions of the concept of "digital evolution"; questionnaire survey of SO NPO leaders and experts on the perception of the crisis and evolution. As result the author affirms activation of the digital evolution of SO NPOs in the context of the pandemic, including the implementation of a mutual aid campaigns, creation of the new partnerships and providing social services using digital platforms, thus verifying the "crisis of 2020" as a trigger factor for digital evolution and a positive impact of digital technologies on the activities of SO NPOs, expanding their social impact on the local community. It was found that in the Russian Federation, the involvement of SO NPOs in digital evolution is identified with the stage of creating networks, which is due to the use of basic digital services for communication and information support in the activities of most SO NPOs, with less than half of SO NPOs providing services using digital formats.

Keywords: non-profit sector, socially oriented non-profit organizations, digital transformation, digitalization, pandemic, COVID-19.

Citation: Kulkova V. (2021) The digital evolution of socially oriented nonprofit organizations in the context of COVID-19. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 88–100. DOI: 10.31857/S086904990014622-6 (In Russ.)

В современных зарубежных практиках непрямого государственного управления и новой благотворительности некоммерческие организации (НКО) стали ключевыми производителями социальных услуг [Salamon 2014]. Они интегрируются в современную цифровую реальность наряду с бизнесом, адаптируясь к динамике изменений цифровых технологий, структуры рынка, и отвечая потребностям клиентов [Shafiee Nahrkhalaji, Shafiee S, Shafiee M, Hvam 2018].

В видовой структуре некоммерческих организаций Российской федерации выделен самостоятельный тип НКО – социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО). Они функционируют как негосударственные поставщики социальных услуг в сферах здравоохранения, образования, социального обслуживания, физкультуры и спорта. Последнее десятилетие для таких НКО активно вводят меры государственной поддержки с целью развития рынка социальных услуг.

Общезвестно, что в 2020 году в условиях пандемии некоммерческие организации (НКО), как и все хозяйствующие субъекты, столкнулись с новыми вызовами. В частности, произошло секвестирование региональных бюджетных средств государственной поддержки СО НКО в виде субсидий с переориентацией на другие финансовые инструменты по приоритетным направлениям (выделение безвозвратных целевых единовременных выплат, льготные кредиты и ссуды, софинансирование заработной платы сотрудников и т.д.). Сократилось количество конкурсов для некоммерческого сектора, а деятельность СО НКО была приостановлена в связи с резким ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки в апреле 2020 года [Кулькова, Сабирова 2020]. Вместе с тем в условиях «кризиса 2020» в РФ началась акция взаимопомощи #МыВместе, которую активно поддержали

и в субъектах РФ. Она прошла успешно благодаря использованию цифровых сервисов [Кулькова, Сабирова 2020]. Пандемия для российского некоммерческого сектора стала импульсом к развитию практик взаимопомощи, межсекторного социального партнерства (государство-бизнес-НКО-население), к консолидации некоммерческого сектора в образовании коалиций и переводу деятельности ряда СО НКО в online-режим [Кулькова 2020]. В сложившейся ситуации вовлеченность в цифровую эволюцию для организаций третьего сектора, с одной стороны, становится детерминантным фактором, который определяет перспективы развития и конкурентные позиции НКО в будущем, и, с другой стороны, раскрывает потенциальные направления для государственной поддержки некоммерческого сектора на федеральном и субфедеральном уровнях власти. Справедливости ради отметим, что и до пандемии региональные некоммерческие организации проводили проекты по активизации гражданских инициатив¹ на цифровых платформах² с использованием социальных сетей, чтобы снизить транзакционные издержки, одновременно увеличив охват и масштаб проектов. Так, с 2015 года в Республике Татарстан (РТ) стартовал проект «Карта инициатив», который функционирует как краудфандинговая платформа и коммуникационная площадка стейкхолдеров (государства, бизнеса, НКО, активных граждан) по обсуждению инициатив³. Его сейчас выполняет Региональное общественное движение РТ «Наше дело». Данная тенденция соответствует современным трендам «цифровой эволюции».

До начала пандемии Фонд доноров провел первое исследование вовлеченности российских благотворительных организаций в цифровую трансформацию методом онлайн опроса⁴. Его результаты показали, что 84% НКО используют базовые цифровые сервисы, а 4% успешно прошли цифровую трансформацию.

В целом вопрос о том, как пандемия поменяла вовлеченность СО НКО в цифровую трансформацию можно назвать актуальным и требующим исследования, в связи с чем цель данной работы – описать вовлеченность СО НКО РТ в цифровую эволюцию в условиях пандемии, выделив этап развития.

Цифровая эволюция некоммерческих организаций: подходы и проблемы в теории и на практике

Современная цифровая реальность, сформированная в результате четвертой промышленной революции, пронизана информационными технологиями различного уровня. Они проникли во все сферы социально-экономической деятельности и поменяли общественное сознание, клиентские предпочтения, взаимодействия между партнерами и конкурентами, что привело к изменению миропорядка в целом. Наблюдаемое состояние цифровой реальности – результат непрерывного последовательного процесса прогрессивных изменений, который мы обозначаем как цифровая эволюция.

Формирование цифровой реальности закономерно сопровождается появлением новых понятий – цифровая экономика, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая зрелость и т.д. – которые еще не получили общепризнанных трактовок. Отсутствие терминологической определенности обусловлено в том числе многоаспектным, многоуровневым

¹ Барс, поедаящий эчпочмаки, и краудфандинг: как проект «Карта инициатив» помогает реализовывать идеи татарстанцев [электронный ресурс] – URL: <https://sntat.ru/news/society/13-06-2019/bars-poedayuschiy-echpochmaki-i-kraundfanding-kak-proekt-karta-initsiativ-pomogaet-realizovyvat-idei-tatarstantsev-5647916> (дата обращения: 2.04.2021).

² Карта инициатив [электронный ресурс] – URL: <https://tatar.kartainiciativ.ru/> (дата обращения: 2.04.2021).

³ Перезапустился сайт «Карты инициатив» [электронный ресурс] – URL: <https://inde.io/article/5565-takie-tatarstanskije-dela-kak-sozdateli-blagotvoritelnoy-platfomy-karta-initsiativ-hotyat-ostanovit-torgovlyu-stradaniyami> (дата обращения: 2.04.2021).

⁴ Russia's first study of the involvement of Russian charitable organizations in digital transformation. Available online: https://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2020/03/TSifrovizatsiya-NKO_infografika.pdf

и прикладным характером процессов формирования цифровой реальности, который вызывает исследовательский интерес представителей различных наук. Объективно есть необходимость развивать современные научные представления о цифровой реальности в парадигме междисциплинарности, в понимании которой мы разделяем подход исследователей [Григорьева, Чубарова 2020].

В рамках междисциплинарной парадигмы привлекают внимание исследования «цифровой эволюции», которые проводили социологи, политологи и экономисты, начиная с концепций информационно-компьютерной революции Э. Тоффлера [Тоффлер 2010] и развития информационного общества под воздействием цифровизации Д. Белла [Bell 1973]. В трудах М. Кастельса [Castells 1992, 2009] цифровая реальность исследуется, начиная с трансформации общественных отношений под воздействием Интернета и заканчивая сетевых сообществом. Оно характеризуется социальной структурой, которая выстраивается вокруг сетей, информации и коммуникационных технологий. В организационном аспекте в сетевом обществе формируется модель сетевого предприятия, которое представляет собой интеграцию в одну сетевую структуру функциональных подразделений (структурных компонентов) различных фирм для реализации проектов. При формировании модели сетевого предприятия используют следующие ключевые стратегии: кооперация и связывания структур малого и среднего предпринимательства, построенные стратегических альянсов в формате ассоциаций [Castells 2009]. Сетевые структуры взаимодействуют, используя цифровые каналы через сеть Интернет. Ю. Хабермас считает детерминантной характеристикой цифрового общества увеличение коммуникаций. Он акцентирует внимание на таких диспропорциях массовых коммуникаций в цифровом обществе, как монетизация повседневных практик, порождающая активизацию распространения дезинформации, ассиметричная структура коммуникаций, и фрагментация информации – сочетание chat rooms и объединения в сеть форумов (issue publics) [Habermas 1995]. Цифровизация рассматривается как «процесс получения определенного «знания», целенаправленно формируемого в контексте продвигаемой идеологии, политической конъюнктуры, интересов лидеров и политико-экономических групп» [Хабермас 2001].

В текущих условиях цифровой эволюции можно достигнуть терминологической определенности понятийно-категориального аппарата с помощью управленческого подхода. В управленческом аспекте в цифровой эволюции разделяют процессы цифровизации и цифровой трансформации. Так, цифровизация – это глубокое и расширенное применение цифровых технологий во всех сферах народного хозяйства [Mefferd 2017], а цифровая трансформация – это не только использование новых цифровых технологий (робототехника, искусственный интеллект, big data и т.д.), но также и комплексное преобразование продуктов и услуг, организационной структуры, стратегии развития организации, взаимодействий со стейкхолдерами (поставщиками, партнерами и клиентами и т.д.)⁵. Эксперты McKinsey&Company показывают, что для инициации цифровой трансформации организации необходим фактор-триггер из внешней среды [Кулагин, Сухарев, Мефферд 2020]. В отечественной научной школе подобным фактором-триггером⁶ можно считать условия «кризиса 2020».

Нами выделяются этапы «цифровой эволюции», которые позволяют разграничить понятия цифровизации и цифровой трансформации. Так, первым этапом выделена сетевизация – распространение сети электронных коммуникаций на основе базовых цифровых сервисов (социальные сети, рассылки, облачные сервисы). Следующий этап – цифровизация, которая предусматривает использование инновационных цифровых технологий. Отдельно выделяется цифровая трансформация как интеграция технологий, стратегии,

⁵ PWC & SIEMENS PLM Software Alliance: A comprehensive approach to digital transformation manufacturing enterprises: (<https://www.pwc.ru/ru/publications/iot/transform-brochure-rus.pdf>)

⁶ Аузан А.А. Экономика во время пандемии и после нее. Лекция (<https://www.econ.msu.ru/COVID-19/Auzan/>)

бизнес-модели с включением стейкхолдеров в единое платформенное решение с применением таких технологий, как цифровой двойник, автономный транспорт, умное производство, автономные финансы, работа на возобновляемых источниках энергии.

Самостоятельное место в междисциплинарной парадигме занимают исследования и практики цифровой эволюции в отраслевом аспекте, предметная область которых варьируется от диагностики цифровой зрелости отраслей в межотраслевой компаративистике [Кулагин, Сухарев, Мефферт 2020, 15] до развития цифровых экосистем в каждой из отраслей [Романова, Ильина, Рахматуллин 2015], [Kolmakov 2020], [Polyakova, Loginov, Strelnikov 2019], [Polyakova, Kolmakov, Pokamestov 2020], [Петрущев 2020].

В исследовании зарубежных ученых [Shafiee Nahrkhalaji, Shafiee S, Shafiee M, Hvam 2018] дано обоснование необходимости цифровизации как фактора повышения конкурентоспособности НКО. Она стимулирует инновационный характер деятельности и помогает создать лучший клиентский опыт. Вместе с тем, в указанном исследовании выявлены ключевые вызовы цифровой трансформации НКО в зарубежных практиках. Во-первых, необходимо развивать новые способности и навыки работы с цифровыми технологиями. Во-вторых, возникают стратегические и операционные проблемы управления, связанные с потребностью в динамической адаптации стратегии, процессов и организационной культуры к быстрым изменениям деловой среды в цифровой реальности. Показано, что на процесс цифровой трансформации НКО определяющие воздействие оказывают высший орган управления НКО, руководитель, линейные менеджеры. Последнее указывает на важность корпоративного управления в направлении интеграции цифровой трансформации в стратегию развития НКО, что требует развития новых лидерских навыков по расширению использования цифровых технологий [Shafiee Nahrkhalaji, Shafiee S, Shafiee M, Hvam 2018]. В зарубежных практиках существует устойчивый тренд на исследования цифровых навыков благотворительных организаций⁷.

Трансформация некоммерческого сектора в цифровую эпоху выступала предметом исследований в отечественной науке [Вишнева 2019, Молчанов, Молчанова 2020]. При изучении цифровизации некоммерческого сектора [Вишнева 2019] сделана попытка представить модели, которые очерчивают эволюцию НКО в направлении их цифровизации. Однако одна модель просто обозначается как «первая – иерархическая», другие модели обозначаются как вторая и третья, без приведения существенных характеристик, что требует обобщений, конкретизации в дальнейшем исследовании. Как уже было указано выше, в Российской Федерации до пандемии Фонд доноров провел первое исследование вовлеченности российских благотворительных организаций в цифровую трансформацию⁸. Однако, на наш взгляд, его результаты формируют завышенные оценки уровня «цифровой зрелости» некоммерческого сектора относительно реальной ситуации и характерны для фондов как одной из организационно-правовой формы НКО. Данную особенность можно объяснить объектом исследования и вариацией видовой структуры организаций некоммерческого сектора в РФ. Так, оценка объекта исследования по типу респондента показывает, что в структуре респондентов в большей степени представлены различные фонды (частные фонды, фонды целевого капитала, фандрайзинговый фонд, фонд местного сообщества, корпоративный фонд) в соответствии с сущностью благотворительной организации. Между тем в видовой структуре НКО наибольший удельный вес приходится на общественные организации, автономные НКО – учреждения⁹, которые используют базовые цифровые сервисы. На более низкий уровень цифровой зрелости «типовых» НКО относительно фондов указывает факт существования СО НКО, у которых

⁷ The charity digital skills (https://www.skillsplatform.org/charity_digital_skills_report_2019.pdf)

⁸ Russia's first study of the involvement of Russian charitable organizations in digital transformation (https://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2020/03/TSifrovizatsiya-NKO_infografika.pdf)

⁹ Некоммерческий сектор: динамика развития [электронный ресурс] (<https://report2018.oprf.ru/ru/3.php>)

до сих пор нет сайтов, что подтверждает неоднородность некоммерческого сектора в РФ в цифровой эволюции. Вместе с тем, согласно результатам исследования Фонда доноров, существуют факторы-ограничители внедрения цифровых технологий в некоммерческих организациях. Участники исследования указали на такие барьеры, как недостаток необходимых навыков (цифровых компетенций) и кадров (указывают 76% респондентов), недостаток финансовых ресурсов (62%) и отсутствие адаптационной способности к динамичным изменениям рынка цифровых технологий (38% респондентов сообщили, что не успевают «за рынком цифровых технологий и возможностей») ¹⁰. Данная информация присутствует также в результатах зарубежных исследователей, которые проводили до пандемии [*Shafiee Nahrkhalaji, Shafiee S, Shafiee M, Hvam 2018*].

Мы также затрагивали вопрос цифровой эволюции НКО в контексте трансформации общих практик деятельности НКО сферы услуг в условиях «кризиса 2020» в рамках полевого исследования экспертных оценок, полученных качественными методами [*Кулькова 2020*].

Цифровая эволюция некоммерческих организаций в условиях COVID-19 в экспертных оценках

Учитывая основные положения *implementation research*, которые раскрывают обусловленность успешности различных трансформационных процессов восприятием заинтересованных сторон, для оценки вовлеченности СО НКО сферы услуг в цифровую эволюцию в условиях пандемии необходимо получить экспертные оценки лидеров мнений некоммерческого сектора. Данная особенность стала причиной выбора определенных методов исследования.

На первом этапе в апреле 2020 года было проведено поисковое исследование методом неструктурированного интервью для верификации поставленной проблемы исследования, результаты которого уже подробно описаны в [*Кулькова 2020*]. Здесь предполагается провести вторичный анализ полученных результатов первого этапа, дополнив их интерпретацией положения концепции «цифровой эволюции».

На втором этапе октябрь 2020 года проведен анкетный опрос (N = 56) лидеров СО НКО, которые находятся на стадии зрелости жизненного цикла организации (СО НКО существует более 10 лет), и экспертов некоммерческого сектора. Исследование охватило 52 субъекта РФ. Выборка формировалась случайно, в нее попали лидеры СО НКО и эксперты третьего сектора РФ – участники вебинара, который проводили в дистанционном режиме. Была разработана анкета о восприятии «кризиса 2020» и цифровизации, на которую респонденты отвечали онлайн. Перед распространением анкеты им разъяснили понятия «цифровая эволюция». Респонденты из числа социальных предпринимателей вошли в отдельную выборку, и их исследовали самостоятельно. Обработка результатов анкетного опроса осуществлялась в программном продукте SPSS.

В представлении результатов исследования мы используем методы визуализации в форме линейчатой гистограммы.

В рамках первого этапа вторичный анализ полученных результатов нашего исследования показывает, что в кризисных условиях 2020 года традиционные СО НКО сферы услуг расширили использование базовых цифровых сервисов (социальные сети, электронные рассылки, облачные сервисы) для активизации коммуникаций, что характерно для этапа сетевизации. Верифицировать идентификацию СО НКО с этапом «цифровой эволюции» помогает выявленный в нашем исследовании тренд консолидации некоммерческого сектора и образования ассоциаций, которые усиливаются при использовании интернет-технологий, что находит обоснование в концепции сетевизации М. Кастеля [*Castells 2009*].

¹⁰ Russia's first study of the involvement of Russian charitable organizations in digital transformation (https://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2020/03/TSifrovizatsiya-NKO_infografika.pdf)

Согласно результатам проведенного исследования (рис. 1), эксперты не заметили влияния пандемии и онлайн-практик на деятельность СО НКО (48%). 26% респондентов рассказали о росте эффективности работы, а 26% – о ее снижении. Результаты опроса говорят об адаптационных способностях к условиям кризиса организаций третьего сектора на стадии зрелости жизненного цикла. Рост эффективности деятельности обусловлен проведением акций взаимопомощи с использованием цифровых платформ. Данную динамику можно отнести к позитивным эффектам от использования цифровых технологий.

Рис. 1. Воздействие пандемии и удаленного режима работы на деятельность СО НКО.

Figure 1. Impact of the pandemic and remote work (using online instruments) on the NPOs activity.

Эксперты солидарны в вопросе активизации цифровой эволюции СО НКО в условиях пандемии (рис.2), что помогает определить «кризис 2020» как фактор-триггер цифровой эволюции.

Рис. 2. Оценка изменений цифровой эволюции в условиях пандемии.

Figure 2. Assessing changes in digital evolution during the pandemic.

Ответы респондентов-экспертов о видах используемых цифровых сервисов (рис.3) подтверждают вывод о синхронизации деятельности СО НКО с этапом сетевизации «цифровой эволюции», сделанный по результатам первого этапа представляемого исследования.

Как видно (рис.3), в деятельности СО НКО используют базовые цифровые сервисы для коммуникаций (99%) и информационного сопровождения деятельности (сайты организаций, электронные рассылки, страницы в социальных сетях), что также выполняет коммуникационную функцию. Менее половины СО НКО (45%) предоставляют услуги с помощью цифровых форматов. Использование цифровых форматов, имманентных процессу цифровой трансформации (технологии блокчейна, работа с большими данными, создание цифрового двойника организации), не характерны для деятельности СО НКО.

Рис. 3. Цифровые форматы в деятельности СО НКО.

Figure 3. Digital formats usage in the NPOs activities.

Использование базовых цифровых сервисов в деятельности СО НКО говорит о формировании у лидеров и сотрудников СО НКО информационных навыков, вместе с тем свидетельствуя о недостатке цифровых навыков и компетенций у персонала третьего сектора. Таких сотрудников в вышеуказанных зарубежных и отечественных исследованиях рассматривают как проблему цифровой трансформации. Вместе с тем большинство экспертов считают, что онлайн-формат деятельности сформировал новые возможности для развития активизма (рис. 4). Данную динамику можно объяснить активизацией мер взаимопомощи, по построению новых партнерских видов взаимодействия и предоставлению социальных услуг. Для их проведения НКО используют цифровые платформы, что мы расцениваем как положительный эффект воздействия цифровых технологий на деятельность СО НКО в контексте расширения их социального воздействия на местное сообщество и построения новых партнерств.

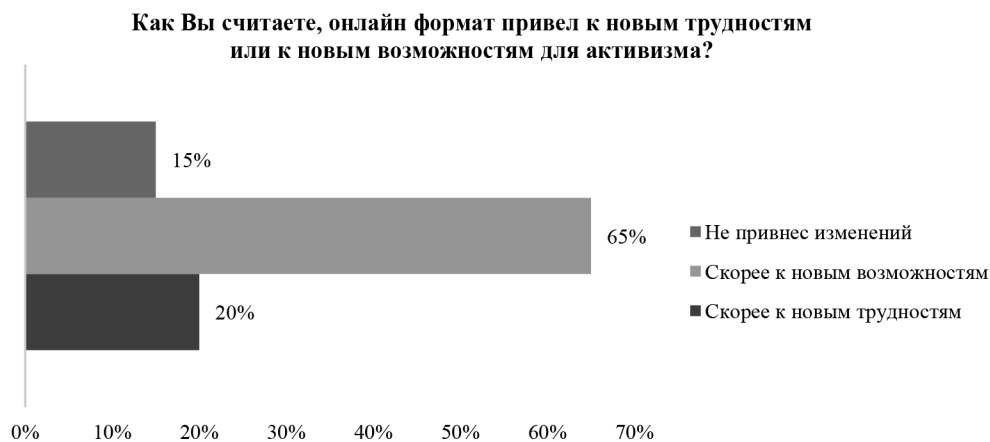

Рис. 4. Воздействие онлайн формата на активизм.

Figure 4. How the online format impacts activism.

Разделилась позиция респондентов по трансляции солидарной ответственности государства, организаций третьего сектора, медиаресурсов за борьбу с дезинформацией как издержек цифровой эволюции (рис. 5).

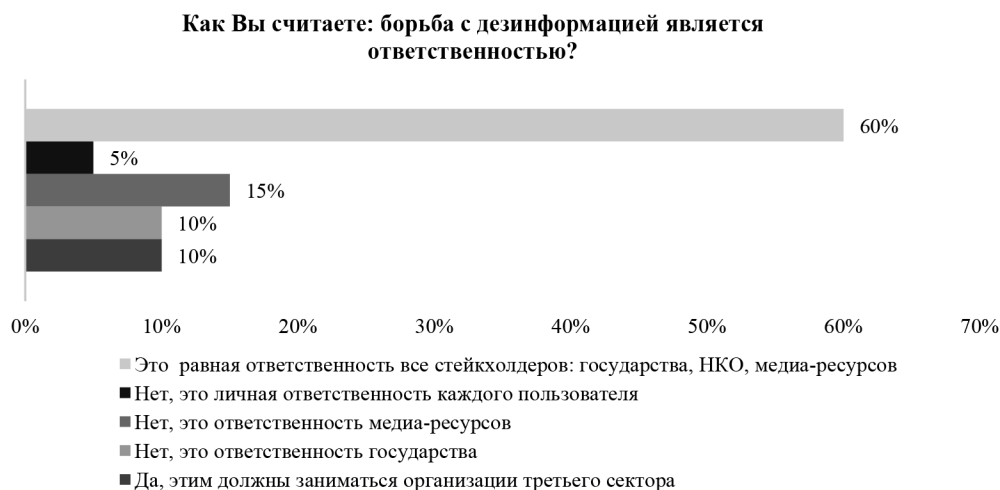

Рис. 5. Оценка ответственности за издержки цифровой эволюции.

Figure 5. Assessing responsibility for digital evolution costs.

То, как лидеры СО НКО оценили солидарную ответственность государства, НКО и медиаресурсов в борьбе с дезинформацией, можно посчитать следствием активизации взаимодействий между государством и СО НКО в рамках выстраивания межсекторного партнерства, которое соответствует международной повестке достижения целей устойчивого развития¹¹.

¹¹ Цели устойчивого развития. Организация объединенных наций. (<https://www.un.org/sustainabledevelopment/sustainable-development-goals/>)

Заключение

В Российской Федерации существует тренд дивергенции включенности различных типов НКО в процесс цифровой эволюции. В отечественных исследованиях показано, что более продвинутый уровень цифровой зрелости характерен для благотворительных организаций. Согласно результатам проведенного нами исследования, цифровая эволюция традиционных СО НКО идентифицируется с этапом сетевизации. Данная тенденция обусловлена использованием в деятельности большинства СО НКО базовых цифровых сервисов для коммуникаций и информационного сопровождения деятельности. Тем не менее, предоставление услуг с использованием цифровых форматов характерно менее чем для половины СО НКО. Применение цифровых форматов, имманентных цифровой трансформации, не имеет широкого распространения в деятельности СО НКО. Таким образом, недостаток необходимых цифровых навыков и компетенций трудовых ресурсов некоммерческого сектора можно верифицировать как фактор-ограничитель цифровой эволюции СО НКО.

Установленное по результатам исследования позиционирование СО НКО на этапе сетевизации в цифровой эволюции говорит о практической значимости для экономики и управления народным хозяйством на микро- и макроуровнях.

На микроуровне значимость прослеживается в управлении деятельностью СО НКО. В частности, возникает понимание реального положения цифровой зрелости НКО, которое требует развития новых лидерских навыков управленцев СО НКО по продвижению цифровых форматов для стимулирования инновационной деятельности.

На макроуровне для перехода некоммерческих организаций на более высокие уровни рекомендуется при разработке мер государственной поддержки организовать обучение сотрудников и лидеров СО НКО продвинутым цифровым навыкам. Обучение можно проводить на базе Ресурсных центров СО НКО в субъектах РФ при участии институтов развития информационных технологий СО НКО (таких, как «Теплица социальных технологий»). Данная мера позволит повысить конкурентоспособность негосударственных поставщиков социальных услуг.

Эксперты демонстрируют солидарность по вопросу об активизации цифровой эволюции СО НКО в условиях пандемии. Таким образом, «кризис 2020» можно верифицировать как фактор-триггер цифровой эволюции. Выявлено, что в условиях пандемии и удаленной работы у большинства организаций некоммерческого сектора эффективность деятельности не изменилась. У трети СО НКО она повысилась, что можно объяснить активизацией взаимопомощи, а также партнерским взаимодействием с использованием цифровых платформ. В контексте последнего неувидительна оптимистичность оценок респондентов о том, что онлайн-формат деятельности СО НКО привел к новым возможностям для развития активизма. Данную тенденцию можно рассматривать как положительный эффект воздействия цифровых технологий на деятельность СО НКО и расширение их социального воздействия на местное сообщество.

Нивелирование дезинформации как негативного эффекта цифровой эволюции опрошенные видят как область солидарной ответственности государства, СО НКО и медиа-ресурсов, что является следствием установленного взаимодействия между государством и СО НКО в рамках механизма межсекторного партнерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишнева К.В. (2019) Цифровизация некоммерческого сектора // Ученые записки ТОГУ. № 4. С. 49–52.
- Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. (2020) Междисциплинарность в теории и на практике: примеры социальной политики // Общественные науки и современность. № 3. С. 170 DOI:10.31857/S086904990010077-6.
- Кулагин В., Сухаревский А., Мефферт Ю. (2020) Digital @ Scale: настольная книга по цифровизации бизнеса. М.: Интеллектуальная Литература.
- Кулькова В.Ю. (2020) Некоммерческий сектор и государственная поддержка некоммерческих организаций сферы услуг в РФ в условиях «кризиса – 2020» // Государственное управление. Электронный вестник. № 80. С. 5–21 DOI:10.24411/2070-1381-2020-10061.
- Кулькова В.Ю., Сабирова А.Р. (2020) Деятельность некоммерческих организаций сферы услуг в Республике Татарстан в условиях COVID-19 // Russian Journal of Management. № 4. С. 171–175.
- Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. (2020) Влияние цифровизации на управление финансами социально ориентированных некоммерческих организаций // Вопросы управления. № 6. С. 40–58.
- Петрише В.И. (2020) Использование СМИ информационно-психологического воздействия на аудиторию. Медиаисследования 2020 (под ред. Т.А. Семилет, И.В. Фотиевой). Б.: изд-во АлтГУ. С. 224–229.
- Романова А.И., Ильина Е.В. Рахматуллин А.И. (2015) Формирование и трансформация капитала на рынке информационных услуг в региональной экономике // Вестник экономики, права и социологии. № 1. С. 45–50.
- Тоффлер Э (2010) Третья волна. М.: АСТ.
- Хабермас Ю. (2001) Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука.
- Bell D. (1973) *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. N.Y.: Basic Books, Inc.
- Castells M. (1992) *The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development*. H.: Wiley-Blackwell.
- Castells M. (2009) *The Rise of the Network Society, Volume 1, Second edition with a new preface*. H.: Wiley-Blackwell.
- Habermas J. (1995) *Theory of communicative action*. Fr. am M.: Suhrkamp.
- Kolmakov V. (2020) Sharing economy impact on ownership transformation and regional performance // Journal of Critical Reviews. Vol. 7 (5). Pp. 514–518. doi:10.31838/jcr.07.05.109.
- Polyakova A. G., Loginov M. P., Strelnikov E. V., Usova N. V. (2019) Managerial decision support algorithm based on network analysis and big data // International Journal of Civil Engineering and Technology. Vol. 10 (2). Pp 291–300.
- Polyakova A., Kolmakov V., Pokamestov I. (2020) Data-driven HR analytics in a quality management system // Quality - Access to Success. Vol. 21 (176). Pp. 74–80.
- Salamon L. (2014) *New Frontiers of Philanthropy*. N. Y.: Oxford University Press.
- Shafiee Nahrkhalaji K., Shafiee S., Shafiee M., Hvam L. (2018) Challenges of Digital Transformation: The case of the Non-Profit Sector. IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management (IEEM). Bangkok, Dec. 2018, Pp. 1245–1249, DOI:10.1109/IEEM.2018.8607762.
- Swaminathan J. Mefferd (2017) *Digital @ Scale: The Playbook You Need to Transform Your Company*. N.J.: Wiley.

REFERENCES

- Bell D. (1973) *The Coming of Post-industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books, Inc.
- Castells M. (1992) *The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development*. Wiley-Blackwell.
- Castells M. (2009) *The Rise of the Network Society. Information Age, vol. 1; 2nd Edition with a New Preface edition*. Wiley-Blackwell.

Grigor'eva N.S., Chubarova T.V. (2020) Mezhdisciplinarnost' v teorii i na praktike: primery social'noj politiki [Interdisciplinarity in Theory and in Practice: an example of Social Policy]. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost*, vol. 3, p.170 DOI:10.31857/S086904990010077-6.

Habermas J. (1995) *Theory of communicative action*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Habermas Ju. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral awareness and communicative action]. Saint-Petersburg: Nauka.

Kolmakov V. (2020) Sharing economy impact on ownership transformation and regional performance. *Journal of Critical Reviews*. vol. 7(5). pp. 514-518. doi:10.31838/jcr.07.05.109.

Kulagin V., Suharevskij A., Meffert Ju. (2020) *Digital @ Scale: nastol'naja kniga po cifrovizacii biznesa* [Digital @ Scale: The Handbook for Business Digitalization]. Moscow: Intellektual'naja Literatura.

Kul'kova V.Ju. (2020) Nekommercheskij sektor i gosudarstvennaja podderzhka nekommercheskikh organizacij sfery uslug v RF v uslovijah «krizisa - 2020» [Non-profit sector and government support for non-profit organizations in the service sector in the Russian Federation in the context of the “Crisis - 2020”]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik*, vol. 80, pp. 5-21 DOI:10.24411/2070-1381-2020-10061.

Kul'kova V.Ju., Sabirova A.R. (2020) Dejatel'nost' nekommercheskikh organizacij sfery uslug v Respublike Tatarstan v uslovijah COVID-19 [Activities of non-profit organizations in the service sector in the Republic of Tatarstan in the context of COVID-19]. *Russian Journal of Management*, vol. 4, pp. 171-175.

Molchanov I.N., Molchanova N.P. (2020) Vlijanie cifrovizacii na upravlenie finansami social'no orientirovannykh nekommercheskikh organizacij [Impact of digitalization on financial management of socially oriented non-profit organizations]. *Voprosy upravlenija*, vol. 6, pp. 40–58.

Petrishhe V.I. (2020) *Ispol'zovanie SMI informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya na auditoriju //Mediaissledovanie 2020* [The use of information and psychological influence on the audience by the media // Media Research 2020] (Ed. red. T.A. Semilet, I.V. Fotievoj). Barnaul: izd-vo AltGU. pp. 224-229

Polyakova A. G., Loginov M. P., Strelnikov E. V., & Usova N. V. (2019) Managerial decision support algorithm based on network analysis and big data. *International Journal of Civil Engineering and Technology*. Vol. 10(2). pp 291-300.

Polyakova A., Kolmakov V., & Pokamestov I. (2020) Data-driven HR analytics in a quality management system. *Quality - Access to Success*. vol. 21(176). pp. 74-80.

Romanova A.I., Il'ina E.V. Rahmatullin A.I. (2015) Formirovanie i transformacija kapitala na rynke informacionnykh uslug v regional'noj jekonomike [Formation and transformation of capital in the information services market in the regional economy]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii*, vol. 1, pp. 45-50.

Salamon L. (2014) *New Frontiers of Philanthropy*. New York: Oxford University Press.

Shafiee Nahrkhalaji K., Shafiee S., Shafiee M., Hvam L. (2018) Challenges of Digital Transformation: The case of the Non-Profit Sector. *IEEE International Conference on Industrial Engineering and Engineering Management (IEEM)*. Bangkok. Dec. 2018, pp. 1245–1249, DOI:10.1109/IEEM.2018.8607762.

Swaminathan J. Mefferd (2017) *Digital @ Scale: The Playbook You Need to Transform Your Company*. New Jersey: Wiley.

Toffler Je (2010) *Tret'ja volna* [Third wave]. Moscow: AST.

Vishneva K.V. (2019) Cifrovizacija nekommercheskogo sektora [Digitalization of the non-profit sector]. *Uchenye zapiski TOGU*, vol. 4, pp. 49-52.

Об авторе

Кулькова Варвара Юрьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и организации производства Казанского государственного энергетического университета. Адрес: ул. Красносельская, д.51, Казань, 420066. E-mail: kulkova77@mail.ru

About the author

Varvara U. Kulkova, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of Economics and Production Organisation of the Kazan State Power Engineering University. Address: 51 str. Krasnoselskaya, Kazan, Russian Federation, 420066. E-mail: kulkova77@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 12.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 31.05.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 07.06.2021

DOI: 10.31857/S086904990015423-7

СТРАНЫ СНГ CIS COUNTRIES

Оригинальная статья / Original Article

Проблема социальных дистанций по отношению к субэтническим группам армян в Армении

© С.А.МАНУКЯН

Манукян Самвел Аршалуйсович, кандидат социологических наук (Армения, Ереван), samvelmanukyana@gmail.com

Аннотация. Одна из острейших проблем Республики Армения – неблагоприятная демографическая ситуация. Демографический прогноз указывает, что рост населения в долгосрочной перспективе возможен только за счет репатриации. Репатриация в Армению возможна в основном при обстоятельствах, которые угрожают жизни диаспоры. Интеграция репатриантов в общество Армении, помимо социально-экономических условий, зависит от установок к социальным отношениям репатриантов и принимающего общества, которое также не представляет собой единое целое (наличие субэтнических (региональных) групп). На основе анализа баз данных массовых социологических опросов вычислены воспринимаемые в обществе Армении социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян, в том числе – к западным армянам, карабахским армянам, иранским армянам, армянам католикам, азербайджанским армянам, армянам-мусульманам Турции, армянам-сектантам. На основе факторного анализа выделены мировоззренческие комплексы, которые определяют социальные дистанции к субэтническим группам. Выявлено влияние на социальные дистанции различных характеристик респондентов, в том числе консолидированности этнической идентичности, компонент цивилизационной идентичности, культурного контекста и ценностных систем. Отношение в Армении к субэтническим группам армян порождает социальные, экономические и политические проблемы, которые сдерживают становление политической нации и ее политическое развитие. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегий для решения перечисленных проблем.

Ключевые слова: Субэтническая группа, социальная дистанция, субнациональная идентичность, национальная идентичность, цивилизационная идентичность, диаспора, Армения, США, Европа, Ближний Восток, репатриация, демография.

Цитирование: Манукян С.А. (2021) Проблема социальных дистанций по отношению к субэтническим группам армян в Армении // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 101–120. DOI: 10.31857/S086904990015423-7

The Problem of Social Distances in Relation to Sub-ethnic Groups of Armenians in Armenian Society

© S. MANUKYAN

Samvel A. Manukyan, PhD of Sociology (Armenia, Erevan), samvelmanukyana@gmail.com

Abstract. One of the most important problems of the Republic of Armenia is the unfavorable demographic situation. The demographic projection indicates that long-term population growth is only possible through repatriation. Cases of mass repatriation are mostly tied to circumstances that are threatening to the Armenians. The integration of repatriates in Armenian society, in addition to socio-economic conditions, also depends on the attitudes towards social relations between repatriates and host society, which itself does not represent a whole (sub-ethnic (regional) groups). In this research we're using the data of mass sociological surveys to examine social distances perceived in the Armenian society in relation to sub-ethnic groups of Armenians, including Western Armenians, Karabakh Armenians, Iranian Armenians, Armenian Catholics, Azeri Armenians, Armenian Turkey Muslims and Armenian sectarians. The author identified the worldview complexes that determine social distances. It is concluded that Armenians' attitude towards sub-ethnic groups gives rise to social, economic and political problems that hinder the formation and development of a political nation. The results of the study can be used to develop strategies for solving the listed problems.

Keywords: subethnic group, social distance, national identity, identity, diaspora, Armenia, USA, Europe, Middle East, repatriation, demography.

Citation: Manukyan S. (2021) The problem of social distances in relation to sub-ethnic groups of Armenians in Armenian society. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 101–120. DOI: 10.31857/S086904990015423-7 (In Russ.)

Истоки диаспоры и субэтнических групп

Основная территория исторической Армении раздроблена горными цепями, которые образуют закрытые географические регионы. Там и образовались исторические регионы Армении. Трудности коммуникации между ними, особенно в длительный зимний период, способствовали развитию экономической самодостаточности, что снижало необходимость интенсивных экономических, социальных и культурных взаимоотношений. Данная специфика затрудняла формирование и сохранение сильного единого централизованного государства и способствовала развитию местной идентичности, а также образованию и сохранению субэтнических групп. Они отличались своими диалектами, нравами, бытом, особенностями жизнедеятельности.

Григорьян К.Э. в своей диссертационной работе пишет: «Появление субэтнических групп армянского народа связано непосредственно с его историко-политическими судьбами. Находясь географически на пересечении важнейших путей между Востоком и Западом, между могущественными державами (Римской, затем Византийской, а позже Османской империями и Ираном), Армения не просто постоянно ощущала их давление, но и неоднократно претерпевала расчленение на две части – восточную и западную, которые в разные периоды входили в состав этих государств, где подвергались насильственным переселениям, религиозной ассимиляции и даже, как в Турции – откровенному геноциду. Кроме этого, армянский народ неоднократно испытывал опустошительные нашествия и со стороны пришлых завоевателей – арабов, тюрок-сельджуков, монголов,

турок-османов, что приводило к его массовой вынужденной миграции в другие страны» [Григорьян 2002].

На протяжении всей истории в Армении существовали разные формы политической организации: независимые государственные образования, единое государство, полунезависимое государство в составе империй, религиозно-общинное самоуправление. Сохранить целостность армянского этноса в XIV–XIX вв., когда части Армении находились в составе разных империй, удалось благодаря армянскому алфавиту и единому религиозно-литературному армянскому языку, на котором велась литургия. Также важную роль играла автокефальная теологически своеобразная Армянская Апостольская Церковь, на основе которой даже в условиях отсутствия государственности развивалась единая армянская высокая культура [Геворгян 1992].

С V века периодически происходил отток армянского населения с территории исторической Армении, из-за чего образовались армянские диаспоры в Европе, Азии и Африке (в Египте). В современной Европе, России и Америке многочисленная армянская диаспора начала формироваться с середины XIX века, когда в Османской империи усилились гонения на немусульман, в том числе и на (западных) армян. Массовая депортация западных армян из Османской империи происходила в течение и после геноцида армян 1915–1922 гг. в Османской империи и Турции.

Последнее крупное пополнение армянской диаспоры произошло в результате крушения СССР. Из-за Карабахского конфликта более 500 000 армян покинули Азербайджан. Не менее 300 000 беженцев прибыли в Армению. Большинство из них позже покинули ее, так как национальное движение и распад СССР развалили социально-политическую и экономическую систему страны, одна треть которой была уже разрушена Спитакским землетрясением 1988 г.

В самой армянской диаспоре образовались различные субэтнические формирования в зависимости от того, в какой стране, когда и из выходцев какого региона Исторической Армении она состояла. Петросян А. [Petrosyan 2017] указывает на существование ряда субэтнических групп армян. Армяне американской диаспоры делятся на собственно армян США (старая диаспора), выходцев из Армении, из Ливана (язык западно-армянский), из Ирана (язык восточно-армянский) и азербайджанских армян. Отдельные субэтнические группы составляют армяне диаспоры в различных странах – Франции, Ливане, Иране. А. Петросян считает отдельными субэтническими группами карабахских армян, азербайджанских армян. Также он отделяет группы армян по региональному происхождению (среванцы, ширакцы, лорийцы и т.д.).

С течением времени многие сегменты армянской диаспоры ассимилировались. Данный процесс происходил быстрее в христианских странах и практически отсутствовал в исламских государствах¹, кроме Турции, где происходила насильственная исламизация. В Иране насильственной ассимиляции практически не было – это не в традициях Ирана, где исторически проводилась политика веротерпимости. Армян в Иран перемещали насильственно, но предоставляли им значительные льготы, так как считали армян искусными предпринимателями и ремесленниками. Чем более высокую социальную нишу занимали армяне в принимающей стране, тем быстрее происходила ассимиляция. Поэтому в странах Ближнего и Среднего Востока, как правило, армянская диаспора сохранялась лучше.

В конце XX века США начали проводить геополитический проект «Большой Ближний Восток», частью которого стали до сих пор незавершенные «Арабские весны» с воз-

¹ Этот феномен подтверждают и объясняют данные Таблицы 2, которые показывают очень низкую допустимость (практически запрет) браков армян с мусульманами и высокую допустимость – с христианскими этносами.

возможными изменениями границ в регионе. Нет оснований считать, что в ближайшем будущем в регионе наступит мир. Для армянской диаспоры Ближнего Востока, которая имеет развитую социальную, экономическую и культурную инфраструктуру, возникли риски физической безопасности. Наиболее вероятный сценарий для армянских диаспор стран Ближнего и Среднего Востока – это постепенное численное сокращение. В итоге произойдет снижение их политического потенциала и роли, что ускорит численное сокращение армянских диаспор.

В течение всего XX века существовала незначительная миграция армян из стран Ближнего и Среднего Востока в Европу и США. В конце века она существенно возросла. Для армян, особенно для молодежи, европейские свободы и христианское окружение всегда были гораздо притягательнее, чем замкнутая жизнь в этнических анклавах исламской среды, где преобладают традиционные ценности и строгий социальный контроль.

В острых фазах иракского и сирийского кризисов несколько десятков тысяч армян иммигрировали в Армению, однако она не сумела полностью их интегрировать, и значительная часть иммигрантов впоследствии покинула страну.

Армяне Ближнего и Среднего Востока проживают в этнических анклавах, а религиозные различия и сильное влияние Армянской Апостольской Церкви сдерживают основной фактор ассимиляции – смешанные браки. В Европе и США армяне предпочитают жить в мегаполисах. Нравы в Европе и США сильно влияют на ассимиляцию христианских этнических групп, стиль жизни и работы ослабляет социальные связи с соотечественниками и содействуют дисперсному проживанию, нередки смешанные браки. Церковь слабо влияет на брачное поведение молодежи. Следовательно, миграция армян Ближнего и Среднего Востока в Европу и США ускорит их ассимиляцию. Это можно назвать универсальным трендом. Угрозу ассимиляции этнических диаспор считают актуальной даже в Израиле [*Косовский* 2018], у которого есть огромный опыт, сеть специализированных организаций, технологии и ресурсы для сохранения и репатриации еврейской диаспоры. Данная диаспора по своему историческому опыту и условиям жизнедеятельности в определенной степени похожа на армянскую.

Проблему утраты диаспоры остро чувствуют и в Армении, где репатриацию армян диаспоры считали и продолжают считать наиболее важным фактором улучшения тяжелого демографического состояния. Правительство Третьей армянской республики более 15 лет проводит программы сохранения диаспоры и содействия репатриации². Власти проводят переподготовку школьных учителей диаспоры, снабжают школы учебниками, организуют молодежные лагеря в Армении, устраивают культурные фестивали и спортивные мероприятия, создают совместные профессиональные ассоциации, содействуют инвестициям в Армению. Результаты этих мероприятий нельзя считать удовлетворительными: массовая репатриация из Ирака (2002–2004) и Сирии (2011–2015) сопровождалась массовым оттоком этих же репатриантов из Армении в Европу.

О недостаточной эффективности программ репатриации армян свидетельствуют статистические данные миграционного баланса Армении за последние 30 лет. В течение 1992–1994 гг. отрицательный миграционный баланс Армении составил 498 000 человек, в течение 1995–2000 гг. – 120 700, в 2001–2005 гг. – 116 200, в 2006–2010 гг. – 76 300,

² Иногда считают, что для репатриации армян можно использовать опыт 1960-1970-х гг. Однако сравнивать проблему репатриации постсоветской и советской Армении и способы ее решения не совсем адекватно, так как возможности Армении в составе СССР были несравненно более притягательными чем, положение в постсоветской Армении сегодня. С другой стороны, репатриация в 1960-1970 гг. в Армянскую ССР была около 26 000 армян. Это количество гораздо меньше, чем в более ранние годы: в 1920-1940 гг. – 75 000 человек, а в 1946-1948 гг. – около 100 000 человек. И не следует забывать, что после облегчения выезда из СССР евреев и армян в 1970-х гг. началась эмиграция ранее репатриировавшихся западных армян из Армении в США и Европу.

2011–2015 гг. – 202 900, в 2016–2018 гг. – 59 800. В общем в течение 1992–2017 гг. отрицательный миграционный баланс Армении составил 1 073 400 человек, что составляет почти 30% населения Армении 1990 г. [Манукян 2019].

Демографическая проблема интеграции репатриантов и взаимоотношений между субэтническими группами

В Армении сложилась тяжелая демографическая ситуация. В течение 1990–2019 гг. количество рождений снизилось в 2,2 раза – с 79 882 до 36 448 человек, общий коэффициент рождаемости снизился с 22,5‰ до 12,2‰ [The Demog. 2020, 23]. С 1993 г. коэффициент фертильности женщины упал ниже 2,15 – необходимого минимального уровня для простого воспроизводства населения [The Demog. 2010, р. 75] – и вплоть до 2019 г. оставался ниже этого уровня. В 2019 г. коэффициент фертильности в Армении составлял 1,6 [The Demog. 2020, 69].

Основной фактор, определяющий коэффициенты рождаемости, в том числе и коэффициент фертильности, – это потребность в детях, которая является ценностно-культурным феноменом [Медков 2004, 274]. Повышение потребности в детях – не просто вопрос «пропаганды», как подчас считают, а проблема, которая решается с помощью системной целенаправленной культурно-образовательной стратегии и соответствующего преобразования информационного поля.

Социологические исследования показывают, что ценностно-культурные изменения в обществе Армении монотонно снижают как потребность в детях, так и уровень ее реализации. Так, в 2014 г. среди старшего поколения (60+ лет) потребность в детях составляла 4,52 ребенка, а среди населения возраста 18–29 лет (возраст наиболее интенсивного деторождения) – 3,12 ребенка. Прогноз на 2035 г. составляет 2,71 ребенка. Уровень удовлетворенности потребности в детях для старшего поколения 60+, интенсивный возраст фертильности которого пришелся на наиболее благоприятные советские времена, составлял 70%, а для возрастной группы 18–29 лет прогноз этого показателя снизился до 52%. Следовательно, среднее количество детей в этом слое населения в итоге составит 1,62, что практически совпадает с уровнем фертильности населения в Армении в 2014 г. При сохранении тенденции на снижение потребности в детях и сохранение уровня удовлетворения этой потребности (оптимистический прогноз), коэффициент фертильности в Армении в 2030 г. будет находиться в диапазоне [1,35; 1,40] [Manukyan 2019].

Стимулировать рождаемость через улучшение качества жизни населения, его материальную поддержку и другие социально-экономические стратегии возможно. Тем не менее, приведенный выше демографический прогноз указывает, что такая стратегия не в состоянии повысить коэффициент фертильности выше 2,15 (порог для простого воспроизводства населения). Таким образом, в итоге проблема расширенного воспроизводства населения посредством естественного прироста останется нерешенной³. Он возможен только посредством механического прироста – репатриации армян.

Для эмигрантов основные притягивающие факторы страны — это процветающая экономика и высокие социальные стандарты. Данные факторы в Армении отсутствуют. Однако, как показывают события 30-и постсоветских лет, в современных условиях репатриация армян возможна в случае форс-мажорных обстоятельств, угрожающих жизни армян. Массовая репатриация в Армению происходила после Иракской войны 2003 г.

³ Этот вывод, основанный на демографическом моделировании, был представлен государственным структурам Армении, занимающимся демографической проблемой Армении. Однако данные структуры продолжают проводить стратегии, основанные сугубо на социально-экономических факторах, хотя приведенные демографические показатели и статистические данные доказывают несостоятельность государственных стратегий – положительные результаты отсутствуют.

и в течение первых лет Сирийской войны, начавшейся в 2011 г. Сегодня вероятность подобных форс-мажорных событий существует не только в арабских странах с нестабильными режимами вроде Ливана, но и в Иране, находящемся под жестким давлением США и Израиля. Военные столкновения с внутренней дестабилизацией могут создать такую обстановку.

Острые социальные потрясения также происходят в США, где проживает вторая по численности (более 1,5 млн) армянская диаспора, и в развитых европейских странах, в частности во Франции, где проживает от 300 до 500 тысяч армян.

С другой стороны, проблема состоит не только в репатриации армян, но и в достижении высокого уровня приживаемости репатриантов. Необходимо повысить численность репатриантов, которые, в конечном счете, останутся в Армении.

Интеграция репатриантов в обществе Армении имеет не только социально-экономическую, но и культурную составляющую – установки принимающего общества и репатриантов к социальным отношениям друг с другом. На основе таких установок вычисляются социальные дистанции, которые воспринимают представители одной социальной группы к другой [Bogardus 1925]. При неблагоприятных установках (больших социальных дистанциях) интеграция может потерпеть неудачу уже на начальном этапе, из-за чего репатрианты покинут Армению.

Проблема установок на сотрудничество существует и среди субэтнических (региональных) групп – ереванцев, гюмрийцев, араратцев, карабахцев, бакинцев. Состязательность между региональными группами существовала и в советский период, но она чрезвычайно обострилась после обретения Арменией независимости, когда высшая государственная власть из Москвы переместилась в Ереван.

После распада СССР капиталистическая форма собственности стала преобладать во всех постсоветских республиках. В Армении приватизация народного достояния имела свою особенность – она стала основным фактором обострения отношений между субэтническими группами. Обладавшие высшей властью лица присваивали наибольшие и наилучшие куски народной собственности, что в свою очередь усиливало политическую власть крупных собственников. Клановость и местечковость проявлялись в том, что группы соперников за обладание собственностью создавались из «своих» (родственников). Тем временем группы, которые приходили во власть в регионе или центре, формировали общественные слои новой экономической и политической элиты из своих региональных соотечественников, т.е. субэтнических групп. Когда такие группы приходили во власть в центре, в обществе к ним накапливалось отрицательное отношение. Такой группой в начале 1990-х гг. были араратцы⁴, а с конца 1990-х гг. карабахцы, которые постепенно оттеснили первых от рычагов власти в Ереване.

В сегодняшней Армении провинциально-клановое поведение новых элит, которые представляют субэтнические группы и отрицательное отношение к этим группам в обществе – два мощных негативных фактора. Они генерируют в Армении множество политических, экономических и социальных проблем, в том числе:

– препятствуют притоку интеллигенции и специалистов из диаспоры, не позволяя им занимать соответствующие их компетенциям должности и тем самым выталкивая их из Армении, о чем свидетельствует высокая текучка кадров;

– препятствуют экономическому развитию Армении, в частности, среднему и малому бизнесу, особенно в провинциальных городах и селах, где клановое поведение в экономической сфере особенно выражено;

⁴ Один из наиболее влиятельных военных и государственных деятелей Армении 1990-х гг. Вазген Саркисян был родом из Араратского региона. Он погиб во время террористического акта в Парламенте Армении 27 октября 1999 г.

– фрагментируют политическую систему Армении на основе субэтнической принадлежности⁵;

– формируют субэтнические группировки в армии, которые деструктивно влияют на ее морально-психологическое состояние – особенно когда речь идет о рядовом и сержантском составе [Manukyan, 2011]⁶.

В статье, на основе обработки баз данных массовых социологических опросов:

1. Вычислены воспринимаемые в обществе Армении социальные дистанции по отношению к нескольким субэтническим группам армян, в том числе – западным армянам, карабахским армянам, иранским армянам, армянам-католикам, азербайджанским армянам, армянам-мусульманам Турции, армянам-сектантам;

2. Проанализированы оценки приемлемости различных видов социальных контактов с субэтническими группами, в том числе – брака, дружбы, совместной работы, предоставления гражданства, а также динамику изменения социальных дистанций и уровней приемлемости отдельных социальных контактов;

3. Применением факторного анализа выявлены мировоззренческие комплексы, которые определяют социальные дистанции в обществе Армении к рассмотренным субэтническим группам;

4. Определены влияния различных характеристик респондентов на социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян. В том числе: социально-демографических, уровня консолидированности этнической идентичности, уровней наличия компонент цивилизационной идентичности, культурного контекста и ценностных систем.

Методология

В статье понятие «субэтнические группы» применяется в соответствии с определением, данным в [Словарь социолингвистических терминов, 2006].

Согласно ему, «этническая группа» по сути «то же, что субэтнос – часть этноса, объединенная общей территорией, особенностями культуры, быта, а главным образом особенностями языка (как правило, это общий диалект или говор), имеющая особое самосознание и самоназвание. Напр., гуцулы и лемки являются этническими группами украинцев, а мингрелы и сваны – грузин». Второе определение гласит, что «этнической группой» можно назвать «часть этноса, территориально отъединившуюся в результате миграции, но сохранившую этническое самосознание, язык, особенности культуры и быта, напр., немцы в России, русские в Латвии. Такие Э.г. весьма разнородны по своим основным признакам: 1) численности населения; 2) длительности проживания вне исконной территории (от нескольких веков до нескольких десятилетий); 3) степени национальной самоидентификации; 4) степени сохранности этнического языка».

Очевидно, что различным субэтническим группам армян соответствуют или первое, или второе определение.

⁵ Согласно законодательству РА, партия может быть зарегистрирована лишь при наличии отделений в других регионах страны. Иногда считают, что этого достаточно, чтобы защитить политическую систему от субэтнической раздробленности, но данное мнение не соответствует действительности. Например, 21 марта 2021 г. бывший руководитель Сюникского региона зарегистрировал партию, в правлении которой, помимо него, состояли бывшие мэры четырех из семи городов региона, а также двух укрупненных населенных пунктов. С другой стороны, представители субэтносов проживают в самых разных регионах Армении, занимают важные посты (особенно в исполнительной власти) и могут продвигать «своих» по субэтническому признаку, в том числе и влияя на политическое поведение региональных организаций политических партий. Данный феномен существовал в Армении и в советский период.

⁶ Результаты и основные выводы отчета исследования «Мировоззренческие комплексы молодежи Армении в контексте проблем стратегического развития Республики Армения» (Манукян С. А.) использованы и инкорпорированы в документе «Государственная молодежная стратегия Республики Армения на 2013-2017 гг.».

Статья не нацелена на дискурс о различных определениях субэтничности и их связях с понятиями субкультура, региональная или местечковая субкультура, а также на изложение развития субэтнических групп в Армении. Данные темы раскрыты в отдельных научных работах. В представленной статье, на основе научных публикаций [Геворгян 2002; Petrosyan 2017], существование субэтнических групп армян рассматривается как данность.

Цель статьи – представить читателю результаты исследования четырех групп вопросов, которые мы изложили выше.

Исследование проведено с использованием двух социологических баз данных: «Качество жизни в Армении 2015» (в дальнейшем – «Качество жизни 2015») и «Мировоззренческие комплексы армянской молодежи в контексте стратегического развития РА, 2011» (в дальнейшем – «Молодежь 2011»). Оба исследования автор данной статьи проводил на базе Института политического и социологического консалтинга (IPSC). Исследования имели общереспубликанский масштаб. Первое включало в себя население Армении 18 лет и старше, второе – 18–29 лет. Выборки, которые состоят из 2011 и 1196 респондентов соответственно – вероятностные, многоступенчато стратифицированные, кластерные, репрезентативны по полу, возрасту, регионам Армении и типу населенного пункта. Выборочные ошибки 2,18% и 2,83%, соответственно. Уровень статистической значимости всех приведенных результатов $\alpha \leq 0,05$.

Анализ данных показал, что социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян изменяются очень медленно: за 15 лет на 2–4%. Соответственно, использованные в статье данные не потеряли свою актуальность. Убедиться в этом можно, рассматривая данные Диаграммы 2. Более того, приведенные оценки скорости изменения социальных дистанций указывают, что данные использованных исследований не утратят свою актуальность в течение более чем 5 лет⁷.

Социальные дистанции измерены усеченными шкалами Богардуса. Шкала Богардуса строится на основе ответов на семь вопросов, которые выявляют допустимость для респондента различных социальных контактов с представителем той группы, по отношению к которой измеряется социальная дистанция. Используемые социальные контакты: брак, дружба, соседство, совместная работа/бизнес, предоставление гражданства своей страны, присутствие в стране только в качестве туриста и запрет на посещение страны.

В исследовании «Качество жизни 2015» использованы три социальных контакта: брак, дружба, работа/бизнес, а в исследовании «Молодежь 2011» – четыре: брак, дружба, работа/бизнес, согласие на предоставление гражданства. Для того, чтобы результаты двух исследований можно было максимально сопоставить, построенные шкалы перевернуты и нормированы в диапазоне [0; 1], где 0 – минимальная, а 1 – максимальная социальная дистанция.

В исследовании «Качество жизни в Армении 2015» представлены четыре субэтнические группы: западные армяне, карабахские армяне, азербайджанские армяне, армяне-мусульмане Турции. В исследовании «Молодежь 2011» присутствуют семь групп: западные армяне, карабахские армяне, иранские армяне, армяне-католики, азербайджанские армяне, армяне-мусульмане Турции, армяне-сектанты. В последнем также изучены социальные дистанции по отношению к русским, немцам-туркам, европейцам, черным, мусульманам, что расширяет возможности интерпретаций полученных результатов.

Приводим основные характеристики субэтнических групп армян, включенных в исследование.

⁷ Следует отметить, что в Армении проводились исследования и по проблемам молодежи, например, [Mkrtichyan, Vermishyan, Balasanyan 2016], и по вопросам самочувствия и интеграции репатриантов [Науренадардзнери, 2020; Hakobyan A. 2017; Hakobyan G. 2017; Науренадардзутян ... 2015]. Однако среди отмеченных и других исследований нет таких, в которых рассматривались бы социальные дистанции и связанные с ними проблемы, кроме работ автора данной статьи, например, [Манукян 2017; Manukyan 2020].

Западные армяне. Армяне, эмигрировавшие из Османской империи, а затем Турецкой Республики. Они говорят на западноармянском языке, который имеет свою нормативную грамматику, особенности лексики и богатую литературную традицию. Они составляют «старую» диаспору, которая образовалась в конце XIX — начале XX вв. Проживают в основном в США, Канаде, Франции, в странах Европы, Южной Америки, Азии. После Первой и Второй мировых войн значительное количество западных армян поселились в Советской Армении. В 1970-х гг., после упрощения выезда на постоянное жительство за границу, многие покинули Армению. Еще больший отток произошел в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Западные армяне Армении сохраняют свою идентичность. В опросе «Качество жизни 2015» 12% населения Армении назвали в качестве своего происхождения «западный армянин».

Армяне-католики. Компактно проживают в основном в Самцхе-Джавахетском регионе Грузии и на северо-западе Армении, а также в Иране, Ливане, Турции, Израиле, России и США. Приблизительная численность – около 150 000 человек [Adalian 2010].

Азербайджанские армяне. По данным переписи населения СССР 1979 г. их численность составляла 475 486 человек. Все они, кроме армян Нагорного Карабаха, покинули Азербайджан. Особая группа азербайджанских армян – бакинские армяне (приблизительно 200 000 человек). Последние из них покинули Баку в 1991 г.

Карабахские армяне. Отличаются сильным чувством государственности, склонностью и способностям к военной и государственной службе, сплоченностью. Это объясняется тем, что Карабахские полунезависимые княжества сохранялись вплоть до XIX в. Карабахские армяне проживают на своей исторической родине. После войны 27 сентября – 9 ноября 2020 г. под защитой российских миротворцев в Нагорный Карабах вернулись приблизительно 120 000 карабахских армян.

Иранские армяне. По данным историка А. Зурабяна [Сколько армян ... 2020], численность иранских армян сегодня составляет приблизительно 60 000 человек, из которых около 50 000 проживают в Тегеране, приблизительно 6 000 в Исфахане и приблизительно 3 000 человек – в северо-западном Иране (Атрпатакан). В течение 1979–2019 гг. приблизительно 150 000 иранских армян покинули Иран.

Армяне-мусульмане Турции. Особая группа армян Турции [Мелконян, 2008]. Проживают на территории исторической Западной Армении. По данным заведующего кафедрой истории турецкого университета Иненю профессора Салима Джойдже, численность криптоармян может составлять приблизительно 200 000 человек [Криптоармяне ... 2007]. Большинство криптоармян – потомки девочек, которых во время геноцида армян взяли в свои семьи курды и алевиты. Их выдавали замуж за курдов, алевитов и турков. Их потомки, как правило, заключали браки с людьми такой же судьбы, вследствие чего армянская идентичность скрытно сохранялась. За последние 15 лет в Турции возникла слабая тенденция оглашения криптоармянами своей армянской идентичности.

Результаты

Социальные дистанции по отношению к субэтническим группам. На Диаграмме 1 А, Б приведены социальные дистанции, измеренные в исследованиях «Молодежь 2011» и «Качество жизни 2015». Заметим, что на диаграммах паттерны социальных дистанций западных армян, карабахских армян, азербайджанских армян и армян-мусульман Турции подобны друг другу. Поэтому, распространение результатов молодежного исследования на все общество Армении достаточно обоснованно.

Паттерны диаграмм указывают на некоторые особенности общества Армении в вопросе социальных дистанций по отношению к субэтническим группам армян и другим социальным группам:

- Социальные дистанции разбросаны в очень большом интервале. Так, наименьшая дистанция наблюдается по отношению к западным армянам (0,148), а наибольшая – к армянам-мусульманам Турции (0,773)⁸.

- Есть этносы – например, русские и немцы – которых в обществе Армении воспринимают ближе, чем некоторые субэтнические группы армян⁹.

- В контексте социальных дистанций особое место занимают русские, по отношению к которым дистанция очень мала (0,190).

- В армянском обществе дистанция, воспринимаемая к армянам-мусульманам Турции (0,773) приблизительно такая же, что и к мусульманам (0,782) и туркам (0,810).

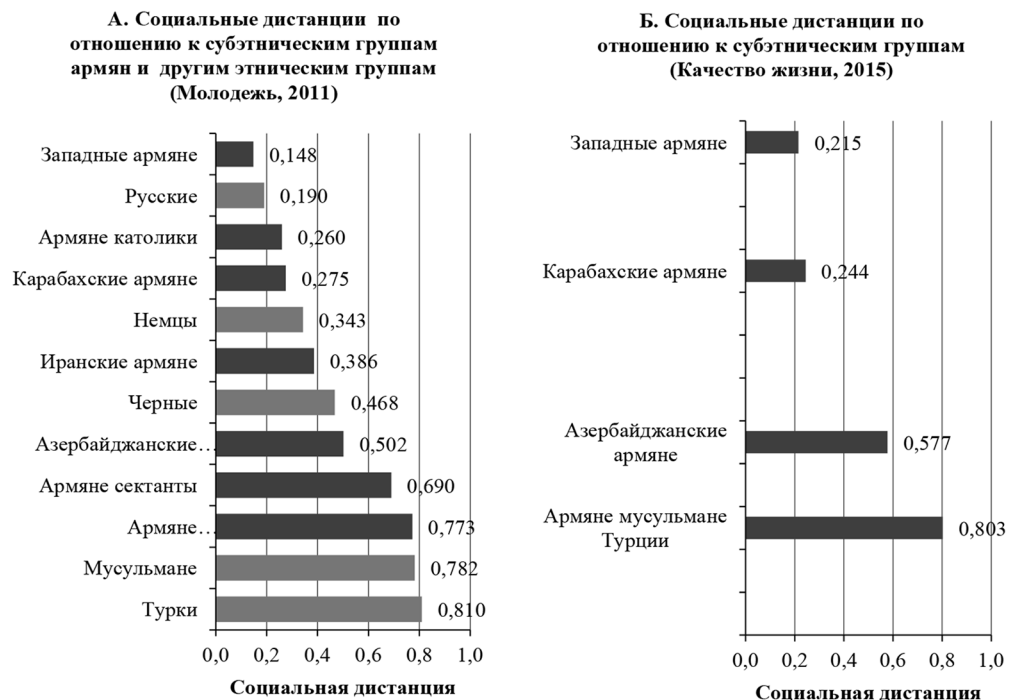

Диаграмма 1. Социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян и другим этническим группам

Figure 1. Social distances in relation to the sub-ethnic groups and ethnic groups

Визуальный анализ социальных дистанций в различных возрастных группах, представленных на Диаграмме 2, показывает, что они с течением времени изменяются – хоть и очень медленно¹⁰. Медленное изменение социальных дистанций в возрастных группах служит еще одним косвенным подтверждением того, что данные, полученные в исследовании «Молодежь 2011», можно достаточно обоснованно распространить на все общество Армении.

Статистическое тестирование показало, что для всех субэтнических групп, кроме западных армян, существуют статистически значимые линейные тренды.

⁸ Поскольку результаты исследования «Молодежь 2011» гораздо богаче, чем исследования «Качество жизни 2015», а также наличествует подобие основных результатов, то впредь будем ссылаться на данные исследования «Молодежь 2011». Ссылки на результаты «Качество жизни 2015» будут особо отмечены.

⁹ Это подтверждает реальность существования субэтнических групп армян.

¹⁰ Изменения от старшей группы к младшей моделирует течение времени.

- Со временем возрастает социальная дистанция по отношению к азербайджанским армянам.
- Социальные дистанции по отношению к карабахским армянам и армянам-мусульманам Турции возрастали, однако в наиболее молодой группе 18–29 лет эти дистанции статистически значимо сократились.

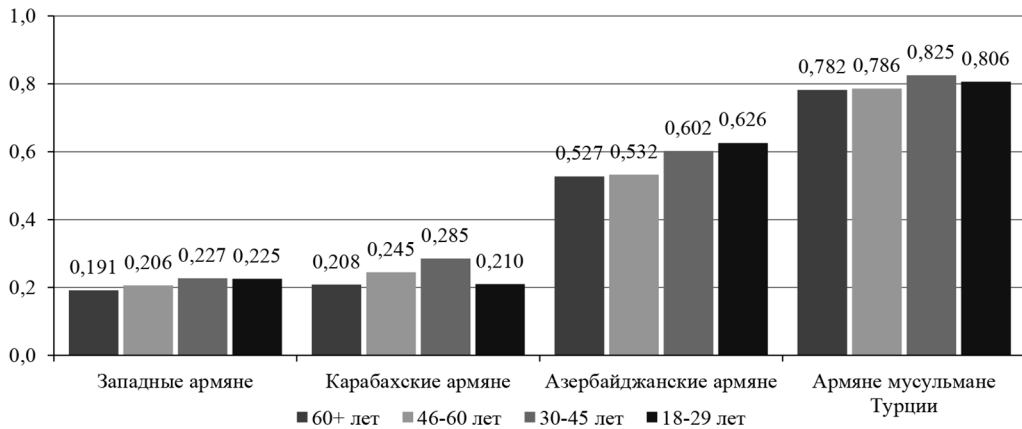

Диаграмма 2. Социальные дистанции по отношению к западным, карабахским, азербайджанским и турецким армянам мусульманам в возрастных группах.

Источник: «Качество жизни 2015».

Figure 2. Social distances in relation to the Western, Karabakh, Azerbaijani and Turkish Armenian Muslims in different age groups.

Source: “Quality of life 2015”.

Компоненты шкалы социальной дистанции. Если социальная дистанция – безразмерная условная величина, то ее компоненты – это конкретные виды социальных контактов, которые имеют определенное содержание. Следовательно, существует самостоятельный интерес в анализе допустимости компонентов, из которых построена шкала социальной дистанции.

В Таблице 2 представлены уровни допустимости (в процентах) брака, дружбы, совместной работы и предоставления гражданства для представителей рассмотренных этнических и субэтнических групп в армянском обществе вычисленные по базе данных в исследовании «Молодежь 2011», а в Таблице 3 – по базе данных исследования «Качество жизни 2015». Для облегчения целостного восприятия данных ячейки окрашены. Расшифровка тонов представлена в Таблица 1.

Таблица 1

Уровень приемлемости социального контакта по цветовым тонам

Table 1

Levels of acceptance of social contacts by color codes

Уровень приемлемости социального контакта	Диапазон шкалы
Очень высокая	80–100%
Высокая	60–80%
Средняя	40–60%
Низкая	20–40%
Очень низкая	0–20%

Таблица 2

Уровни приемлемости видов социальных контактов с различными этническими группами

Table 2

Levels of acceptance of different social contacts between ethnic groups

Социальная группа	Вид социального контакта			
	Брак	Дружба	Работа	Гражданство
Западные армяне	75,3%	88,1%	89,0%	88,3%
Русские	61,8%	90,4%	92,7%	79,2%
Армяне католики	60,7%	77,3%	79,3%	78,9%
Карабахские армяне	58,8%	77,7%	78,8%	74,9%
Иранские армяне	40,5%	65,7%	73,1%	66,7%
Немцы	51,0%	73,2%	79,1%	59,5%
Черные	24,8%	64,6%	70,2%	53,5%
Азербайджанские армяне	32,5%	51,9%	59,1%	55,8%
Армяне-сектанты	13,8%	26,4%	42,9%	40,9%
Армяне-мусульмане Турции	7,3%	24,9%	36,2%	22,4%
Турки	6,2%	23,4%	35,7%	10,9%
Мусульмане	5,0%	25,7%	38,5%	18,3%

Источник: «Молодежь, 2011».

Source: "Youth, 2011".

Таблица 3

Уровни приемлемости видов социальных контактов с различными этническими группами

Table 2

Levels of acceptance of different social contacts between ethnic groups

Социальная группа	Вид социального контакта		
	Брак	Дружба	Работа
Западные армяне	66,7%	82,5%	86,1%
Карабахские армяне	69,0%	79,1%	78,7%
Азербайджанские армяне	30,8%	46,9%	49,2%
Армяне-мусульмане Турции	8,7%	23,1%	27,4%

Источник: «Качество жизни 2015».

Source: "Quality of life 2015".

Заметим, что в Таблицах 2 и 3 уровни допустимости определенного вида социального контакта для представителей данной субэтнической группы армян достаточно близки, а в рамках ранговой шкалы – идентичны.

Брак. Допустимость брака члена своей семьи с представителем какой-либо этнической группы имеет особое значение. Брак – наименьшая возможная социальная дистанция, и он всегда был самым мощным фактором сближения этносов, этнических и других социальных групп.

Данные Таблицы 3 показывают, что приблизительно одна треть общества Армении считает недопустимым брак члена своей семьи с западным или карабахским армянином.

Данный результат означает, что в Армении эти субэтнические группы находятся в обособленном состоянии. Взаимоотношения с азербайджанскими армянами выглядят еще проблематичнее: брак члена своей семьи с представителем этой группы недопустимым считают 70% общества. Эта субэтническая группа практически исключена из армянского общества.

В контексте полученных результатов можно с уверенностью утверждать, что в 1988–1991 гг., когда многие армяне-беженцы из Азербайджана прибыли в Армению, из страны их выталкивали не только тяжелые экономические и социальные условия, но и социальное отторжение. Его усиливало движение за «защиту армянского языка». Сторонники движения требовали, чтобы все армяне обязательно разговаривали на армянском языке, делопроизводство на всех предприятиях и в госучреждениях велось только на армянском и чтобы все работники госучреждений знали армянский язык. Между тем азербайджанские армяне, особенно бакинские, учились в русскоязычных школах Азербайджана и плохо владели армянским языком.

В последние 10 лет в Армении периодически появляется дискурс о крипто-армянах Турции, которые приняли ислам, но сохранили свое армянское этническое самосознание. Пресса создает впечатление их многочисленности, однако надежные количественные данные отсутствуют. Латентное содержание публикаций состоит в том, что эти армяне составляют значительный ресурс для политики Армении по отношению к Турции и для решения исторических проблем Армении. Однако, с другой стороны, данные показывают, что армянское общество практически отторгает данный субэтнос. Брак с представителем группы считают недопустимым более 90% респондентов. Если предположить, что существует «значительная» численность криптоармян, то из результатов исследований следует, что отношения между этими ними и армянским обществом будут довольно проблематичными.

Тем не менее, так-как субэтническая группа криптоармян существует, то необходимо ее комплексно и углубленно изучать с использованием научных методов.

Другая важная проблема из числа связанных с социальными дистанциями находится в сфере политики. Речь идет об отношении к карабахским армянам, их роли в становлении Третьей армянской республики, и рассмотрения их как фактора, который определяет сегодняшние политические процессы в Армении.

В обществе Армении 30% считают недопустимым брак члена своей семьи с карабахским армянином. Для этого слоя населения карабахские армяне – «чужие». Уровень негативного отношения можно в некотором смысле интерпретировать как «антирейтинг» политического деятеля карабахского происхождения вне зависимости от его личных качеств. Такой «базисный» антирейтинг можно улучшить личными качествами и политической биографией деятеля. Отметим, что практически такой же антирейтинг имеют политические деятели западноармянского происхождения. Иными словами, субэтническая принадлежность политического деятеля в обществе Армении является серьезным политическим фактором.

Дружба, совместная работа. Из данных Таблицы 2 следует, что армянское общество довольно толерантно относится к дружбе и совместной работе с различными этносами и субэтническими группами армян. Исключение составляют турки, мусульмане и армяне-мусульмане Турции.

Допустимость предоставления гражданства. Шкала Богардуса предполагает, что социальная дистанция постепенно увеличивается в ряде социальных контактов – брак, дружба, соседство, совместная работа, предоставление гражданства своей страны, присутствие в стране только в качестве туриста и запрет на посещение страны. Следовательно, при прочих равных условиях из двух видов социальных контактов тот, который предполагает большую социальную дистанцию, получит согласие большего количества респондентов. В частности,

на предоставление гражданства представителю определенной этнической группы (например, турку) должны быть согласны больше респондентов, чем на готовность дружить с ним. Ведь, предоставляя гражданство представителю какой-либо этнической группы, респондент не берет на себя никаких обязательств. Возможно, такая логика естественна для США, страны иммигрантов, где была разработана шкала. На каком основании можно отказать в гражданстве представителю какой-либо этнической группы, если все они – приезжие?

Однако в армянском обществе дело обстоит иначе. Готовность предоставить гражданство страны (Армении) практически всем этническим группам и субэтническим группам армян ниже, чем готовность дружить или совместно работать. Данный феномен особенно ярко выражен для мусульман, турков и армян-мусульман Турции.

Следовательно, для армянского общества предоставление гражданства служит «вторым защитным кольцом» для сохранения национальной идентичности и всего того, что ассоциировано с ней. Очевидно, что «первое защитное кольцо» представляют собой запреты на брак. На важность учета этнических особенностей в вопросах интеграции различных этнических групп уже настаивают и европейские исследователи [Dimova 2016].

Структура социальных дистанций

Достаточное разнообразие этнических и субэтнических групп, по отношению к которым измерены социальные дистанции, позволяет вывести обобщающие факторы, определяющие их уровни. Факторный анализ 11 социальных дистанций показал, что их значения можно объяснить тремя факторами.

Ф1. «Фактор армянской этничности»,

Ф2. «Исламский фактор»,

Ф3. «Русский фактор».

Факторы можно интерпретировать как латентные мировоззренческие комплексы, которые обуславливают социальную дистанцию к той или иной группе. Расположения социальных дистанций в трехмерном факторном пространстве приведены на Диаграммах 3 А и Б. На диаграммах социальные дистанции с большими нагрузками на факторных осях представлены одинаковым цветом.

«**Ф1. Фактор армянской идентичности**» объединяет все субэтнические группы армян, кроме армян-мусульман Турции. Чем больше факторная нагрузка по этой оси (чем правее), тем больше «армянской идентичности» в данной субэтнической группе армян. На Диаграмме 3А видно, что факторные нагрузки по этой оси всех субэтнических групп армян, кроме армян-мусульман Турции, приблизительно одинаковы – чуть больше у западных армян, чуть меньше у карабахских армян. Примечательно, что ни одна из субэтнических групп армян не имеет очень высокую факторную нагрузку ($> 0,8$). Таким образом, хотя все эти субэтнические группы армян – безусловна армяне, каждая из них имеет «нечто», что делает их «неидеальными армянами». Что именно делает их «неидеальными армянами», проясняет второй фактор.

«**Ф2. Исламский фактор**» имеет очень большие нагрузки на социальные дистанции по отношению к мусульманам, туркам и мусульманам-армянам Турции. Отсюда первый вывод – в мировоззрении армянского общества армян-мусульман воспринимают не армянами, а мусульманами. Следовательно, если политизированный и идеологизированный дискурс в армянском информационном поле об исламизированных армянах имеет латентные смыслы, то, по крайней мере сегодня, в армянском обществе восприятие этих смыслов и их практическая реализация чрезвычайно проблематичны.

С другой стороны, расположение субэтнических групп армян по оси «Исламского фактора» частично проясняет причину уровней социальных дистанций к этим группам. Как правило, чем больше субэтническая группа армян [была] инкорпорирована в азербайджанское [исламское] общество, тем больше социальная дистанция по отношению к ней (см. Диаграмма 3А).

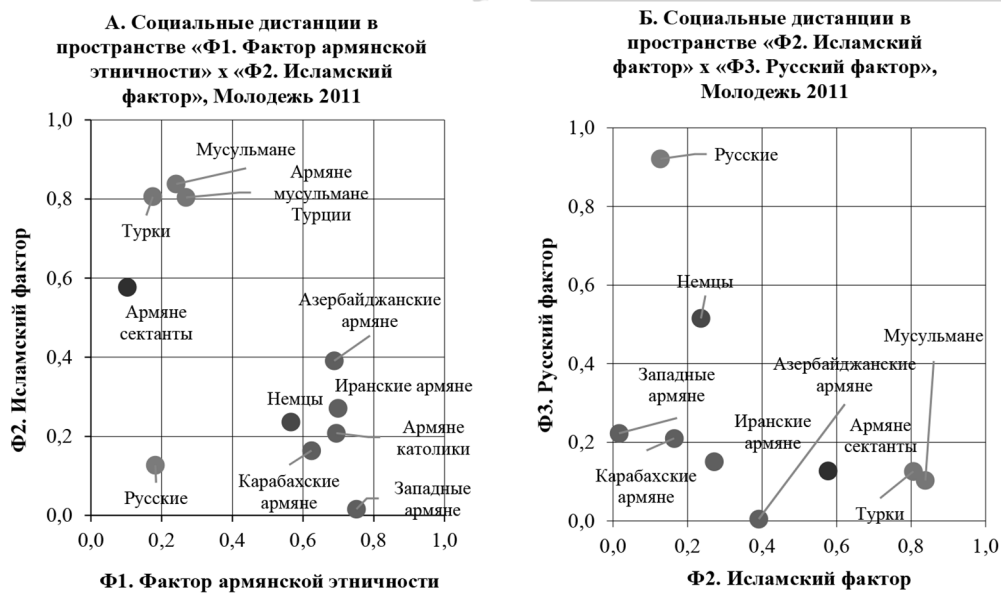

Диаграмма 3. Факторное пространство, определяющее социальные дистанции по отношению к этническим и субэтническим группам.

Figure 3. Factor space determining social distances in the relation to ethnic and sub-ethnic groups.

Источник: «Молодежь 2011».

Source: "Youth 2011".

«Ф3. Русский фактор». Социальная дистанция к русским не коррелирует с другими социальными дистанциями. В результате факторного анализа она проявилась как отдельный фактор. Такого результата следовало ожидать, так как при исследовании восприятия социальных дистанций армян по отношению к различным этносам всегда получался подобный результат [Kyureghyan, Manukyan 2010]. Если учитывать историю Армении, значение России в судьбе ее народа с 1805 г. и до сегодняшнего дня, Россия и русские в армянском обществе воспринимаются в качестве содержания этнической константы «покровитель» [Лурье 2004, 466].

Этническая группа «немцы» не содержится ни в одном из выделенных факторов выражено. Из ранних исследований социальных дистанций армян по отношению к различным этносам известно, что в мировоззрении армян существует «Европейский/Западный фактор» [Manukyan 2009], который в более широком контексте превращается в «Христианский фактор». Так как в исследовании «Молодежь 2011» немцы – единственный европейский этнос, неудивительно, что он не включается достаточно определенно ни в один фактор. Однако средние значения нагрузок немцев на оси «Фактор армянской этничности» и на «Русском факторе» указывают на влияние «европейского» или «христианского» факторов на расположение немцев в факторном пространстве.

Армяне-сектанты – исключенная из армянского общества группа. Социальная дистанция по отношению к ней очень большая – 0,690, браки с ними допустимы всего для 13,8% общества, социальная дистанция имеет значение выше среднего на факторной оси «мусульмане». Тем не менее, как показывают иные исследования, причина тому – вхождение в армянском мировоззрении «исламского фактора» в более общий фактор «Иноверцы».

Факторы, влияющие на изменение социальных дистанций. Здесь затрагивается вопрос о том, под влиянием каких факторов в обществе Армении могут изменяться социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян.

Влияние социально-демографических групп

- Социальные дистанции в постсоветских поколениях (рожденных после 1990 г.) имеют очень слабую, однако статистически значимую тенденцию роста, т.е. отдельные виды социальных контактов становятся менее допустимыми. Следовательно, общий фон интеграции нации очень медленно, но тем не менее ухудшается.

- Социальные дистанции значительно ниже в столице, чем в провинциальных городах, а в последних они ниже, чем в селах. Данная тенденция особенно заметна по отношению к азербайджанским армянам и армянам-мусульманам Турции.

- Социальные дистанции значительно ниже среди мужчин и среди лиц с высшим образованием. Влияние благосостояния не обнаружено.

Влияние компонента цивилизационной идентичности армян

На основе данных социологического исследования «Качество жизни 2015» эмпирическим путем изучена структура цивилизационной идентичности армянского общества. Она состоит из пяти компонентов – армянская, русская, советская, европейская и восточная. Для этих компонентов по шкале от нуля до десяти оценена их «характерность» для армянского общества. Полученные оценки, соответственно – 8,51; 4,64; 4,46; 3,04 и 2,12. «Характерность» этих идентичностей для армянского общества со временем меняется. Ослабевают армянская, советская и русская идентичности. Интенсивно усиливается европейская идентичность, очень слабо растет восточная идентичность.

«Характерности» цивилизационных идентичностей влияют на социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян. Усиление армянской и русской идентичностей увеличивают социальные дистанции, а усиление европейской и советской идентичностей – уменьшают. Это не случайно, так как и советская, и европейская идентичность являются наднациональными конструктами. Влияние изменения восточной идентичности не обнаружено.

Это означает, что усиление наднациональной идентичности (советская, европейская) снижает социальные дистанции, а усиление национальной идентичности (армянская, русская) – увеличивает.

Влияние консолидированности ядра национальной идентичности

На основе данных социологического исследования «Качество жизни 2015» построена модель национальной идентичности в армянском обществе. Модель построена на основе ответов на вопрос: «Для того, чтобы считать человека армянином, обязательно ли, чтобы он/она: 1. Считал себя армянином. 2. Отец был армянином. 3. Мать была армянкой. 4. Умел разговаривать на армянском языке. 5. Принадлежал к Армянской Апостольской Церкви. 6. считал Армению своей единственной родиной». Консолидированность ядра национальной идентичности представляет собой сумму положительных ответов на приведенные шесть вопросов.

Анализ данных показал, что рост консолидированности ядра национальной идентичности увеличивает социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян. Снижение консолидированности ядра национальной идентичности снижает социальные дистанции.

Таким образом, чем строже условия включения индивида в состав армянского общества, тем больше социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян и, следовательно, сложнее их интеграция в единое общество.

Влияние культурного контекста

В исследовании «Качество жизни 2015» построены Индекс погруженности индивида в классическую культуру и Индекс погруженности индивида в армянскую классическую культуру. Моделирование показало, что рост Индексов погруженности сокращают

социальные дистанции по отношению ко всем субэтническим группам армян. При этом влияние Индекса погруженности в классическую культуру сильнее, особенно в плане сокращения социальной дистанции по отношению к армянам-мусульманам Турции и азербайджанским армянам. Рост Индекса погруженности в армянскую классическую культуру сравнительно сильнее сокращает социальную дистанцию по отношению к западным армянам и карабахским армянам.

Влияние либеральной и традиционной систем ценностей

В исследовании «Качество жизни 2015» построен индекс, который отображает приверженность индивида к либеральным и традиционным ценностям. Высокие значения индекса означают приверженность либеральным ценностям, а низкие значения – приверженность традиционным ценностям. Исследование влияния индекса на социальные дистанции к субэтническим группам армян показало, что рост приверженности либеральным ценностям сокращает все социальные дистанции. Особенно сильно влияние на сокращение социальной дистанции по отношению к армянам-мусульманам Турции и к западным армянам.

Заключение

Полученные результаты показывают, что социальные дистанции по отношению к субэтническим группам армян в Армении порождают множество проблем. Вопрос сокращения социальных дистанций в армянском обществе многогранен, многомерен и амбивалентен. Негативные последствия сокращения проявляются во всех сферах жизнедеятельности государства и нации, в том числе в общественной, политической и экономической.

Практически одинаковые уровни социальных дистанций и паттерны социальных отношений, которые составляют социальную дистанцию во всех возрастных группах, указывают, что эти проблемы существовали по крайней мере с 1950-х гг., существуют сегодня и будут существовать достаточно долго.

Решение этой проблемы не может быть быстрым и легким. Оно, при наличии адекватной и целенаправленной образовательно-культурно-информационной политики государства, займет десятилетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Геворгян Г. А. (1992) Национальная культура с точки зрения философии истории. Е.: Издательство Академии Наук Армении.
- Григорьян, Каринэ Эрнестовна. (2002) Субэтнические группы армян: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.07. Москва, 2002. 187 с.
- Косовский М. (2018) Ассимиляция мировой еврейской диаспоры – терминальная болезнь без боли // «Заметки по еврейской истории». № 1 (205) (<http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer1-mkosovski/>).
- Криптоармяне в центре внимания турецких ученых (2007) Пер. Мелконян Р. Фонд Нораванк. 30.08.2007 (http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=3046).
- Лурье С.В. (2004) Историческая этнология: Учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус.
- Манукян С. А. (2017) Взаиморасположение армян и грузин в социальном пространстве. // «21-й век», Информационно-аналитический журнал, 2(31), 2014, С. 70–82.
- Манукян С. А. (2019) Динамика количества населения Армении в историческом контексте за 1827–2018. Центр Орбели.
- Медков В.М. (2004) Демография: Учебник. М.: Инфра-М. С. 576.

Мелконян Р. Проблема исламизированных армян в Турции. // «21-й ВЕК», № 1 (7), 2008 г., С. 88–103.

Сколько армян живет в Иране, оказавшемся на грани войны с США (2020). RUSAMINFO. 09.01.2020 (<https://rusarminfo.ru/2020/01/09/skolko-armyan-zhivet-v-irane-okazavshemsya-na-grani-voynu-s-ssha/>).

Словарь социолингвистических терминов (2006). Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук.

Adalian R.P. (2010). *Historical Dictionary of Armenia*. Scarecrow Press. P. 233.

Bogardus E. S. (1925) Measuring Social Distances // *Journal of Applied Sociology*, Vol. 9. P. 299–308.

Dimova L. (2016) At least three reasons why the ESS should measure ethnic identity. // 3rd ESS Conference. 13–15 July 2016 (https://www.europeansocialsurvey.org/docs/about/conference/DIMOVA_Why-ESS-should-measure-ethnicity-.pdf).

Hakobyan A. (2017) *Syriahayeri Hayastanum: hayrenadardzner, te paxstakanner (iravakan, mshakwutayin, u socialakan adaptacman himnaxndirner)* [Syrian-Armenians in Armenia. Repatriates or Refugees (Legal, Cultural and Social Adaptation Issues)]. Bats hasarakutyunneri himnadramner Hayastan.

Hakobyan G. (2017) *Hayastanum bnakvox syriahayeri yntaniqkneri etnimshakutayin arandznahatkutyunnery. / Ardi hay yntaniqy poxakerpvox hasarakutyunum*. [Ethnocultural features of Syrian-Armenian families living in Armenia / The modern Armenian family in a transforming society], Yerevan 2017.

Hayrenadardzneri integrman khndirneri hayreniqwum (Syriahayeri orinakov) (2020) [Problems of integration of repatriates in the homeland (following the example of Syrian-Armenians)].

Hayrenadardzutyun pordzy u integrumy Hajastanum: xochyndotner yev hnaravorutyunner. (2015) [The experience of repatriation and integration in Armenia. Obstacles and opportunities]. Yerevan.

Kyureghyan E., Manukyan S. (2010) Armenians, Georgians and Azerbaijanis at the Civilizational Crossroads: Searching for “Caucasian Identity” // *Bulletin of Yerevan University. Sociology, Economics*. 130(5), Pp. 20-25. (http://ysu.am/files/03E_Kyureghyan_S_Manukyan.pdf).

Manukyan S. (2009) *Comparative Mathematical Models of Ethno Cultural Processes in South Caucasus Societies*.

Manukyan S. (2019) *Hayastanum tsneliutyun bardzratsman shurj: Arzhehamakargayin dinamican yev erekhaneri pahanjmunke Hayastani hasarakutyunum* [On increasing the birth rate in Armenia: Value dynamics and the need for children in Armenian society] // *Hayastani sotsial-zhoghovrdagrakan vichaki barelavman himnakhndirnern u razmavarutyne*. Mijazgayin gitakan hamajoghov, 2-3 hoktemberi, 2019, Yerevan.

Manukyan S. A. (2011) *Hayastani eritasardutyun ashkharhajackayin hamalirneri HH razmavarakan zargacman khndirneri hamatextum* [The worldview complexes of the youth of Armenia in the context of the strategic development problems of the Republic of Armenia]. Verjnakan hashvetvutyun. 30 septemberi, 2011. Hetazotutyunn irakanacvel e IPSC – Qaxaqakan yev sociologiakan khorhrdatvutyunneri institute koxmic.

Manukyan S. A. (2020), Perceptions of social distances towards ethnic groups in Georgia. The 6th Annual CRRC Conference, 26-27 June, 2020.

Mkrtichyan A., Vermishyan H., Balasanyan S. (2016) *Independence Generation Armenia Youth Study 2016 – Armenia*. Friedich-Ebert-Stiftung. Yerevan (<https://library.fes.de/pdf-files/bueros/georgien/13149.pdf>).

Petrosyan A. (2017) *Hayots yntaetnik bayanman shurj (azgagrakan etude)* [On the subethnic division of Armenians (ethnographic etude)] // *Arevelagitutyun hartser (Gitakan hodvatsneri parberakan jekhovatsu)* №13, 2017. Yerevan, YEPH hratarakchutune, ej 398-407.

The Demographic Handbook of Armenia 2010, Statistical Committee of the Republic of Armenia, 2010.

The Demographic Handbook of Armenia 2020, Statistical Committee of the Republic of Armenia, 2020.

REFERENCES

Adalian R.P. (2010). *Historical Dictionary of Armenia*. Scarecrow Press. p. 233.

Bogardus E. S. (1925) Measuring Social Distances. *Journal of Applied Sociology*. vol. 9. pp. 299-308.

Dimova L. (2016) At least three reasons why the ESS should measure ethnic identity. 3rd ESS Conference. 13-15 July 2016 (https://www.europeansocialsurvey.org/docs/about/conference/DIMOVA_Why-ESS-should-measure-ethnicity-.pdf).

Gevorgyan G. A. (1992) *National culture from the point of view of the philosophy of history*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of Armenia, 1992.

Grigorian, K. E.. (2002) *Sub-ethnic groups of Armenians: dissertation ...* Candidate of Historical Sciences: 07.00.07. Moscow. 187 p.

Hakobyan A. (2017) *Syriahayery Hayastanum: hayrenadardzner, te paxstakanner (iravakan, mshakwutayin, u socialakan adaptacman himnaxndirner)* [Syrian-Armenians in Armenia. Repatriates or Refugees (Legal, Cultural and Social Adaptation Issues)], Bac hasarakutyunneri himnadramner Hayastan, 2017.

Hakobyan G. (2017) *Hayastanum bnakvox.syriahayeri yntaniqkneri etnimshakutayin arandznahatkutyunnery. / Ardi hay yntaniqy poxakerpvox hasarakutyunum*. [Ethnocultural features of Syrian-Armenian families living in Armenia / The modern Armenian family in a transforming society], Yerevan 2017.

Hayrenadardzneri integrman khndirneri hayreniqwum (Syriahayeri orinakov) (2020) [Problems of integration of repatriates in the homeland (following the example of Syrian-Armenians)].

Hayrenadardzutyanyan pordzy u integrumy Hajastanum: xochyndotner yev hnaravorutyunner. (2015) [The experience of repatriation and integration in Armenia. Obstacles and opportunities] Yerevan 2015.

Kosovskij M. (2018) Assimilyatsiya mirovoj evrejskoy diaspori – terminalnaya bolezn bez boli. [Assimilation of the world Jewish diaspora - terminal illness without pain] // *Zametki po evrejskoy istorii*. vol. 1 (205) (<http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer1-mkosovskiy/>).

Kriptoarmyane v centre vnimaniya tureckih uchonich (2007) [Crypto Armenians in the spotlight of Turkish scholars]. (2007) Translator: Melkonyan R. The Noravank Foundation. 30.08.2007 (http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=3046).

Kyureghyan E., Manukyan S. (2010) Armenians, Georgians and Azerbaijanis at the Civilizational Crossroads: Searching for “Caucasian Identity”. *Bulletin of Yerevan University. Sociology, Economics*, vol. 130.5, pp. 20-25. (http://ysu.am/files/03E_Kyureghyan_S_Manukyan.pdf).

Lurye S. V. (2004) *Istori`eskaya etnologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov*. [Historical Ethnology: Textbook for Universities] Moscow: Akademicheskiiy Proyekt: Gaudeamus, 624 s.

Manukyan S. (2009) *Comparative Mathematical Models of Ethno Cultural Processes in South Caucasus Societies*.

Manukyan S. (2017) Vzaimopolozhenie armyan i gruzin v socialnom prostranstve [The relationship between Armenians and Georgians in the social space]. *21-iy vek, Informatsionno-analiticheskiy jurnal*. vol. 2(31). pp. 70-82.

Manukyan S. (2019) *Hayastanum tsneliutyanyan bardzratsman shurj: Arzhehamakargayin dinamican yev erekhaneri pahanjmunke Hayastani hasarakutyunum* [On increasing the birth rate in Armenia: Value dynamics and the need for children in Armenian society] // "Hayastani sotsial-zhoghovrdagrakan vichaki barelavman himnakhndirnern u razmavarutyne " Mijazgayin gitakan hamajoghov, 2-3 hoktemberi, 2019, Yerevan.

Manukyan S. A. (2011) *Hayastani eritasardutyanyan ashkharhajackayin hamalirneri HH razmavarakan zargacman khndirneri hamatextum* [The worldview complexes of the youth of Armenia in the context of the strategic development problems of the Republic of Armenia]. Verjnakan hashvetvutyun. 30 septemberi, 2011. Hetazotutyunn irakanacvel e IPSC - Qaxaqakan yev sociologiakan khorhrdatvutyunneri institute koxmich.

Manukyan S. A. (2019-2) *Dynamica kolichestva naseleniya Armenii v istoricheskom kontexte za 1827-2018* [Population dynamics in Armenia in the historical context for 1827-2018]. Orbeli Center, 2019.

Manukyan S. A. (2020). *Perceptions of social distances towards ethnic groups in Georgia*. The 6th Annual CRRC Conference, 26-27 June, 2020.

Medkov V.M. (2004) *Demografpiya: Uchebник* [Demography: the Textbook]. Moscow: Infra-M, 2004. - 576 p.

Melkonyan R. (2008) Problema islamizirovannykh armyan v Turcii [The problem of Islamized Armenians in Turkey]. // *"21st CENTURY"*, vol. 1 (7), pp. 88-103.

Mkrtichyan A., Vermishyan H., Balasanyan S. (2016) *Independence Generation Armenia 2016*. Yerevan (<https://library.fes.de/pdf-files/bueros/georgien/13149.pdf>).

Petrosyan A. (2017) Hayots yentaetnik bayanman shurj (azgagrakan etude) [On the subethnic division of Armenians (ethnographic etude)]. *Arevelagitutyanyan hartser (Gitakan hodvatsneri parberakan jokhovatsu)* vol. 13. Yerevan, YEPH hratarakhtune, pp. 398-407.

Skolko armyan zhivyot v Irane, okazavshemsya na grani vojsni s SSHA (2020) [How many Armenians live in Iran, which is on the brink of war with the United States]. *RUSARMINFO*. 09.01.2020 (<https://rusarminfo.ru/2020/01/09/skolko-armyan-zhivet-v-irane-okazavshemsya-na-grani-vojny-s-ssha/>).

Slovar sociolingvisticeskikh terminov (2006) [Dictionary of sociolinguistic terms]. Ed. V.Y. Mikhalchenko. M.: Rossiyskaya Akademiya Nauk. Institute Yazikoznaniya. Rossiyskaya Akademiya Lingvisticeskikh Nauk.

The Demographic Handbook of Armenia 2010. Statistical Committee of the Republic of Armenia, 2010.

The Demographic Handbook of Armenia 2020. Statistical Committee of the Republic of Armenia, 2020.

Об авторе

Манукян Самвел Аршалуйсович, кандидат социологических наук. Адрес: Республика Армения, Ереван, 0048, Квартал «Норашен», д. 41, кв. 27. E-mail: samvelmanukyana@gmail.com

About the author

Samvel A. Manukyan, PhD (Sociology) Address: Republic of Armenia, Yerevan, 0048, District Norashen, Building 41, #27. E-mail: samvelmanukyana@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 29.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 01.06.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 08.06.2021

DOI: 10.31857/S086904990015421-5

Оригинальная статья / Original Article

Армения в условиях начального этапа римско-персидского противостояния (227–338 гг.)

© В.А. ДМИТРИЕВ

ДМИТРИЕВ Владимир Алексеевич, Псковский государственный университет (Псков, Россия), dva_psk@mail.ru

Территория Армянского нагорья с глубокой древности представляла собой контактную зону, которая привлекала внимание соседних держав из-за своего крайне выгодного геополитического положения. В эпоху Поздней античности борьбу за контроль над Арменией поэтапно вели две мировые державы – сначала Рим и Парфия, а позже (и активнее всего) – Римская империя и сасанидский Иран. Положение Армении резко ухудшилось после 227 г., когда на смену ослабленному войнами с Римом Парфянскому царству пришла Персидская держава Сасанидов. Между тем в существующей историографии основное внимание уделяют военно-политическим событиям IV века, финалом которых стал раздел Армянского государства между Римом и Ираном в 387 г. В связи с этим цель данной работы – определить место и роль Армении в контексте борьбы Рима и Ирана за гегемонию в Передней Азии на протяжении первого столетия существования Сасанидской державы, а именно – с ее возникновения (227 г.) до истечения срока действия заключенного в 298 г. Первого Нисибисского договора (338 г.). Проведенное исследование показывает, что на протяжении изучаемого периода римско-персидско-армянские отношения представляли собой весьма динамично меняющуюся систему, в истории которой довольно четко прослеживается три этапа: 1) 227–252 гг.; 2) 252–298 гг.; 3) 298–338 гг. Первый этап характеризуется постепенным усилением позиций Ирана на Ближнем Востоке в целом и на Южном Кавказе в частности, что привело к завоеванию персами Армении и включению ее в состав сасанидского Ирана (252 г.). Вторым этапом стало постепенное восстановление армянской государственности, чему в немалой степени способствовала, с одной стороны, поддержка со стороны Римской империи, к концу III в. преодолевшей кризис и стремившейся возродить прежнее могущество, а с другой – внутренняя нестабильность в царстве Сасанидов, последовавшая за смертью шаханшаха Ормизда I (272–273 гг.). Характерными чертами третьего этапа (298–338 гг.) стало дальнейшее сближение Рима и Армении, усиление в Армении римского влияния и постепенное нарастание римско-персидских противоречий по вопросу о контроле над Армянским царством, что привело обе державы к возобновлению полномасштабного вооруженного противостояния.

Ключевые слова: Армянское царство, сасанидский Иран, Римская империя, римско-персидские войны, Поздняя античность, международные отношения, военная история.

Для цитирования: Дмитриев В.А. (2021) Армения в условиях начального этапа римско-персидского противостояния (227–338 гг.) // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 121–135. DOI: 10.31857/S086904990015421-5

Armenia in the Context of the Initial Stage of the Roman-Persian Confrontation (227–338 AD)

© V. DMITRIEV

Vladimir A. Dmitriev, Pskov State University (Pskov, Russia). E-mail: dva_psk@mail.ru

Abstract. Since ancient times, the territory of the Armenian Highlands was attracting attention of the neighboring powers due to its extremely advantageous geopolitical position. In the Late Antiquity period the struggle for control over Armenia was gradually waged between two world powers – first Rome and Parthia, and later (and most actively) – between the Roman Empire and Sassanian Iran. Armenia's position worsened sharply after 227, when the Parthian kingdom, weakened by the wars with Rome, was replaced by the powerful Sasanian Persia. Meanwhile, in the existing historiography attention is mostly directed towards the military-political events of the 4th century, which resulted in the division of the Armenian kingdom between Rome and Iran in 387. In this regard, the purpose of this work is to determine the place and role of Armenia in the context of the struggle between Rome and Iran for hegemony in the Near East during the first century of the existence of the Sasanian power, namely, from the moment of her emergence (227) until the expiration of the First Treaty of Nisibis in 298 (338). Our study shows that during this period Roman-Persian-Armenian relations were a very dynamically changing system. Evolution of the said system can be divided into three stages: 1) 227–252 AD; 2) 252–298 AD; 3) 298–338 AD. The first stage is characterized by a gradual strengthening of Iran's positions in the Middle East in general and in the South Caucasus in particular, which led to the conquest of Armenia by the Persians and her integration into Sasanian Iran (252). In the second stage the Armenian statehood was gradually restoring, which was largely facilitated, on the one hand, by the support from the Roman Empire overcoming the crisis by the end of the 3rd century AD and striving for the revival of the former power, and on the other – internal instability in the kingdom of the Sasanids after the death of Shahanshah Hormizd I (272–273). The third stage (298–338) can be defined by the rapprochement between Rome and Great Armenia, the strengthening of Roman influence in Armenia and the gradual growth of Roman-Persian contradictions over the control of the Great Armenian kingdom, which resulted in an open confrontation in 337–338 AD.

Keywords: Armenian kingdom, Sasanian Iran, Roman Empire, Roman-Persian wars, Late Antiquity, international relations, military history.

Citation: Dmitriev A. (2021) Armenia in the Context of the Initial Stage of the Roman-Persian Confrontation (227–338 AD). *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 121–135. DOI: 10.31857/S086904990015421-5 (In Russ.)

Недавнее обострение карабахского конфликта, в который оказались вовлечены многие международные акторы [Айвазян 2020; Гегелашвили 2020; Маслакова-Клауберг, Садыкова 2020], в очередной раз напомнило о том, что Южный Кавказ в целом и Армения в частности – это место на политической карте мира, в котором пересекаются интересы целого ряда глобальных и региональных игроков.

Следует иметь в виду, что столь важное геополитическое значение Армения и сопредельные территории приобрели не в недавнем прошлом, а еще в глубокой древности. Уже во второй половине II тыс. до н.э. правители Ассирийской державы совершали неоднократные походы на территорию Армянского нагорья, где в ту эпоху начиналось формирование государства Урарту [Пиотровский 1959, 43–45]. Затем, на протяжении более тысячи лет, названия «Урарту» и (с VI в. до н.э.) «Армения» регулярно появляются в источниках при описании бесконечных войн и походов, которыми в указанный период (как, впрочем, и позже) изобиловала история Ближнего Востока.

Могущественных соседей эти территории привлекали прежде всего тем, что здесь с древнейших времен располагались богатые города и процветающие сельские поселе-

ния. На рубеже XII–XI вв. до н.э. ассирийский царь Тиглатпаласар I составил надпись о своих успешных вторжениях в Урарту, в которой говорится о захваченных в качестве добычи огромных стадах домашнего скота [Дьяконов 1951, 273]. Данные ассирийской эпиграфики подтверждаются более поздними сведениями античных авторов. Так, Геродот (V в. до н.э.) спустя шесть столетий отмечал, что армяне «богаты скотом» [Herod. V.49], а Ксенофонт (V–IV вв. до н.э.) называет Армению «страной обширной и богатой» [Xen. Anab. V.5. 25–34].

Роль Армении¹ в международных отношениях значительно усилилась в I в. до н.э., когда вплотную к ее границам приблизились владения двух ведущих держав Средиземноморско-переднеазиатского региона того времени – Рима и Парфии. В ходе продолжавшихся три последующих столетия римско-парфянских войн обе стороны систематически пытались установить свой контроль над Арменией. Армянские правители были вынуждены постоянно лавировать между могущественными соседями, чтобы обезопасить свою страну и свой народ от чужеземной опасности, которая грозила как с запада, так и с востока.

Притягательность Армении для обеих империй обуславливалась целым комплексом конкретно-исторических факторов – помимо упомянутых выше общих моментов. Прежде всего, речь идет о чрезвычайно выгодном географическом положении страны, которая в этом смысле служила связующим мостом между Ираном, с одной стороны, и Передней Азией, где находились римские владения, – с другой. С этим была связана значимость и военно-стратегического положения Армении, так как через ее территорию проходили важные и удобные для перемещения больших масс людей коммуникации. Используя их, стороны могли совершать военные вторжения на территорию противника².

Значимость Армении для Рима и Парфии была продиктована и чисто военным фактором. Как римляне, так и парфяне стремились использовать в своих интересах армянские войска и особенно армянскую конницу. Она считалась одной из лучших кавалерий своего времени [Кудрявцев 1956, 767].

С приходом к власти в Иране в 227 г.³ новой персидской династии Сасанидов, первые внешнеполитические шаги которой носили ярко выраженный агрессивный характер, международное положение Армении стало еще более сложным. Римско-персидские отношения на протяжении III и большей части IV вв., вплоть до фактического раздела Армении между Римом и Ираном в 387 г., во многом определялась «армянским» фактором. Данная тенденция связана с тем, что каждая из противоборствовавших держав стремилась включить Армению в свою сферу влияния и заставить ее проводить соответствующую внешнюю политику. В историографии основное внимание уделяется связанным с Арменией и хорошо освещенным в источниках военно-политическим событиям IV в., прямым следствием которых и стала ликвидация армянской государственности. Между тем драматические события III – начала IV вв., которые были прологом к ожесточенной борьбе великих держав за Армению в IV в., не нашли должного отражения в трудах специалистов. В связи с данной особенностью цель настоящей работы – определить место и роль Армении

¹ В данной статье мы намеренно избегаем применения наименования «Великая Армения» в отношении Древнеармянского государства, поскольку данное обозначение имеет скорее публицистический, нежели научный характер. В настоящее время оно остается предметом ожесточенных дискуссий между националистически настроенными армянскими исследователями и их оппонентами из числа прежде всего представителей Азербайджана. Кроме того, в научно-историческом обороте прочно закрепилось обозначение Древней Армении именно как «Армении», а не «Великой Армении», что нашло отражение, например, в трехтомной «Истории Древнего мира» [Неронова 1989, 275–294], шеститомной «Истории Востока» [Рыбаков 2002, 530–542], шеститомной «Всемирной истории» [Чубарьян 2012, 106–115] и других академических изданиях.

² Аврелий Виктор, сообщая о событиях конца III в., прямо говорит о том, что через Армению лежал «единственный и более легкий путь к победе» над персами [Aug. Vict. De Caes. XXXIX.34].

³ Здесь и далее все даты – н.э.

в контексте борьбы Рима и Ирана за гегемонию в Передней Азии на протяжении первого столетия существования Сасанидской державы, а именно – с ее возникновения (227 г.) до истечения срока действия заключенного в 298 г. Первого Нисибисского договора (338 г.).

Возникновение Сасанидской державы: начало римско-персидского конфликта за Армению и смежные страны (227–252)

Отмеченные выше факторы, которые обусловили интерес к Армянскому государству со стороны Рима и Парфии, не только сохранялись, но и усугублялись в сасанидскую эпоху. Прежде всего, это было связано с тем, что в начале IV в. государственной религией Армении стало христианство, и антиармянская направленность внешней политики исповедовавшего зороастризм сасанидского Ирана стала еще заметней. Государственно-религиозная система данного государства отличалась крайней нетерпимостью к представителям иных конфессий⁴. После того, как был издан Медиоланский эдикт (313 г.), а христианство приобрело в Римской империи статус *religia licita*, Сасаниды стали воспринимать Армянское царство как союзника Рима, что не могло не повлечь за собой очередную эскалацию напряженности вокруг Армении.

Определенную роль в изменении геополитического положения Армении, которое произошло вследствие появления на месте Парфянского царства могущественной Сасанидской державы, сыграл и династический фактор. Начиная с I в., на армянском престоле находились члены одной из ветвей рода Аршакидов – того же, представители которого правили и в Парфии. В связи с данным фактом взаимоотношения Парфянского и Армянского царств были если не исключительно добрососедскими, то, по крайней мере, не однозначно антагонистическими. Утвердившаяся же в Иране в начале III в. персидская династия Сасанидов крайне враждебно относилась к своим предшественникам. Враждебность отчасти была перенесена и на родственников свергнутых персами парфянских царей – армянских Аршакидов (Аршакуни) [Тревер 1959, 173]. Следует отметить, что неприязнь персидских Сасанидов в отношении армянских Аршакидов не была неким предубеждением, но имела под собой вполне конкретные основания. Как сообщает Дион Кассий, после победы над последним аршакидским правителем Артабаном V (216–224 гг.) и установления контроля над большей частью владений, ранее принадлежавших парфянским царям, основатель империи Сасанидов Ардашир I Папакан (227–242 гг.) «устремился в Армению». Там ему, однако, «дали отпор некоторые мидийцы и сыновья Артабана, так что одни рассказывают, что он бежал, а другие – что отступил, дабы собрать более многочисленное войско» [Cass. Dio. LXXX.3.3]. Таким образом, отношения между персами и армянами с первых же шагов приобрели конфронтационный характер, и во многом из-за того, что армянские цари поддерживали родственную им парфянскую династию, которая была свергнута Ардаширом I и нашла прибежище в Армении.

Говоря о событиях начального этапа борьбы Рима и Ирана за контроль над Арменией, следует отметить, что здесь много неясного. Так, из сообщения «отца армянской историографии» Мовсеса Хоренаци (V в.) можно сделать вывод, что уже при Ардашире I Сасаниды оккупировали Армянское царство и включили его в состав своей державы: «...Объявив письменным указом нашу страну своей данницей, [Ардашир] полностью закрепляет ее за собой... И владел он нашей страной как одной из своих провинций, через посредство персидских управителей в течение двадцати шести лет, а вслед за ним – его сын, названный Шапухом, что означает царский сын, в течение одного года» [Мовсес Хоренаци. II.77].

⁴ Эта черта еще более усилилась на рубеже III–IV вв., в период деятельности Кердира – верховного жреца сасанидского Ирана; см.: [Duchesne-Guillemin 1983, 878–885; Фрай 2002, 299–303; Дмитриев 2019, 89–91].

Однако из других источников (прежде всего, античных) следует, что временная ликвидация независимости Армении и превращение ее в провинцию сасанидского Ирана произошло несколько позже, в царствование Шапура I (242–272 гг.) (см. ниже). Очевидно, что в данном случае Хоренаци допустил хронологическую ошибку, отнеся события, произошедшие при Шапуре, к правлению его отца, Ардашира Папакана. Кроме того, армянский историк перепутал не только Ардашира I с Шапуром I, но и Шапура I с Ормиздом I, поскольку «в течение одного года» правил не Шапур I, царствование которого длилось 30 лет, а его сын Ормизд I (272–273 гг.).

В ближайшие десятилетия события вокруг Армении развивались не в пользу Рима. После неудачного для римлян вторжения в Персию (244 г.) римский император Филипп Араб (244–249) и Шапур I заключили мирный договор, в соответствии с которым Рим, кроме прочего, соглашался на переход Армянского царства под контроль Ирана [Euaqr. Hist. Eccl. V.7⁵; Zonar. XII.19]. Судя по всему, влияние Ирана распространилось и на соседние с Арменией Иберию и Албанию [Toumanoff 1969a, 18]⁶.

Вскоре после заключения договора в 244 г. правивший в западной части Армении царь Хосров II развернул активную антиперсидскую деятельность [Агатангелос, 21–23]. Он понимал, что силы армян и персов не равны, и обратился за помощью к Риму. Как пишет Мовсес Хоренаци, «по причине смут, возникших в империи, Филипп не мог найти для римских легионов досуга и послать их на помощь Хосрову; но он помог ему грамотой, приказав всем провинциям ему содействовать. Получив такое повеление, спешат к нему на помощь из Египта и из пустыни до берегов Понта. С таким множеством войска Хосров идет на Ардашира⁷, дает ему сражение, обращает в бегство и отнимает у него Ассирию и другие страны с царским местопребыванием» [Мовсес Хоренаци. II.72]. Таким образом, Рим вмешался в ситуацию в Армении, явно нарушив условия соглашения, подписанного несколькими годами ранее. Вероятно, именно это имел в виду Шапур I, предваряя пассаж, посвященный победоносной кампании против римлян, фразой: «И Цезарь вновь солгал и причинил зло Армении» [ŠKZ. Parth. 4; Gr. 10].

От персидского завоевания Армении к восстановлению армянской государственности (252–298 гг.)

В историографии нет единого мнения о хронологии данных событий. Связано это, прежде всего, с тем, что данные армянских авторов очень противоречивы, а потому не позволяют сколько-нибудь уверенно датировать гибель Хосрова и вторжение персов

⁵ Это сообщение Евагрия несколько противоречиво. С одной стороны, он говорит об утрате римлянами при Филиппе Арабе влияния только в Персармении. Так в VI в., когда жил Евагрий, называли восточную (большую) часть бывшего Армянского царства, отошедшую к Ирану по договору 387 г. С другой стороны, он тут же утверждает, что раньше Персармения называлась Армений, в то время как в действительности в состав последней, помимо Персармении, входили и западные (в годы жизни Евагрия принадлежавшие Византии) армянские земли. Таким образом, из слов Евагрия не совсем ясно, в какой части Армении по договору 244 г. Иран получил свободу действий: только в Восточной Армении (будущей Персармении) или на всей территории Армении. В существующей историографии встречаются обе точки зрения, однако представляется, что в 244 г. под контроль Сасанидов перешла только восточная часть Армении (см. также: [Луконин 1969, 55; Peachin 1991, 341–342]).

⁶ Впрочем, если персидский протекторат над Иберией и Албанией был установлен и не в результате подписания договора между Филиппом Арабом и Шапуром I, то это произошло в ближайшее время. По сообщениям поздних грузинских источников (в частности, Леонтия Мровели (XI в.) [Leon. Mrov., 43]), Иберия во второй половине III в. выступала как союзник Ирана и противник Армении и Рима. В трехязычной (составленной на древнегреческом, пехлеви и среднеперсидском языках) надписи Шапура I на Каабе Зороастра (далее – ŠKZ), знаменитом памятнике сасанидской эпиграфики из окрестностей Персеполя, датированном 262 г., Иберия и Албания упоминаются уже как шахры (провинции либо зависимые территории) Сасанидской державы [ŠKZ. Parth. 1–2; Gr. 3].

⁷ Так в источнике; на самом деле это мог быть только Шапур I.

в Армению. Наименее спорной представляется точка зрения В. Г. Лукониной, по мнению которого нападение Хосрова II на Персию может быть отнесено к 249 г. [Луконина 1987, 221], поскольку в это время, если верить Мовсесу Хоренаци, еще был жив Филипп Араб.

Ответное вторжение персов в Армению следует отнести к периоду не позднее правления в Риме Требониана Галла (251–253 гг.), на что прямо указывает Зонара [Zonar. XII.21]. Важно учесть, что императором Требониан Галл стал во второй половине 251 г., и что персы начали кампанию против Армении в этом году, поскольку осенью и зимой боевые действия в Древности и Средневековье обычно не вели. Остаются две возможные даты нападения персов на Армению – 252 и 253 гг., причем на этот же период приходится и начало новой войны с Римом (которая, как было отмечено выше, началась до вступления на трон императора Валериана (осень 253 г.)). Нужно иметь в виду, что на одновременный удар по Армении и Риму Шапур I вряд ли бы решился, поскольку ведение войны на два фронта было бы крайне опрометчивым шагом для такого грамотного стратега. Из всего сказанного следует, что вторжение Шапура в Армению следует отнести к 252 г., а начало боевых действий против Рима – к 253 г.⁸ Отчасти указанная датировка начала войны с Римом подтверждается сообщениями Табари и «Хрониками Сирта», согласно которым в римские владения Шапур I вторгся на 11-ом году своего правления [Tabari. 826; Chron. Seert. 2], то есть в 252 или 253 гг. Что же касается гибели армянского царя, то ее нужно датировать 250-м или, что наиболее вероятно, 251 г., поскольку, если верить армянским историкам, ко времени нападения персов на Армению Хосров был уже мертв.

Таким образом, в 252 г. Армянское царство подверглось персидскому вторжению и оккупации. В результате в надписи Шапура I на Каабе Зороастра мы обнаруживаем титул «великий царь Армении» (ср.-перс. *vuzurg šāh arminān*), которого удостоился один из сыновей Шапура I, будущий шаханшах Ормизд-Ардашир [ŠKZ. MP. 23, 25; Parth. 18, 20; Gr. 40–41, 48]. Он, в отличие от правителей других «царств», входивших в состав сасанидского Ирана или зависимых от него, именовался не просто царем, а великим царем. Судя по данному факту, Армения в границах Сасанидской державы пользовалась привилегированным статусом. Вскоре после вторжения в Армению воздвигли зороастрийский храм огня, в котором должно было «поддерживаться неугасимым» «пламя Ормузда» [Мовсес Хоренаци. II.77]⁹ [Choksy 2007, 253]. Вероятно, речь в данном случае идет об одном из упомянутых в ŠKZ «огней Варахрана» (ср.-перс. *ādur varhrām*), посвященному, как говорится в той же надписи, Ормизду и названному здесь «огонь Хосров-Ормазд-Ардашир» (ср.-перс. *ādur-ē husraw-ohrmazd-ardašēr*) [ŠKZ. MP. 23]. Очевидно, что учреждение персами в оккупированных армянских землях царского храма огня имело скорее идеологическое, нежели религиозное значение. Данный шаг был исполнен для того, чтобы продемонстрировать прочность власти Сасанидов в Армении.

В 272–273 гг. Ормизд занимал сасанидский трон, и мы не знаем, кто был персидским наместником в армянских землях на протяжении этого периода. После смерти Ормузда I престол перешел сначала к его брату Варахрану I (273–276 гг.), а затем к сыну и внуку Варахрана I – Варахрану II (276–293 гг.) и Варахрану III (293 г.) соответственно. В течение всего этого двадцатилетия Армянским наместничеством управлял Нарсе – сын Шапура I и брат Варахрана I. В 293 г. Нарсе отстранил от власти своего внучатого племянника, юного Варахрана III, и вступил на трон.

С воцарением Нарсе связаны события, имеющие самое непосредственное отношение к Армении. Дело в том, что в надписи Нарсе из Пайкули (NPi), составленной вскоре после победы над Варахраном III, в ряду монархов, поздравивших Нарсе с восшествием на престол, встречается имя «Тирдата царя» (*Tirdāt šāh*) (NPi. 92). Совершенно ясно, что речь

⁸ О хронологии событий см. также: [Мехмадиев 2015, 112; Мехмадиев 2020, т. 1, 134, 227].

⁹ Мовсес Хоренаци ошибочно относит это событие к правлению Ардашира Папакана.

в данном случае идет о царе Армении Трдате (Тиридате) III (287–330 гг.). Исходя из этого, можно заключить, что в 293 г., одновременно с приходом к власти Нарсе (до того, напомним, наместника Армении¹⁰) главой Армении стал Трдат III – но уже в качестве суверенного правителя. Иными словами, Трдат занял место покинувшего Армению Нарсе. Однако, согласно армянским источникам, Трдат стал царем за несколько лет до этого – на третьем году правления римского императора Диоклетиана (284–305 гг.) [Мовсес Хоренаци. II.82], т.е., вероятнее всего, в 287 г. В таком случае возникает, казалось бы, парадоксальная ситуация: с 287 по 293 гг. Арменией одновременно управляли два человека – царь Трдат и сасанидский наместник Нарсе. Однако эту проблему можно легко решить, если предположить, что с 287 по 293 гг. Трдат являлся лишь «титularным» царем, которого формально признавала часть армянской знати и/или Рим. Либо, что вероятнее всего, он был царем и *de jure* и *de facto*, но управлял не всей Арменией, а только небольшой (вероятно, западной, непосредственно примыкающей к римской границе) ее частью.

Упоминание о Трдате как о царе в надписи Нарсе из Пайкули означает, что с 293 г. и сасанидский Иран официально признавал его в качестве суверена Армении. Скорее всего, такие подвижки стали следствием участия Трдата в конфликте между Варахраном III Нарсе на стороне последнего [Potter 2004, 292]. Тем не менее, было бы преждевременным датировать превращение Трдата в полновластного армянского царя 293 годом. Как мы увидим чуть ниже, переход всей Армении под контроль Трдата должен быть отнесен к несколько более позднему времени, а именно к 298 или 299 г. Отправка Трдатом послов ко двору Нарсе и его поздравления в адрес шаханшаха, очевидно, были продиктованы политическими соображениями. Армянский царь хотел укрепить свою власть и выстроить добрососедские отношения с новым сасанидским правителем, чтобы избежать каких-либо антиармянских шагов с персидской стороны¹¹.

Одной из первоочередных задач шаханшаха Нарсе стала борьба с окрепшей за годы правления Диоклетиана Римской империей. Столкновение держав было лишь вопросом времени. Инициатором новой римско-персидской войны формально стал Нарсе, однако столь решительные шаги персов спровоцировали сами римляне, которые в нарушение условий римско-персидского договора 244 г. регулярно вмешивались в армянские дела и рассматривали Армянское царство как плацдарм для возможного вторжения в Иран. Косвенное подтверждение приводят армянские авторы. Так, историк V в. Агатангелос пишет, что Диоклетиан¹² «премного возвеличил Трдата, одарил его великими милостями, возложил на его голову корону и почтил багряными хламидами. И [император] отдал ему, принявшему облик императора, вознесенному великолепием императорских украшений, большое вспомогательное войско и отправил в его собственную страну Армению... Вступив на армянскую землю, царь нашел здесь большое персидское войско, которое захватило, подчинило себе страну. Многих он истребил, и многих, обратив в бегство, отбросил в Персию. И он овладел принадлежавшим ему по наследству царством и укрепился на его границах» [Агатангелос, 46–47]. Согласно Павстосу Бузанду, армянский царь¹³ «возлагал надежды на императора и на его войска и намеревался отнять персидское царство у рода Сасана, говоря, что «это государство принадлежало нам и нашим отцам» [Павстос Бузанд. III.20].

¹⁰ Согласно надписи из Пайкули, до воцарения в Ктесифоне Нарсе носил титул «царя Армении» (*šāh arminān*), однако ряд специалистов полагает, что титул Нарсе в его бытность наместником Армении звучал как «великий царь Армении» (*vuzurg šāh arminān*), как и в случае с его старшим братом Ормиздом-Ардаширом (см., напр.: [Weber 2016]).

¹¹ К. Л. Туманов предлагает другой, более сложный и, на наш взгляд, содержащий слишком много натяжек вариант решения вопроса о хронологии событий, связанных с правлением Тиридата III и персидско-армянскими отношениями на рубеже 280-х – 290-х гг. (см.: [Toumanoff 1969°, 233–281]).

¹² У Агатангелоса он ошибочно назван Лицинием (308–324 гг.).

¹³ В данном случае Павстос Бузанд имеет в виду царя Тирана (338–350 гг.), что является очевидным анахронизмом применительно к событиям конца III в., и речь в данном случае, несомненно, идет о Трдате III.

Из всего вышесказанного становится понятным, почему свой первый удар в 296 г. персы обрушили именно на Армению. Сообщение о персидском вторжении содержится у Аммиана Марцеллина, который попутно отмечает, что Армения «находилась в зависимости от Рима» (*Romano iuri obnoxia*) [Amm. Marc. XXIII.5.11]¹⁴, а также у византийских авторов Феофана Исповедника [Theoph. A.M. 5793] и Зонары [Zonar. XII.31], согласно которым персидскому вторжению подверглась не только Армения, но и Сирия. Эпично описывает нашествие персов на Армению Павстос Бузанд: «Со стороны востока двинулся сам персидский царь Нерсех, имея намерение захватить, сжечь, разорить и опустошить армянскую страну и завоевать ее со всеми пределами. Он двинулся со всеми своими войсками, со всем имуществом, с большим караваном, с множеством слонов, с огромным количеством припасов, с главным гаремным шатром, со всеми женами и с царицей цариц; прибыв, он вторгся в пределы Армении и занял всю страну» [Павстос Бузанд. III.21].

Организацией обороны восточных провинций Империи от персидского вторжения занимался соправитель Диоклетиана цезарь Галерий. Решающее сражение между войсками римлян и персов произошло летом 297 г.¹⁵ между городами Каллиник (Никефорий) и Карры [Eutrop. IX.24; Oros. VII.25.4¹⁶; Theoph. A.M. 5793]. Победа персов была полной. Ошеломленный неудачей цезарь Галерий был вынужден спасать свою жизнь бегством¹⁷. Основными причинами поражения римлян античные авторы считают значительное численное превосходство персидской армии и неосмотрительность цезаря, слишком поспешно вступившего в бой без должной подготовки [Eutrop. IX.24; Fest. 25].

Диоклетиан крайне холодно встретил Галерия. По словам римских историков, цезарь подвергся публичному унижению: на виду у всего войска он, подобно рабу, шел пешком за колесницей императора в своих пурпурных одеяниях [Eutrop. IX.24; Fest. 25; Amm. Marc. XIV.11.10; Oros. VII.25.9; Theoph. A.M. 5793]. Мера оказалась действенной: уже вскоре Галерий набрал новые легионы, и в 298 г. объединенное римско-армянское 25-тысячное войско [Fest. 25] вновь вторглось в Армению.

Согласно Павстосу Бузанду, римляне и персы сблизились друг с другом «в гаване Басеан, в деревне по названию Осха» [Павстос Бузанд. III.21], близ современного Эрзурума. Узнав о том, что ничего не подозревавшее войско персов остановилось на привал совсем неподалеку от римлян, Галерий, переодевшись торговцем, во главе небольшой группы разведчиков-армян лично проник внутрь вражеского лагеря, где собрал всю необходимую информацию о войске противника [Synes. De reg. 17; Fest. 25; Eutrop. IX.25; Павстос Бузанд. III.21].

Успешная разведка позволила римлянам провести внезапную – и потому успешную – атаку на расположение персов. Персы были наголову разбиты и бежали с поля боя, однако хуже всего было то, что в римском плену оказались жены и дети Нарсе, то ли случайно забытые в лагере во время беспорядочного бегства персидской армии, то ли сознательно

¹⁴ Урсула Вебер ставит под сомнение сообщение Аммиана Марцеллина и то, что начало войне было положено вторжением Нарсе на территорию Армении [Weber 2012, 219–22] и выдвигает тезис, согласно которому Нарсе не мог начать войну ударом по Армении, поскольку последняя «находилась под властью Сасанидов с момента ее завоевания Шапуром I в 252/253 г. до вступления Нарсе на трон в 293 г., а, возможно, и до римско-персидского мирного договора 298 г.»

¹⁵ Вопрос о хронологии событий римско-персидского конфликта конца III в. до сих пор остается дискуссионным. Историографию вопроса см.: [Мехамадиев 2020, т. 1, 401–415].

¹⁶ Здесь же Орозий отмечает, что данное сражение было уже третьим по счету в этой войне, однако о первых двух он ничего не сообщает.

¹⁷ В связи с этим весьма странным выглядит утверждение Ч.М. Одала о том, что «обе стороны понесли тяжелые потери и отступили» [Odahl 2004, 50]. Евтропий и Фест совершенно однозначно характеризуют сражение при Каллинике как неудачное для римлян: первый обозначает это событие как «*proelium insecundum*» [Eutrop. IX.24], а второй прямо говорит о том, что цезарь был вынужден отступить (*Maximianus Caesar... pulsus recessit*) [Fest. 25]. В том же ключе описывают исход битвы Юлиан Отступник [Iul. Or. I.18A–B], Аврелий Виктор [Aug. Vict. De Caes. XXXIX.34], Орозий Павел [Oros. VII.25.4] и др. авторы.

оставленные здесь шаханшахом на милость победителя. Кроме того, в плену оказалось много представителей персидской знати [Hieron. Chron. S.A. 302; Oros. VII.25.11; Amm. Marc. XXII. 4.8; Fest. 14, 25; Aur. Vict. *De Caes.* XXXIX.35; Iord. Get. 110; Theoph. A.M. 5793; Malal. Chron. XII.308; Zonar. XII.31]. В честь одержанной победы в Фессалониках воздвигли триумфальную арку [Laubscher 1975].

Наиболее подробное описание последовавших римско-персидских мирных переговоров содержится в сочинении Петра Патрикия. Согласно Петру [Petr. Patr. Fr. 13], римская сторона выдвинула фактически ультиматум, включавший пять ключевых пунктов:

- 1) «римлянам владеть на востоке Интилиной с Софиной, Арзаниной вместе с Кардуинами и Завдикиной»;
- 2) «реке Тигр быть границей обоих государств»;
- 3) «замку Зинфе, лежащему на границе Мидии, быть пределом Армении»;
- 4) «царю ивирийскому получать знаки своей верховной власти от римлян»;
- 5) «месту для торговли быть Нисивии, городу, лежащему на Тигре».

Понимая, что в создавшемся положении он лишен возможности сопротивляться давлению Рима, Нарсе был вынужден согласиться с этими условиями и подписать мирный договор, составленный под диктовку римлян.

Основные пункты этого соглашения, вошедшего в историю как Первый Нисибисский договор, уже рассматривались нами ранее, а потому здесь мы ограничимся отсылкой к соответствующей публикации [Дмитриев 2020, 452–454]. Лишь вкратце отметим, что основное условие договора, которое заключалось в уступке Ираном пяти располагавшихся в пределах исторической Армении областей, следует соотносить с данными Аммиана Марцеллина, сообщающего более достоверную информацию. Он дает несколько иной по сравнению с Петром Патрикием перечень уступаемых Персией территорий (в терминологии Аммиана – «затигрских»), лежащих на левом берегу Тигра) областей (*regiones Transtigitani*): Арзанена, Моксоена, Забдицена, Регимена и Кордуена [Amm. Marc. XXV.7.9]. Кроме того, превращение царя Иберии¹⁸ в вассала Рима на фоне распространения римского влияния на Армению еще сильнее усиливало Римскую империю на Южном Кавказе. Непосредственно же для Армении подписание Нисибисского договора означало окончательное восстановление (хотя и под римским протекторатом) своей государственности, ограниченной в 244 г., полностью ликвидированной в 252 г. и частично восстановленной в 280-х гг. Возможно также, что с 298 г. под власть Трдата III перешли и те области Армении (*regiones Transtigitani*, которые упоминал Аммиан), которые до тех пор оставались под контролем Сасанидов¹⁹. Более того, в начале IV в. Трдат принял христианство, что окончательно противопоставило Армению Ирану и сделало ее еще более верным вассалом Римской империи.

Армения между Римом и Ираном в 298–338 гг.: неустойчивое равновесие и нарастание противоречий

Заключение Нисибисского договора на какое-то время привнесло некоторую стабильность в международные отношения на Ближнем Востоке. По крайней мере, о сколько-нибудь крупных конфликтах между Римом и Ираном, в том числе с участием Армении или в связи с ней, в источниках ничего не говорится. Вместе с тем, в двусторонних отношениях между самой Арменией и ее могущественными соседями все было не столь благополучно. Так, согласно Евсевию Кесарийскому, римский император Максимиан Даза (305–313 гг.) неза-

¹⁸ Имеется в виду царь иберов Михран III (284–361), согласно Мовсесу Хоренаци принимавший участие в походах Трдата III против персов [Мовсес Хоренаци. II.85] [Дмитриев 2020, с. 454].

¹⁹ См., однако: [Гарсоян 1971, 56–57], где высказываются серьезные сомнения в суверенитете армянских Аршакидов над транстигританскими областями.

долго до своей смерти (судя по всему, в 312 г.) провел неудачную кампанию против армян в попытке восстановить в Армении язычество [Euseb. Hist. Eccl. IX.8.2–4]. Иоанн Малала [Malal. Chron. XII.311–312] освещает эти события более подробно, но объясняет их несколько иначе. По его словам, все началось с того, что армяне восстали против римлян. Когда в ответ на это римская армия вторглась на территорию царства, они решили искать помощи у Ирана. Пользуясь тем, что Максимин увяз в Армении, персы якобы вторглись в римскую провинцию Осроену, где захватили и разрушили город Максимианополь (в последующие столетия известный как Константина [Mango 1991]). В любом случае, речь в источниках идет об антиримских действиях армян, которые совсем недавно состояли в дружественных отношениях с Империей. Возникает резонный вопрос о причинах столь странного поведения Армении. Вероятно, следует согласиться с К. Мосиг-Вальбург, по мнению которой конфликт между Римом и Арменией произошел из-за стремления последней освободиться от слишком плотной опеки римлян [Mosig-Walburg 2006]²⁰.

Однако вскоре ситуация изменилась: в 313 г. императоры Константин (306–337 гг.) и Лициний (308–324 гг.) издадут Медиоланский эдикт, который предоставил христианам свободу вероисповедания и обусловил новое сближение Рима и Армении²¹. Так, Мовсес Хоренаци сообщает, что незадолго до победы Константина Великого над Лицинием (то есть до 324 г.) имели место боевые действия между римлянами и персами, причем вместе с римским действовало армянское войско во главе с царем Трдатом III [Мовсес Хоренаци. II.87]. Приблизительно в это же время между Трдатом и Константином был заключен договор о том, «что они будут твердо и вечно хранить неизменную любовь между их царствами», а император, кроме того, «будет всеми имеющимися силами поддерживать армянского царя в вере в Святую Троицу» [Агатангелос. 877].

Правивший в это время в Иране шаханшах Шапур II (309–379) в начале своего царствования занимался восстановлением персидского влияния в отпавших от Сасанидской державы в период кризиса рубежа III–IV вв. Аравии и Кушаншахре, а также решением внутренних проблем [Дмитриев 2019, 121–127]. По этой причине в первой трети IV в. у персов не было возможностей организовать сколь-нибудь крупномасштабные акции в отношении Рима. Не был готов к открытому конфликту и Рим, где совсем недавно, в 324 г., завершилась многолетняя борьба между Константином и Лицинием и было восстановлено единство Империи.

Однако к 330-м гг. ситуация в Риме и Иране стабилизировалась, и теперь каких-либо серьезных препятствий на пути к возобновлению борьбы между ними не было. Первый шаг, судя по всему, сделала римская сторона. Якобы узнав о том, «что среди

²⁰ См., однако: [Мехмадиев 2015, 118–125; Мехмадиев 2020, т. 2, 199–226], где целью введения римских войск в Армению обозначено не что иное, как защита римских (а заодно и армянских) владений от вторжения неких «северных племен». Исследователь идентифицирует их как гуннов (которых он, к слову, почему-то считает тюрками), а сами действия римлян трактует как предпринятые с согласия и даже при поддержке армян. Более того, «вторжение гуннов», по мысли Е. А. Мехмадиева, было инспирировано Сасанидами [Мехмадиев 2020, т. 2, 219]. Здесь не место для подробного анализа аргументации автора, но на наш взгляд она недостаточно убедительна хотя бы потому, что из двух источников, содержащих сведения об армянской кампании Максимиана, – синхронной с ней «Церковной истории» Евсевия Кесарийского и составленной спустя почти семь столетий «Истории Тарона» Псевдо-Иоанна Мамиконяна – исследователь, идя наперекор практически всей историографии и никак не объясняя причин своего выбора, отдает предпочтение «Истории Тарона». Завершая тему обороны римлянами своих границ («по призыву Трдата» от «гуннов-тюрков», напасть которых на «независимую Армению» «подговорили персы», отметим, что в указанный период царство Сасанидов находилось в глубоком кризисе, одним из проявлений которого был полный упадок царской власти и превращение ее в сугубо формальный институт (шаханшаху Шапуру II в 312 г. исполнилось всего три года). Персия не только не имела возможности проводить сколь-нибудь активную внешнюю политику, но и сама превратилась в жертву чужеземных вторжений (подробнее см. нашу недавнюю работу: [Дмитриев 2019, 119–123]). В связи с этим и рассмотренное выше сообщение Иоанна Малалы о вторжении персов в Осроену вызывает сомнения в своей достоверности.

²¹ О роли религиозного фактора в отношениях Армении с Римом и Ираном см.: [Гарсоян 1971, 59–62].

персидского народа умножаются Божьи Церкви и собираются многие тысячи овец в стадо Христово» [Euseb. Vit. Const. IV.8], Константин Великий пишет Шапуру II явно провокационное письмо, в котором призывает персидского царя всеми силами заботиться о проживающих в Персии христианах, чтобы тем самым принести «неописуемую пользу по отношению к Вере» [Euseb. Vit. Const. IV.9–13]. Судя по событийному контексту, в котором данное письмо цитирует Евсевий Кесарийский, оно было написано в середине 330-х гг.

Если император хотел подтолкнуть Шапура II к резким шагам, то он достиг своей цели. В качестве своеобразного ответа на послание в Константинополь прибыло персидское посольство, как пишет Либаний, «для спора из-за границ, дабы в случае, если мы уступим ему территорию, овладеть ею без труда, если же отнюдь не уступим, выставить отказ предлогом войны» [Liban. Or. LIX.71]. Если учесть, что примерно через 20 лет Шапур вновь требовал от римлян вернуть ему территории «в Армении и Месопотамии», «которые были коварно отняты» у его деда [Amm. Marc. XVII.5.6] Нарсе, можно предположить, что и в данном случае речь шла о все тех же *regiones Transtigritani*.

Константин наотрез отказался выполнить требования персидских послов и начал боевые действия [Liban. Or. LIX.72]. Однако в самом начале похода, 22 мая 337 г., император внезапно скончался, находясь в местечке Ахирона близ Никомедии [Aur. Vict. De Caes. XLI.15; Hieron. Chron. S.A. 337]. Продолжать войну с персами пришлось одному из сыновей Константина Великого, получившего в управление восточную часть Римской империи, – Констанцию II (337–361).

Первоочередной задачей нового императора было урегулирование отношений со своими братьями Константином II (337–340) и Константом (337–350), в связи с чем он был вынужден отбыть с римско-персидской границы в Константинополь. Кроме того, из-за раздела Империи у Констанция оказалось гораздо меньше военных ресурсов, чем было у Константина Великого [Iul. Or. I.18C]. Пользуясь сложившейся ситуацией, в том же 337 г. Шапур II направил в Армению войско, которое поддержал ряд знатных армянских родов, недовольные усилением центральной власти при царях Трдате Великом и его преемнике Хосрове III Коротком (330–338)²² [Кудрявцев 1956, 767]. Как отмечает в одной из своих речей император Юлиан Отступник (361–363 гг.), в 337 г.²³ в Армении произошло восстание, и «немалая часть» восставших перешла на сторону персов [Iul. Or. I.18D–19A]. По словам Юлиана, с помощью римских войск бунт вскоре был подавлен [Iul. Or. I.20D–21A], однако вторжение персов положило начало длительному периоду политической нестабильности в Армении. Она сопровождалась, с одной стороны, борьбой царской власти с непокорными нахарарами, а с другой – постоянным вмешательством в армянские дела Сасанидов, которые пытались установить над Арменией свой контроль и сделать ее плацдармом для вторжений в восточные провинции Римской империи.

В том же 337 г. персы осадили Нисибис²⁴, что положило начало новому этапу римско-персидских войн, который длился до конца IV в. и завершился разделом Армении между Римской империей и сасанидским Ираном в 387 г. Наконец, в 338 г. умер армянский царь Хосров III, и при поддержке римлян на армянский престол вступил его сын Тиран [Мовсес Хоренаци. III.11].

²² Как пишет Мовсес Хоренаци, Хосров «был и ростом мал, и хрупкого телосложения, да и совершенно не походил на человека военного» [Мовсес Хоренаци. III.6]. Кроме того, армянский историк обвиняет преемника Тиридата в «малодушии и лености» [Мовсес Хоренаци. III.9], а также отсутствии «отваги и доблести» [Мовсес Хоренаци. III.8].

²³ Дата установлена довольно точно, поскольку, говоря об армянских делах, Юлиан отмечает, что одновременно с этим происходил съезд сыновей Константина Великого в Паннонии, датируемый летом–осенью 337 г. [Dodgeon, Lieu 1994, 327, ann. 3] и посвященный решению вопроса о разделе Римской империи.

²⁴ Подробнее см.: [Дмитриев 2019, 130–131].

Таким образом, 337–338 гг. стали важным рубежом, который ознаменовал начало нового этапа в истории как римско-персидских отношений, так и зажатой между двумя державами Армении.

Заключение

Таким образом, в первые века н.э. Армянское государство играло важную роль во взаимоотношениях держав, которые боролись за преобладание в Передней Азии. Соперничество за Армению явно обострилось после 227 г., когда на смену ослабленному войнами с Римом Парфянскому царству пришла Персидская держава Сасанидов. Она сразу же ступила на путь внешней экспансии, одним из основных объектов которой стало Армянское царство.

Римско-персидско-армянские отношения на протяжении рассматриваемого периода динамично менялись, и в их истории весьма четко прослеживаются три этапа.

Первый этап истории римско-персидско-армянских отношений (227–252 гг.) характеризовался усилением позиций Ирана на Южном Кавказе и завершился завоеванием персами Армении и включением ее в состав сасанидского Ирана (252 г.). *Второй этап* (252–298 гг.) стал временем постепенного восстановления армянской государственности. Этому в немалой степени способствовала поддержка со стороны Римской империи, которая к концу III в. преодолела кризис и стремилась возродить прежнее могущество, а также внутренняя нестабильность в царстве Сасанидов, последовавшая за смертью шаханшаха Ормизда I (272–273 гг.). С тех пор суверенитет Армении носил почти исключительно номинальный характер²⁵, а факт ее существования на протяжении еще целого столетия (до раздела между Римом и Персией в 387 г.) был обусловлен желанием обеих великих держав (Римской империи и сасанидского Ирана) сохранить Армению как буферное государство. Характерными чертами *третьего этапа* (298–338 гг.) стало сближение Рима и Армении, усиление римского влияния в последней и постепенное нарастание римско-персидских противоречий по вопросу о контроле над Армянским царством, которые в 337 г. вылились в открытое вооруженное противостояние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазян А.С. (2020) Южный Кавказ: рост конфликтного потенциала, внутриполитические изменения // Европейский Союз: факты и комментарии. № 102. С. 98–101.
- Гарсоян Н.Г. (1971) Армения в IV в. (К вопросу уточнения терминов «Армения» и «верность») // Вестник общественных наук Армянской ССР. № 3. С. 55–62.
- Гегелашвили Н.А. (2020) Страны Закавказья в политике Турции и США // США и Канада: экономика, политика, культура. Вып. 50 (10). С. 45–59. DOI: 10.31857/S268667300011805-5.
- Дмитриев В.А. (2019) Политическая история Ирана в эпоху ранних Сасанидов. СПб.: Наука. 186 с.
- Дмитриев В.А. (2020) «Арий, поклоняющийся Ормазду»: к политической биографии шаханшаха Нарсе // Вестник древней истории. № 2 (80). С. 434–461. DOI: 10.31857/S032103910008630-6.
- Дьяконов И.М. (1951) Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту. Раздел I. Предыстория Урарту: период племенных союзов (XIV–IX вв.) // Вестник древней истории. № 2. С. 257–294.
- Кудрявцев О.В. (1956) Армения в III–IV вв. // Всемирная история. В 10 т. Т. 2 / Гл. ред. С.Л. Утченко, Д.П. Каллистова, А.И. Павловской, В.В. Струве. М.: Политиздат. С. 761–770.
- Луконин В.Г. (1969) Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.: Наука. 242 с.

²⁵ После того, как в 252 г. Армению завоевали персы и включили ее в состав Сасанидской державы, армянская государственность была восстановлена только в конце III в. исключительно благодаря поддержке со стороны Римской империи.

- Луконин В.Г. (1987) Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М.: Наука. 295 с.
- Маслакова-Клауберг Н. И., Садыкова Э. Л. (2020) Обострение ситуации в Нагорном Карабахе как геополитический вызов // Вестник Института мировых цивилизаций. Т. 11. № 3 (28). С. 51–57.
- Мехмадиев Е. А. (2015) Армения и Римская империя в начале IV в.: проблемы межгосударственных отношений в эпоху правления армянского царя Трдата III // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. № 12. С. 111–133.
- Мехмадиев Е. А. (2020) Военная организация поздней Римской империи во второй половине III – первой половине IV вв.: региональные экспедиционные армии в контексте гражданских войн и римско-персидского противостояния. Дис. ... докт. ист. наук. В 2 т. Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб.
- Неронова В. Д. (ред.) (1989) История Древнего мира. Т. 3. Упадок древних обществ. М.: Наука. 408 с.
- Пиотровский Б. Б. (1959) Ванское царство. М.: Восточная литература. 283 с.
- Рыбаков Р. Б. (ред.) (2002) История Востока. В 6 т. Т. 2. Восток в Средние века. М.: Восточная литература. 716 с.
- Тревер К. В. (1959) Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М. – Л.: АН СССР. 392 с.
- Фрай Р. (2002) Наследие Ирана. М.: Восточная литература. 463 с.
- Чубарьян А. О. (2012) (ред.) Всемирная история. В 6 т. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука. 894 с.
- Choksy J. K. (2007) Reassessing the Material Contexts of Ritual Fires in Ancient Iran // *Iranica Antiqua*. Vol. 42. Pp. 229–269.
- Dodgeon M. H., Lieu S. N. C. (eds) (1994) *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363). A Documentary History*. London; New York: Routledge. 376 p.
- Duchesne-Guillemin J. (1983) Zoroastrian Religion // *Cambridge History of Iran*. Vol. 3. Pt. 2. The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods / Ed. by E. Yarshater. Cambridge etc. Pp. 866–908.
- Laubscher H. P. (1975) *Der Reliefschmuck des Galeriusbogens in Thessaloniki*. Berlin: Gebr. Mann Verlag.
- Mango M. M. (1991) *Constantina* // *The Oxford Dictionary of Byzantium*. Vol. 1 / Ed. by A. P. Kazhdan. Oxford: Oxford University Press. P. 497.
- Mosig-Walburg K. (2006) *Der Armenienkrieg des Maximinus Daia* // *Historia*. Bd. 55. H. 2. S. 247–255.
- Odahl Ch. M. (2004) *Constantine and the Christian Empire*. London; New York: Routledge. 400 p.
- Peachin M. (1991) Philip's Progress: From Mesopotamia to Rome in A.D. 244 // *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*, Vol. 40. No. 3. Pp. 331–342.
- Potter D. S. (2004) *The Roman Empire at Bay. AD 180–395*. London; New York: Routledge. 762 p.
- Toumanoff C. (1969a) Chronology of the early kings of Iberia // *Traditio*. Vol. 25. Pp. 1–33.
- Toumanoff C. (1969b) The Third-Century Armenian Arsacids: a Chronological and Genealogical Commentary // *Revue des Études Arméniennes*. T. 6. P. 233–281.
- Weber U. (2012) Narseh, König der Könige von Ērān und Anērān // *Iranica Antiqua*. Vol. 47. P. 153–302.
- Weber U. (2016) Narseh // *Encyclopædia Iranica* (<http://www.iranicaonline.org/articles/narseh-sasanian-king>).

REFERENCES

- Ayvazyan A. S. (2020) Yuzhnyy Kavkaz: rost konfliktnogo potentsiala, vnutripoliticheskie izmeneniya [South Caucasus: Growth of Conflict Potential, Internal Political Changes]. *Evropeyskiy Soyuz: fakty i kommentarii*, vol. 102, pp. 98–101. DOI: 10.15211/eufacts4202098.
- Choksy J. K. (2007) Reassessing the Material Contexts of Ritual Fires in Ancient Iran. *Iranica Antiqua*, vol. 42, pp. 229–269. DOI: 10.2143/IA.42.0.2017878.
- Chubar'yan A. O. (ed.) (2012) *Vsemirnaya istoriya. V 6 t. T. 2. Srednevekovye tsivilizatsii Zapada i Vostoka* [World History. In 6 vols, vol. 2. Medieval Civilizations of the West and the East]. Moscow: Nauka Press. 894 p.
- Diakonov I. M. (1951) Assiro-vavilonskie istochniki po istorii Urartu. Razdel I. Predystoriya Urartu: period plemennykh soyuzov (XIV–IX vv.) [Assyro-Babylonian Sources on the History of Urartu. Section I. Prehistory of Urartu: the Period of Tribal Unions (XIV–IX Centuries)]. *Vestnik drevney istorii*, № 2, pp. 257–294.

- Dmitriev V. A. (2019) *Politicheskaya istoriya Irana v epokhu rannikh Sasanidov* [A Political History of Iran under Early Sasanians]. Saint Petersburg: Nauka Press. 186 p.
- Dmitriev V. A. (2020) „Ariy, poklonyayushchiysya Ormazdu”: k politicheskoy biografii shakhanshakha Narse [“Aryan Worshipping Ohrmazd”: towards the Political Biography of Shahanshah Narseh]. *Vestnik drevney istorii*, vol. 80, no. 2, pp. 434–461. DOI: 10.31857/S032103910008630-6.
- Dodgeon M. H., Lieu S. N. C. (1994) *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363). A Documentary History*. London; New York: Routledge. 376 p.
- Duchesne-Guillemin J. (1983) Zoroastrian Religion. Yarshater E. (ed.) *Cambridge History of Iran. Vol. 3. Pt. 2. The Seleucid, Parthian and Sasanian periods*. Cambridge etc.: Cambridge University Press, pp. 866–908.
- Fray R. (2002) *Nasledie Irana* [The Heritage of Iran]. Moscow: Vostochnaya Literatura Press. 463 p.
- Garsoyan N. G. (1971) Armeniya v IV v. (K voprosu utochneniya terminov “Armeniya” i “vernost”) [Armenia in the IV Century: an Attempt to Redefine the Concepts “Armenia” and “Loyalty”]. *Vestnik obshchestvennykh nauk Akademii nauk Armyanskoy SSR*, № 3, pp. 55–62.
- Gegelashvili N. A. (2020) Strany Zakavkaz’ya v politike Turtsii i SShA [South Caucasian States in the Politics of Turkey and the USA]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul’tura*, vol. 50 (10), pp. 45–59. DOI: 10.31857/S268667300011805-5.
- Kudryavtsev O. V. (1956) Armeniya v III–IV vv. Utchenko S. L., Kallistov D. P., Pavlovskaya A. I., Struve V. V. (eds.) *Vsemirnaya istoriya* [The World History]. In 10 vols, vol. 2. Moscow: Politizdat, pp. 761–770.
- Laubscher H. P. (1975) *Der Reliefschmuck des Galeriusbogens in Thessaloniki*. Berlin: Gebr. Mann Verlag. 182 S.
- Lukonin V. G. (1969) *Kul’tura sasanidskogo Irana. Iran v III–V vv. Ocherki po istorii kul’tury* [Culture of Sasanian Iran: Iran in the 3rd–5th Centuries AD. Essays on the History of Culture]. Moscow: Nauka Press. 242 p.
- Lukonin V. G. (1987) *Drevniy i rannesrednevekovyy Iran. Ocherki istorii kul’tury* [Ancient and Early Medieval Iran. Essays on the History of Culture]. Moscow: Nauka Press. 295 p.
- Mango M. M. (1991) Constantina. Kazhdan A. P. (ed.) *The Oxford Dictionary of Byzantium*, vol. 1. New York; Oxford: Oxford University Press, p. 497.
- Maslakova-Klauber N. I., Sadykova E. L. (2020) Obostrenie situatsii v Nagornom Karabakhe kak geopoliticheskiy vyzov [Escalation of the Situation in Nagorno-Karabakh as a Geopolitical Challenge]. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsiy*, vol. 11, no. 3 (28), pp. 51–57.
- Mekhamadiev Y. A. (2015) Armeniya i Rimskaya imperiya v nachale IV v.: problemy mezghosudarstvennykh otnosheniy v epokhu pravleniya armyanskogo tsarya Trdata III [Armenia and Roman Empire at the Beginning of IV A.D.: the Problems of Interstate Relations under the Reign of Armenian King Tiridates III]. *Problemy sotsial’noy istorii i kul’tury Srednikh vekov i rannego Novogo vremeni*, vol. 12, pp. 111–133.
- Mekhamadiev Y. A. (2020) *Voennaya organizatsiya pozdney Rimskoy imperii vo vtoroy polovine III – pervoy polovine IV vv.: regional’nye ekspeditsionnye armii v kontekste grazhdanskikh voyn i rimsko-persidskogo protivostoyaniya*. [The Military Organization of the Late Roman Empire in the Second Half of the 3rd – First Half of the 4th Centuries: Regional Expeditionary Armies in the Context of Civil Wars and the Roman-Persian Confrontation]. Dissertation of Doctor of Historical Sciences. In 2 vols. The Saint Petersburg Institute of History is a research institute of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg.
- Mosig-Walburg K. (2006) Der Armenienkrieg des Maximinus Daia. *Historia*, Bd. 55, H. 2, S. 247–255.
- Neronova V. D. (1989) (ed.) *Istorija Drevnego mira. T. 3. Upadok drevnih obshhestv* [The History of the Ancient World. Vol. 3. Decline of Ancient Societies]. Moscow: Nauka Press. 408 p.
- Odahl Ch.M. (2004) *Constantine and the Christian Empire*. London; New York: Routledge. 400 p.
- Peachin M. (1991) Philip’s Progress: From Mesopotamia to Rome in A.D. 244. *Historia: Zeitschrift Für Alte Geschichte*, vol. 40. no. 3. pp. 331–342.
- Piotrovskiy B.B. (1959) *Vanskoe tsarstvo* [Kingdom of Van]. Moscow: Vostochnaya Literatura Press. 283 p.
- Potter D. S. (2004) *The Roman Empire at Bay. AD 180–395*. London; New York: Routledge. 762 p.
- Rybakov R. B. (2002) (ed.) *Istoriya Vostoka. V 6 t. T. 2. Vostok v Srednie veka* [History of the East. In 6 vols, vol. 2. East in the Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya Literatura Press. 716 p.
- Toumanoff C. (1969a) Chronology of the Early Kings of Iberia. *Traditio*, vol. 25, pp. 1–33.

Toumanoff C. (1969b) The Third-Century Armenian Arsacids: a Chronological and Genealogical Commentary. *Revue des Études Arméniennes*, t. 6, pp. 233–281.

Trever K. V. (1959) *Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoy Albanii* [Essays on the History and Culture of Caucasian Albania]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press. 392 p.

Weber U. (2012) Narseh, König der Könige von Erān und Anērān. *Iranica Antiqua*, vol. 47, pp. 153–302. DOI: 10.2143/IA.47.0.2141965.

Weber U. (2016) Narseh. *Encyclopædia Iranica* (<http://www.iranicaonline.org/articles/narseh-sasanian-king>).

Об авторе

Дмитриев Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения, старший научный сотрудник Псковского государственного университета. Адрес: Ленина пл., д. 2, Псков, 180000. E-mail: dva_psk@mail.ru

About the author

Vladimir Dmitriev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Research Fellow, Pskov State University. Address: 2, Lenin sq., Pskov, Russian Federation, 180000. E-mail: dva_psk@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 01.06.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 08.06.2021

DOI: 10.31857/S086904990015424-8

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА WORLD WAR II

Оригинальная статья / Original Article

Наблюдая за Гитлером и Сталиным: отношение Британии к союзу с СССР (январь — июнь 1941 г.)

© М. ПАПАДОПУЛОС

Пападопулос Маркус, журнал “Politics First” (Лондон, Великобритания),
editor@firstpublishing.org

Статья посвящена представлениям правительства Соединенного Королевства и СССР об антигитлеровской коалиции в преддверии операции «Барбаросса». Британские дипломаты, включая министра иностранных дел Э. Идена и посла Британии в СССР сэра С. Криппса, оценивали степень, в какой Советское правительство было привержено Договору о ненападении с Германией и насколько И. Сталин был готов уступить А. Гитлеру, тем самым пытаясь предотвратить вооруженный конфликт с Третьим Рейхом. Соответственно, вслед за поражением Франции от Германии летом 1940 года Британия была единственной страной, которая противостояла мощи нацистской Германии. Правительство Британии все больше обращало свои устремления к СССР как средству спасения, хотя многие британские официальные лица традиционно относились к Советскому Союзу с чувством серьезного беспокойства. Однако британские дипломаты сообщали, даже сокрушались, что Советское правительство настолько опасалось войны с Германией, вкуче с глубоким недоверием Сталина к Британии, что надежды на отказ Москвы от Договора о ненападении с Германией и объединение сил с Лондоном в антигитлеровской коалиции были слабыми.

Ключевые слова: Договор о ненападении, Балканы, Турция, Иран, страны Прибалтики, США, Иосиф Сталин, Адольф Гитлер, Энтони Иден, Стаффорд Криппс, Иван Майский, Вермахт, Красная армия, СССР, Баку, антинацистская коалиция, антигитлеровская коалиция

Для цитирования: Пападопулос М. (2021) Наблюдая за Гитлером и Сталиным: отношение Британии к союзу с СССР (январь — июнь 1941 г.) // Общественные науки и современность. № 3. С. 136–150. DOI: 10.31857/S086904990015424-8

One Eye on Hitler, the Other Eye on Stalin: How Britain Explored a British-Soviet Alliance from January to June of 1941

© M. PAPAPOPOULOS

Marcus Papadopoulos, Publisher and Editor of *Politics First* (London, UK), editor@firstpublishing.org

Abstract: This essay examines how the British Government, in the lead-up to Operation Barbarossa, perceived the notion of an anti-German coalition comprising Britain and the Soviet Union. British diplomats, including Foreign Secretary Anthony Eden and Ambassador Sir Stafford Cripps, assessed the extent to which the Soviet Government was committed to its Non-Aggression Treaty with Germany and how far Josef Stalin was prepared to appease Adolf Hitler and thereby prevent a military conflict with the Third Reich. As a consequence, following the fall of France to the Germans in the summer of 1940, of Britain perilously standing alone against the might of Nazi Germany, Whitehall looked increasingly to the USSR, a country which many British officials traditionally harboured feelings of grave disquiet over, as a means of salvation. However, British diplomats reported, indeed, lamented, that such was the fear felt by the Soviet Government of a war with Germany, together with Stalin's ingrained distrust of Britain, that the chances of Moscow abandoning its Non-Aggression Treaty with Berlin and joining forces with London in an anti-Hitler coalition were negligible.

Keywords: Non-Aggression Treaty, Balkans, Turkey, Iran, Baltic States, America, Joseph Stalin, Adolf Hitler, Anthony Eden, Stafford Cripps, Ivan Maisky, Wehrmacht, Red Army, Soviet frontier, Baku, anti-Nazi coalition, anti-Hitler coalition.

Citation: Papadopoulos M. (2021) One eye on Hitler, the other eye on Stalin: How Britain explored a British-Soviet alliance from January to June of 1941. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 136–150. DOI: 10.31857/S086904990015424-8

Operation Barbarossa, the German invasion of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) on 22 June, 1941, signified the commencement of the most abominable war of conquest and enslavement that mankind has ever witnessed. Soviet lands from the western borders of the USSR to the Ural Mountains were to be colonised by German settlers and made racially pure, in pursuit of the central National Socialist ideological tenet of *Lebensraum*. It must be said, though, that the concept of German colonisation of not only Russian lands but also of other Eastern European lands preceded what Adolf Hitler had written in *Mein Kampf*; such a view had first been proclaimed in Imperial Germany. The Soviet populations in the areas which Hitler had envisaged to be part of a Greater Germany were to be treated as slaves, whilst, simultaneously, systematically exterminated. Over the course of time, there would be no trace of the hated Slav culture in the newly acquired Soviet lands; instead, the lands would serve as proof of the racial supremacy of the German *Herrenvolk*.

On the 80th anniversary of Operation Barbarossa, a campaign that was to decide the outcome of the war in Europe, and also determine the fate of Hitler's crusade for a German-colonised European Russia, attention should be directed to the country in Europe which, up until the German invasion of the Soviet Union, was the sole one in defying the Third Reich: Great Britain.

With the European continent, save for the neutral countries of Ireland, Sweden, Portugal, Spain, Switzerland and Turkey, under either occupation of the Wehrmacht or part of the Axis or in collaboration with Berlin, and with the Soviet Union's relations with Germany governed by the Non-Aggression Treaty of 1939, Britain was in a perilous position, facing the power and wrath of Nazi Germany alone.

With no realistic prospect in sight of British arms, by themselves, being able to defeat those of the Third Reich, Whitehall, from 1941 onwards, increasingly looked to the USSR as a possible means of salvation, though this consideration was accompanied with feelings of trepidation, stemming from a profound aversion to communism, combined with inherent suspicions of Russia, which were both ingrained in the British official mind.

In the period following the signing of the Non-Aggression Treaty between Berlin and Moscow there was considerable speculation in Whitehall as to whether the USSR was a potential enemy to Britain, especially as a consequence of the Red Army's campaign in eastern Poland, in September of 1939 (two weeks after the German invasion of the country), and the Soviet Union's war with Finland, from November of 1939 to March of 1940. Still, by the beginning of 1941, one of the main areas of topics under discussion amongst British officials was how committed the Soviet Union was to its agreement with Germany and whether Josef Stalin could be persuaded to join an anti-Hitler coalition with Britain.

Evaluation of USSR-Germany relations in the documents of the UK Embassy in Moscow

In a telegram to Foreign Secretary Anthony Eden, dated 26 January, 1941, the British Ambassador in Moscow, Sir Stafford Cripps, noted how, in his opinion, the economic and border agreements signed earlier on in January between the Soviet and German governments (which, amongst others, extended the German-Soviet Commercial agreement until August of 1942, together with having settled the status of the newly-incorporated Baltic States into the USSR) marked a "determination" by the Soviet Union to "avoid any armed conflict with Germany at almost any price."¹ Specifically regarding the Baltic States, Cripps commented on how the Soviet Government's "settlement of all outstanding questions" relating to this region was a "major success for Russian diplomacy": Moscow had "avoided the danger of any "incidents" in that area and stabilised vis-à-vis Germany their occupation of Lithuania, Latvia and Estonia, in such a manner that it will be almost impossible for Germany in the future to make any trouble for this country [USSR] over relationships arising in these areas." Returning to the economic agreement between Moscow and Berlin, the British ambassador opined that the Russians can "temporarily appease the German menace and comply with German economic requirements, or if they fear a too early termination of the war before the combatants are sufficiently enfeebled they can - if now they think the British chances good - delay the end of the war until both sides are sufficiently weakened." As regards any affinity felt by the Soviet Government to Germany, Cripps dispelled any such notion by contending that: "The truth is both Russia and Germany would each like to see the other as heavily engaged as possible in difficulties with other countries, so that each could feel so much the safer against any attack by the other." Cripps' view that the USSR and Germany were not genuine allies, and that Moscow had consented to the non-aggression pact with Germany out of necessity, was a view shared by a number of other British diplomats, though by no means all. Such an opinion was more evident in the Northern Department, a branch within the Foreign Office responsible for accumulating and analysing information on the Soviet Union, including the decision-making process of the Soviet Government.²

The view that the Soviet Union was determined to avert a military confrontation with Germany was again expressed during a meeting of ministers, including Eden, held at the Foreign Office on 28 January 1941. There the opinion was put forward that the policy of the Soviet Government

¹ FO 954/24B/270: 26 January 1941. The National Archives. Telegram from Stafford Cripps, British Ambassador in Moscow, to Foreign Secretary Anthony Eden on the Soviet Union's relations with Germany, Finland, the Balkans, Romania, Iran, the Far East, and Great Britain.

² FO 371 24843/N 3538: 14 March 1940, memorandum by Orme Sargent, Deputy Under-Secretary in the Northern Department.

was “governed by fear”, in that the USSR was “unlikely to do anything that might lead to an open clash with Germany”³. It is the case that the notion Stalin was deeply fearful of Germany, especially as a consequence of the Soviet leader having been left aghast at the speed in which the Wehrmacht had conquered Poland and Western Europe, was regarded by Whitehall as the key factor in preventing a British-Soviet military alliance against Hitler from materialising.

A somewhat different opinion, to that of Cripps’, on the Soviet Government’s relationship with its German counterpart, was held by the Greek Ambassador in Moscow, whose views were conveyed to R.A. Butler, the Under-Secretary of State for Foreign Affairs, by the Greek Ambassador in London. Butler noted how the ambassador in Moscow believed that tension was rising between the Soviet Union and Germany, and he corroborated his view by citing how the USSR had deployed as many as 130 of its ground divisions, together with 31 air force divisions, on the German frontier, which were opposed by between 80 and 90 Wehrmacht concentrations.⁴ The Greek ambassador in Moscow was of the view that: “Hitler would probably at some date strike against the USSR. The USSR must remain to Germany a potential enemy in view of her armed strength. Germany would not like to face the next winter with the strength of the Soviet Union undiminished. It was therefore possible that, if the Germans met with strong resistance in the British Isles, they would attempt to polish off the Russian enemy before the winter and thus not leave till next year their two great enemies, Great Britain and the Soviet Union, with their strength unimpaired.” Butler reported, however, that the Greek Ambassador in London rejected the diagnosis of his colleague in Moscow, arguing that “menacing concentrations” on either side of the Soviet-German border were “more likely to be a prelude to further bargaining, and a new compact between the two powers, than to indicate an intention to enter upon hostilities.” That assertion was met with agreement from Butler, who said that the British Government “on the whole” was of the same opinion, though Butler gave a caveat: “The possibility of Germany falling upon the Soviet Union following upon a failure against the British Isles was not to be underestimated.”⁵

A particularly insightful document detailing the appraisal of Soviet-German relations by the British Embassy in Moscow centred on a letter from Cripps to Eden, dated 27 May 1941. The British ambassador began by saying that “we are completely in the dark here so far as any facts are concerned and that we have nothing really tangible by which to judge the progress...of the situation.”⁶ Perhaps, by his words, Cripps was lamenting, in a veiled manner, a failure by British intelligence to gather information, which would have thrown more light on the inner workings of the Moscow-Berlin relationship. In any case, the ambassador went on to express his view on Stalin’s mindset, something which constituted a mystery for many in Whitehall, though imperative for the purposes of determining whether the Soviet leader could, in certain circumstances, break from his pact with Hitler and enter the war on the side of Britain. Cripps wrote that the Soviet leader is not “affected by any pro-German or pro-anything feeling except for pro-Soviet and pro-Stalin.” He added that: “He is no more friendly or antagonistic to us than to Germany and he will always use any country that he can to attain his objective which is to keep out of the war as long as he can without jeopardising his regime or Soviet forces in doing so.”⁷ Such an opinion on Stalin was, in the early months of 1941, the prevalent one in Whitehall, signifying how previous views of the Soviet leader having found common cause with Hitler and how he was intent on carving up Europe with the Germans (following the conclusion of the non-aggression

³ CAB 65/57/14: 28 January 1941, meeting of ministers at the Foreign Office concerning, in part, Russian-German relations.

⁴ FO 954/11A/45: 18 March 1941, minute by R.A. Butler, Under-Secretary of State for Foreign Affairs, from his conversation with the Greek Ambassador in London.

⁵ Ibid.

⁶ FO 954/24B/304: 27 May 1941, letter from Cripps to Eden on the attitude of Stalin towards Britain and Germany.

⁷ Ibid.

agreement between Moscow and Berlin), was now a faint, though not totally dispelled, memory within the British Government. Cripps contended that there were two principal factors, which would determine whether Stalin might feel inclined to enter the war against Hitler. First, the “actual military situation and his calculation” of German power, Britain’s powers of resistance, and the strategic implications for a German attack on the USSR; and second, an appraisal of how appeasement of Berlin could endanger the future preparedness of the Soviet Union.⁸ In view of Cripps’ analysis, it can be persuasively argued that Whitehall was of the opinion that nothing short of a German invasion of the USSR would bring the Soviet Government into conflict with Hitler because (as British officials would have realised) it would have been painstakingly clear to Stalin and the rest of the Soviet leadership that German power, by May of 1941, had grown inordinately following on from Germany’s recent conquering of Yugoslavia and Greece. Furthermore, the rapid and clinical defeat inflicted on the British Army in Greece by the Wehrmacht would not have been lost on Stalin vis-à-vis Britain’s long-term ability to successfully resist the Third Reich and assist the USSR if it was engaged in a war with Germany.

Issues relating to a possible German attack on the USSR and potential UK aid to Russia in talks between Eden and Maisky

During the month of June 1941, there was a flurry of meetings between Eden and the Soviet Ambassador in London, Ivan Maisky, an anglophile which made him, in Whitehall’s eyes, someone whose word and intentions were considerably more reliable than those of his predecessors who had occupied the chief Soviet diplomatic position in Kensington Palace Gardens.

In one such meeting, on 10 June, Maisky informed Eden that, contrary to the content of the recent Radio Rome statement, there was “no military alliance” in existence between Germany and the USSR, and nor was one “contemplated”⁹. The Soviet ambassador went further and said how the Soviet and German governments were not engaged in any new political or economic agreements with one another. Upon Eden expressing a degree of surprise over the absence of any new economic negotiations in progress, Maisky said that whilst there might be “ordinary informal talks” about economic matters, there were no “large-scale negotiations for a comprehensive economic agreement.”¹⁰ Such information would have, undoubtedly, pleased the British Government as it meant that whilst there was no indication to suggest that the USSR would terminate its Non-Aggression Treaty with Germany, at the same time the relationship between Moscow and Berlin was not strengthening.

The conversation between Eden and Maisky then turned to the matter of German concentrations of troops and equipment on the Soviet frontier. The Soviet ambassador commented that his government felt “no anxiety” about those concentrations, to which the British foreign secretary responded by saying that if Germany and the USSR were to become embroiled in military hostilities with one another, then Britain would be “prepared to take what counteraction” lay in British air power by attacking “German-occupied territories in the West.” Upon hearing that comment, Maisky “nodded but made no comment.”¹¹ Here the Soviet ambassador was extremely careful to not give any impression to Eden that such offers from the British Government had been received with any degree of interest by the Soviet Government, out of fear that this could somehow be leaked and become known to Berlin thereby encouraging Germany to take military action against the USSR.

By the middle of June of 1941, the flow of reports coming into Whitehall about Wehrmacht

⁸ Ibid.

⁹ FO 954/24B/317: 10 June 1941, telegram from Eden to Lacy Baggallay, Counsellor of the British Embassy in Moscow.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

movements all along the Soviet border had increased considerably. Alarmed by that news, Eden, on 13 June, held a meeting with Maisky, who was, rather interestingly, accompanied by his Counsellor. Reports on how German military movements on the USSR's border had risen dramatically over the preceding 48 hours were discussed by the two officials. The foreign secretary explained that whilst he did not want to "prophecy" over the reason for those deployments, he wished to convey "certain obvious possibilities" about them.¹² He said: "They might be for the purpose of a war of nerves or they might be for the purpose of an attack on Russia. We did not know but HM Government were bound to consider, in the light of these very formidable concentrations, the possibility of conflict between Germany and Russia, and we thought it right to tell the Soviet Government of certain action we could take in such an eventuality, although we fully appreciated that the Soviet Government might think the eventuality most remote." Should hostilities break out between Germany and the USSR, Britain, Eden added, "should" be prepared to despatch a military mission, comprising personnel from all three services, to the Soviet Union "not because we pretended to any superiority in the art of war over Russian commanders but because it would be composed of officers who had had the most recent experience in actual conflict with the German forces. We thought that their experience would be useful."¹³ That Eden felt the need to qualify his message about the possible deployment, to the USSR, of a British military mission for practical usefulness, and not out of a sense of Anglo-Saxon superiority, was, in part, a result of how Whitehall was of the opinion that Russians suffered from an inferiority complex, especially when in front of Westerners. Hence the British Government, at a time when it was perilously isolated in Europe, did not want to be seen by Soviet officials as racially condescending and thus potentially jeopardising any possibility of the USSR and Britain fighting side-by-side against Germany.

Building on the option (in the event of a German invasion of the Soviet Union) of a British military mission being sent to the USSR, Eden said that his government "should" also be prepared, in the same circumstances, to "consider urgently with the Soviet Government Russia's economic needs" so as to help to enable the Red Army to maintain effective resistance against the Germans.¹⁴ Intriguingly, Eden chose to use the word "should", and not "would", on two occasions when informing Maisky about British measures to assist a USSR that was at war with Germany. Undoubtedly, such a choice of word would hardly have been conducive in encouraging the Soviet Government to depart from the Non-Aggression Treaty with Berlin and join Britain in an anti-Nazi coalition.

Maisky's outward opinion of a possible German attack on the USSR, and how, in Eden's words, Britain "should" be to assist the Soviet Government in such a scenario materialising, appeared to have undergone a slight change when compared to his and the British foreign secretary's previous meeting on 10 June. Rather than merely nod at the suggestion of British assistance, Maisky asked the foreign secretary whether the British Government could provide "details" about German troop movements as it would be "useful if he could have this information at an early date, either today or during the weekend, for it was always useful to check one's own reports with those of another country." The Soviet ambassador also enquired as to whether the economic help would "only be available if Russia came into conflict with Germany", to which Eden answered: "This could clearly only be given at the expense of our own war effort. While we would be willing to attempt to do this if Germany and Russia were in conflict, no similar effort could be expected of a nation at war towards a nation that was neutral." Furthermore, Maisky referred Eden to their previous aforementioned meeting where the latter had proposed British military action against Germany in the event of a German-Soviet conflict; Eden replied

¹² FO 954/24B/318: 13 June 1941, telegram from Eden to Baggallay in the British Embassy in Moscow.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

by affirming what he has previously told Maisky: “I replied that I thought that it might be possible to take some air action from this country against enemy-occupied territory and that this would be examined.”¹⁵ Again, at a time when Maisky and, indeed, many other Soviet officials were becomingly increasingly apprehensive about a possible German-Soviet conflict, Eden’s use of the words “might be possible” to launch British air attacks against German-occupied Europe would hardly have inspired confidence in the Soviet Government about the benefits accruing to them from an Anglo-Soviet alliance.

However, Maisky, during the meeting, was consistent in that he dismissed the possibility of a German invasion of the Soviet Union, arguing that the British Government had “exaggerated” the concentrations of German forces along the Soviet frontier and that, instead, reports of these concentrations were “part of a war of nerves.” Eden, it would appear, was frustrated; he said: “He [Maisky] thought that the kind of message I had given him would pre-suppose intimate collaboration between our two Governments. Did I feel that any such conditions of collaboration existed? He himself thought that his Government would have been likely to have received this message more favourably had it been accompanied by action on our part now showing that we desired more friendly relations with the Soviet. I replied that we are dealing with a situation, which, according to our information, was one of the utmost urgency. There were two courses open to us, either to say nothing to the Soviet Government unless the eventuality we foresaw was actually realised and hostilities began, or to show them in advance in all frankness what our attitude would be. We thought that the latter was the fairer course, though we realised the Soviet Government might not agree with our diagnosis of the danger for them.”¹⁶ It was evidently clear that whilst the Soviet Government was prepared, in private, to listen to British proposals on how Britain could assist the USSR in a war with Germany, Soviet officials, nevertheless, expected and wanted these proposals to be accompanied with substance.

Reflecting on his meeting with Maisky, Eden remarked on how “stiff” the discussion had been, which, he said, could have been partly due to the presence, throughout, of the Counsellor of the Soviet Embassy. The foreign secretary noted that both Maisky and the Counsellor had known that “I should have preferred to see the Ambassador alone.”¹⁷ With reports reaching Stalin, including from highly trusted Soviet agents abroad, of an impending German attack on the USSR, combined with his profound fear of how any word spoken or measure undertaken by his government could provoke a German military onslaught against his country, the Soviet leader would have sought to ensure that his ambassador in Britain be deterred from saying anything controversial in conversations with the British authorities. If leaked, the information could have been either construed by Berlin as anti-German and evidence of the USSR preparing to enter into an alliance with Britain, thereby warranting German military action against the Soviet Union, or simply used as a pretext by the German Government to wage war against the USSR. That deterrent would have taken the form of the Counsellor of the Soviet Embassy in London accompanying Maisky to meetings with British officials because, invariably, Soviet counsellors were, in fact, intelligence officers. As a matter of fact, the counsellor who accompanied Maisky to his meeting with Eden was Kirill Vasilevich Novikov, whom Eden had referred to as a “Kremlin watch-dog upon Maisky.”¹⁸

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ The Maisky Diaries: Red Ambassador to the Court of St James’s, 1932-1943 (Yale, Yale University Press, 2015), p. 339. Novikov Kirill Vasilyevich (1905-1983) in 1931 graduated from the All-Union Boiler-Turbine Institute, then was its director of the evening department. In 1933-1934, held the same positions at the Leningrad Electromechanical Institute, then acting director of the Leningrad Industrial Institute (Kirill Vasilyevich Novikov. <https://www.spbstu.ru/university/about-the-university/history/rectors/novikov/>). In 1937-1940 - Chairman of the Technical Council of the People's Commissariat of Heavy Industry. Since 1940, N. was in diplomatic work: in 1940-1942, counsellor to the USSR Plenipotentiary Mission in London, in 1942, accompanied W. Churchill on his trip to Moscow; in 1942-1947, N. was

Evaluation in the Foreign Office of Russia's position on the Balkans, Turkey and Iran

Concurrent with assessments, in the run up to Operation Barbarossa, about the Soviet Government's relationship with Germany, were discussions over Moscow's position on the Balkans, Turkey and Iran. Whilst, at the beginning of 1941, Romania was an Axis power and had Wehrmacht divisions stationed on its territory, Yugoslavia, Bulgaria, Turkey and Iran had all proclaimed neutrality, though the Germans were wooing these four countries, something that was to the consternation of both Britain and the Soviet Union. Statements by, and conversations with, the Soviet Ambassador to Berlin, Vladimir Dekanozov (who had previously served as Deputy Commissar for Foreign Affairs, as well as having held prominent roles in the Soviet security apparatus, including head of the foreign intelligence and counterintelligence sections of the People's Commissariat for Internal Affairs), were valued highly by British officials in their assessments of the Soviet Government's relationships with Balkan countries, Turkey and Iran.

Cripps, in January of 1941, referred to a conversation between Dekanozov and the Turkish Ambassador in Berlin as the "most authoritative statement" of Moscow's attitude towards the Balkans.¹⁹ The British ambassador, citing the conversation with Dekanozov, as well as a statement by him, laid out the Soviet stance on Bulgaria: "The Soviet Government have no fear of any attack except from Turkish or Iranian territory... If Germany passes through Bulgaria with or without the consent of the Bulgars Russia will do nothing, and will treat that occupation in exactly the same way as she treated the German occupation of Roumania. The Soviet Government interests itself in these events but will under no circumstances risk an armed conflict with Germany over them. This attitude, I assume, must be known to Germany, though perhaps not in such express terms, and therefore Germany can disregard Russian foreign policy in the Balkans so far as any fear of actual opposition is concerned." Cripps asserted that, in the light of Dekanozov's statement about Moscow fearing only an attack from Turkey or Iran, this illustrates the "wisdom of the German propaganda as to the danger of a British landing in the Balkans and the need for action in such an event." The British ambassador then drew the conclusion that, in the event of a German penetration of the Balkans, Moscow will "remain completely passive", while using this as a window of opportunity to exert "pressure upon an enfeebled Turkey and an Iran deprived of any effective assistance from Turkey"²⁰. Present in the minds of British officials such as Cripps was the traditional view of Whitehall that perceived Russian expansionism involved Moscow annexing areas of both Turkey and Iran.

In summing up his diagnosis as regards the USSR's relations with Turkey and Iran, Cripps argued that the Russians "must be regarded as a potential enemy" to both countries but not in terms of the Soviet Union carrying out a military attack on either. The British ambassador explained that the possible danger of the Soviet Government to Turkey and Iran lay with Moscow making claims upon both in the event of Ankara and Tehran becoming weakened. If the Turks and the Iranians were to resist such Soviet claims, Cripps said that the Soviet Government "might

head of the 2nd European Department of the NKID of the USSR. As General Secretary of the Soviet delegation, N. participated in the Yalta Conference (1944) and the San-Francisco Conference (1945), where N. and other members of the delegation signed the UN Charter on behalf of the USSR. N. was member of the USSR delegation to the Potsdam Conference (1945). For his work during the war, N. was awarded the Order of the Red Banner of Labor in 1944 and the Order of Lenin in 1945. In 1947-1953 - Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the USSR to India, in 1953-1964 - Head of the Department of Southeast Asian Countries. In 1964-1974 — Head of the Department of International Organizations of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR, member of the Board of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR. See: Ambassador Kirill Vasilyevich Novikov (1905–1983) // "Mezhdunarodnaya zhizn" [International Affairs], 2002, No4, pp. 102-112. [footnote by the Editor]

¹⁹ FO 954/24B/270: 26 January 1941, Cripps telegram on the Soviet Union's position on the Balkans, Turkey and Iran.

²⁰ Ibid.

well go so far as to enforce their claims by an ultimatum and even war”²¹. Again, the traditional view of British officials that Moscow sought territorial expansion at the expense of Turkey and Iran was clear in Cripps’ assertion; as such, this perception did not bode well for any prospect of the Soviet Government terminating the Non-Aggression Treaty with Germany and declaring war on Berlin.

During a meeting of ministers in January, which included, amongst others, Eden and the Minister for Economic Warfare, Hugh Dalton, the view was put forward that the policy of the Soviet Government was “governed by fear”, with the result that whilst the Russians disapproved of the possibility of Germany penetrating the Balkans, nonetheless, the Soviet leadership would not adopt any policy which could provoke a clash with Germany.²² The ministers were then informed of the opinion of the Russian Military Attaché in Ankara who had recently stated that: “If war breaks out between Germany and Turkey, Russia would preserve a benevolent neutrality towards Turkey.” According to those present at the meeting, such a scenario was the “best that we could hope for.”²³ Undoubtedly in the minds of many British officials was the nightmarish scenario in which Germany would attack Turkey from the West, while the USSR would invade Turkey from the East, replicating what Berlin and Moscow had carried out in Poland, in September of 1939. Thus, a Soviet Union remaining neutral in the event of a German war with Turkey was most certainly the best course of development that Britain could have hoped for.

Discussions about Iran heavily centred on the implications for the Soviet oilfields in Baku, in the event of the Iranians falling under Germany hegemony. In a letter to Eden, from May of 1941, Cripps wrote that Baku is “fairly well placed against a German attack” because of its distance from the frontier and could “only be reached after a considerable Russian defeat.”²⁴ The British ambassador noted that whilst Baku is “essential not only to the fighting forces but to the economic life of Russia”, Germany could not “afford to destroy” the oilfields there, owing to the limited amounts of oil at Berlin’s disposal. However, Cripps said that if the oil wells or Iraq or Iran were to be in Germany’s possession, then the Germans could “afford to attack and destroy Baku.” He added that: “The advance of Germany into Iraq or Iran creates a completely new and much more dangerous problem for Russia and one that, as far as I can see, can only be dealt with either by war or by some appeasement. Clearly the Soviet Government will not go to war in the present circumstances, it must therefore be prepared for some appeasement which may create a situation in the future which will at least give a possibility of defending Baku against a German attack or of getting some alternative sources of oil supply. Once Stalin either accepts the entry of Germany into the Near East as inevitable, or it becomes a *fait accompli*, it seems to me that he must for his own preservation try and arrive at some sort of partition which will keep the Germans as far from Baku as possible.” Cripps concluded by opining that he had “little doubt” Stalin would prefer Britain to remain in control of the Iraq oil wells but that also the Soviet leader was not “in the position and has not the wish to take any action to attack us in maintaining that control.”²⁵

The history of relations between the USSR and Britain had been marked, since their birth, by mutual suspicion and hostility, as, indeed, relations had been, over centuries, between Imperial Russia and Britain, though the Bolshevik Revolution had marked a decisive turning-point in ties between Moscow and London because, along with its traditional dimension, the perceived Russian threat was now held by British policy-makers to contain an ideological element that was believed to undermine the British Empire, or even Britain itself, from within. However, with Britain, in

²¹ Ibid.

²² CAB 65/57/14: 31 January 1941, meeting of ministers regarding, in part, the position of the Soviet Union on the Balkans and Turkey.

²³ Ibid.

²⁴ FO 954/24B/304: 27 May 1941, letter from Cripps to Eden.

²⁵ Ibid.

1941, facing Germany alone, following the German conquest of France and the Low Countries in the summer of 1940, Whitehall needed to ascertain the stance of the Soviet Government on its British counterpart as part of London's endeavour to gain insight into whether the USSR could be persuaded to join Britain in an anti-Hitler coalition.

In a telegram to Eden, from January of 1941, Cripps commented extensively on the Soviet Union's attitude towards Britain. The British ambassador cited Finland and the Black Sea region as constituting the only two areas where the "Soviet Government anticipates any direct contact with Great Britain."²⁶ Concerning Finland, a country, which was, at the time, maintaining close relations with Germany, Cripps noted that the Soviet Government "will do their utmost to diminish British influence in Finland and to create friction between the two countries." And in regard to the Black Sea region, Cripps opined that Moscow perceived "Turkey and Iran as both sufficiently closely in contact with Great Britain to provide possible bases for an attack, and in addition they are fully conscious of the influence of British naval power upon the control of the Dardanelles." Furthermore, the Soviet Government's policy towards the Balkans, Cripps wrote, contained a "definite anti-British element."²⁷

On UK sanctions on the USSR and the US factor in Russia-Germany relations

On the matter of the Baltic States, which the Soviet Government had incorporated into the USSR in June of 1940, while Hitler had been preoccupied with conquering France, and regarding the eastern part of Poland (which the Soviet Government had acquired in September of 1939 together with Bessarabia and Northern Bukovina, which Moscow had obtained from Romania from June to July of 1940), Cripps wrote how these, despite being areas of disagreement between Moscow and London, were "fait accomplis". He elaborated: "Unless His Majesty's Government are prepared to adopt the same attitude as the German Government there is little or no likelihood of any settlement being arrived at before the eventual peace negotiations. It is possible that some temporary way out might be found but this is unlikely unless the economic considerations are strong enough to force the Soviet Government into a settlement."²⁸ Here Cripps was implying that the British Government could resort to economic sanctions as a way of coercing the USSR to adopt a different and more productive approach to Britain, which could only be to the detriment of the Soviet Union's Non-Aggression Treaty with Germany.

Certain diplomats in the Northern Department, such as its long-serving head, Laurence Collier, were hopeful that Stalin could be persuaded that it was in the security interests of the USSR to gravitate towards Britain. In a blow to those diplomats in Whitehall, Cripps sounded a sombre note: "It must never be forgotten that the whole history of Anglo-Soviet relations leads to a continued and bitter hostility against Great Britain, and that this hostility is unlikely to disappear unless some very visible signs of accomplished facts convince the Soviet Government of a change of attitude. This is why they have attached great importance to the questions arising out of their occupation of the Baltic States."²⁹ The status of the Baltic States was and would remain during the war years and, indeed, in a post-war world, a bugbear for Anglo-Soviet relations. Had London recognised the USSR's acquisition of Estonia, Latvia and Lithuania, in 1940, then this arguably would have left a profoundly positive impression on Stalin, demonstrating Britain's commitment to the Soviet Government in relation to Germany. But, unlike for Berlin, London refused to recognise the Baltic States as part of the USSR - and, indeed, never would - and this

²⁶ FO 954/24B/270: 26 January 1941, telegram from Cripps to Eden detailing the Soviet Union's relationship with Britain.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

served only to reinforce Soviet distrust of the British while, simultaneously, giving Moscow little incentive but to remain a party to the Non-Aggression Treaty with Germany.

Cripps returned to his earlier reference of Britain employing its economic prowess to obtain from the USSR what political measures might not be able to. The British ambassador commented on how the Soviet Union was in short supply of certain commodities which the country “requires badly” though “how badly it is impossible to estimate.” Cripps averred that rubber and tin are two resources which the Soviet Government was most likely to be in urgent need of and that Britain could exploit this vulnerability: “According to the degree to which they find it impossible to get them elsewhere they will be driven to try and obtain them from us.” Citing the economic sanctions which the British Government had, by this time, already imposed on the USSR, as a result of materials which the Soviet Government was delivering to Germany, as part of the Non-Aggression Treaty between Moscow and Berlin, the British ambassador argued that these should continue because they “no doubt” have some degree of impact on the Soviet Union.³⁰

According to Cripps, another potential means for Britain to exploit, so as to exert further economic pressure on the Soviet Government, revolved around the USSR’s relationship with America. The British ambassador noted that the Soviet Union’s attitude to America “has always been a sentimental and economic one rather than a political one” and that the Russians “have an immense admiration of the magnitude of American production.”³¹ Cripps highlighted how there were numerous products which the Soviet Government required and how they would endeavour to acquire these from America, which “is now practically the only source for machinery other than Germany.” Thus, the British ambassador contended that because the USSR regarded Britain as “allied” to America and hence “politically and economically associated” with the Americans, Soviet actions “vis-à-vis Great Britain might have an effect upon their relations with the United States of America.” Cripps then proceeded to analyse the Soviet “state of mind” in the context of America by arguing that this “makes it all the more essential that we should now closely relate our policies with the United States in the Far East and so far as the Soviet Government is concerned. I do not mean by this that we should necessarily adopt the same policies at all times, since our circumstances differ largely, but that we should work in the same and not in different directions.”³² In effect, Cripps was contending that by London and Washington adding further momentum to harmonising their political, economic and military policies, this would compel the Soviet Government to take a more flexible approach towards Britain, which, in turn, could help to draw Stalin away from his Non-Aggression Treaty with Hitler.

Cripps continued with his line of contention regarding the potential benefits accruing for Britain, in relation to the USSR, by London and Washington co-ordinating their policies more closely with one another. He commented that: “Given that it is right, as I believe it to be, for His Majesty’s Government to exert economic pressure on the Soviet Government to change their political outlook, then I think the United States should join effectively in that pressure and should let it be known that in fact the action is a joint action, and that an improvement in Soviet-United States actions is conditional upon a more friendly attitude being adopted vis-à-vis Great Britain.”³³ Accordingly, it can be said that Cripps was urging the British Government to utilise its position as the hub of the Anglo-Saxon world in order to maximise pressure on the Soviet Union as a way to undermine Stalin and Hitler’s Non-Aggression Treaty.

That economics was the most powerful and effective tool at the British Government’s disposal in bringing about a change of policy on behalf of the Soviet Government, in relation to Britain, was clear in Cripps’ mind. He wrote that: “I do not imagine myself that any quick reaction will be obtained to our present [economic] pressure which cannot from the nature of things be very

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Ibid.

strong. I am however of the opinion that it will gradually have its effect and that sooner or later we shall have the opportunity of re-opening the question of Anglo-Soviet relations upon the basis of their economic needs. This will be all the more likely if we can concert our action with the United States of America.” But the British ambassador warned that such action could have a negative, albeit limited, effect on relations between London and Moscow. He argued that, in a scenario where London and Washington acted in economic unison against the Soviet Government, it would be “quite likely that our relations [with the USSR] will deteriorate.” He explained that: “I have little doubt that in the first instance the Soviet Government will attack us violently for our action in stopping their cargoes etc. They would not however carry this protest so far as to interrupt relations, in my belief, as they do not want to antagonise His Majesty’s Government too far in view of a possible British success and the danger of an eventual anti-Soviet bloc of all countries arising as a sequel to the peace.”³⁴

Operation Barbarossa commences, UK reacts

Despite the aspirations and attempts of the British Government to enlist the Soviet Union in an anti-Nazi coalition with itself, Stalin remained profoundly suspicious of British overtures, while his hostility towards Britain remained entrenched, not to mention his profound fear of Germany. The Soviet leader ardently and uncompromisingly kept to his policy of avoiding a military conflict with Hitler, thereby keeping the USSR out of the war. But all of that was to change when, at 3:15am, on Sunday 22 June 1941, Hitler ordered the commencement of Operation Barbarossa, the German invasion of the USSR, which constituted, and still does to this present-day, the largest land invasion in the history of warfare, as three and a half million German soldiers, supported by two million soldiers from the Axis countries of Hungary, Romania and Italy, poured across the Soviet frontier. Accordingly, Britain was now no longer facing Germany on its own and was all but assured of having the USSR as a partner against Hitler. The time for a British-Soviet coalition had thus arrived.

Winston Churchill, an avid opponent of Bolshevism, also harboured racial prejudices about Russians, as well as the view that Russia, historically, constituted a menace to Western civilisation, all, of which, were deeply imbedded in the British official mind. But on the day of the German invasion of the Soviet Union, Prime Minister Churchill spoke before the House of Commons and declared that Britain would fight shoulder-to-shoulder with the USSR and assist the Soviet Government, however the British Government could, in the Red Army’s gigantic clash with the Wehrmacht.

In a telegram to Stalin, dated 7 July 1941, Churchill expressed great admiration for Red Army resistance against the Germans, and detailed the assistance which Britain was undertaking - and would be undertaking - to help to relieve the pressure on the Soviet Union from the German onslaught. The British prime minister wrote that:

“We are all so very glad here the Russian armies are making such strong and spirited resistance to the utterly unprovoked and merciless invasion of the Nazis. There is general admiration of the bravery and tenacity of the soldiers and people. We shall do everything to help you that time, geography and our growing resources allow. The longer the war lasts the more help we can give. We are making very heavy attacks both by day and night with our Air Force upon all German occupied territory and all Germany within our reach. About 400 daylight sorties were made overseas yesterday. On Saturday night over 200 heavy bombers attacked German towns, some carrying three tons apiece, and last night nearly 250 heavy bombers were operating. This will go on. Thus we hope to force Hitler to bring back some of his Air power to the West and gradually take some of the strain off you. Besides this the Admiralty have at my desire prepared

³⁴ Ibid.

a serious operation to come off in the near future in the Arctic, after which I hope contact will be established between British and Russian Navies. Meanwhile by sweeps along the Norwegian coast we have intercepted various supply ships which were moving north against you. We welcome arrival of Russian Military Mission in order to concert future plans. We have only got to go on fighting to beat the life out of these villains.”³⁵

Churchill’s claim that the Royal Air Force was carrying out bombing missions against “all German occupied territory” was an exaggeration but one, nonetheless, designed to demonstrate to Stalin the British Government’s ‘sincerity’ and ‘ability’ about fighting alongside with, and aiding as much as it possibly could, the USSR.

The theme of demonstrating British ‘sincerity’ to the Soviet Union was present in another telegram from Churchill to Stalin, dated 25 July, 1941, in which the British prime minister said that the War Cabinet had decided to despatch 200 Tomahawk Fighter Aeroplanes to the USSR “in spite of the fact that this will seriously deplete our fighter aircraft resources.”³⁶ Churchill also informed the Soviet leader that other war materials had been assigned for the Soviet Union: “Up to three million pairs of ankle boots should shortly be available in this country for shipment. We are also arranging to provide during the present year large quantities of rubber, tin, wool and woollen cloth, jute, lead and shellac. All your other requirements from raw materials are receiving careful consideration. Where supplies are impossible or limited from here we are discussing with the United States of America.”³⁷

The subject matter of the Tomahawk aircraft was raised by an anxious Maisky in a meeting with Eden, on the same date as the aforementioned telegram from Churchill to Stalin, namely, 25 July. The Soviet ambassador said that the Soviet Government understood that Britain had 700 Tomahawks stationed in the Middle East and that the Soviet authorities would be “very grateful” if a portion of these could be despatched to the USSR, via the Caucasus.³⁸ Eden recalled how Maisky had informed him that though the Soviet Army was “holding its own”, the losses of the Soviet Air Force had been “heavy”. The British foreign secretary responded to Maisky’s claim about the Tomahawks by saying that it must be “erroneous” and so he telephoned the Secretary of State for Air who said that “the figure of 700 must be that of the total order for Tomahawks which we had placed in America for the Middle East. Only a small proportion of these had so far arrived, more were on their way, but the total of 700 included the 200 which we had already undertaken to make available to the Soviet Government. “Upon hearing the Secretary of State for Air’s response, Maisky, according to Eden, was “very little comforted.”³⁹ Soviet suspicion over the ‘sincerity’ of British pronouncements in wanting to help relieve the Red Army of the tremendous strain that it was enduring at the hands of the Wehrmacht would be a common theme during the war years, manifesting itself, most prominently of all, by Soviet misgivings about the absence of a Second Front in Western Europe in both 1942 and 1943.

Soviet scepticism towards British ‘goodwill’ was not necessarily unfounded, as a telegram from the British Ambassador to Turkey, Sir Hughe Knatchbull-Hugessen, demonstrated. Dated 22 June 1941, the day of Operation Barbarossa, the ambassador detailed the content of a conversation he had had with the Turkish Minister for Foreign Affairs who had spoken with the German Ambassador to Turkey in the hours after the German invasion of the USSR. The German diplomat asked the Turkish minister to convey a message to London that “Great Britain and the United States should be in no hurry to associate themselves with the Union of Soviet Socialist Republics in this new situation.”⁴⁰ Rather significantly, Knatchbull-Hugessen enquired

³⁵ FO 954/24B/336: 7 July 1941, telegram from Winston Churchill to Josef Stalin.

³⁶ FO 954/24B/353: 25 July 1941, telegram from Churchill to Stalin.

³⁷ Ibid.

³⁸ FO 954/3A/3: 25 July 1941, telegram from Eden to Cripps.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ FO 954/28A/128: 22 June 1941, telegram from the British Ambassador to Turkey, Sir Hughe Knatchbull-Hugessen, to the Foreign Office.

with the Turkish minister as to whether the German ambassador had “proposed any reward to Great Britain and the United States for their proposed abstention” to which the latter replied in the “negative” but said that the reward could be that Britain would be “given a free hand in the western part of Europe while Germany had a free hand in the eastern part.”⁴¹ It is the case that throughout the war, there were some British officials, especially in the military, who harboured such ill-feelings about the Soviet Union that they were hoping for a German victory on the Russian Front. One such case would concern two British military intelligence officers by the names of Major Tamplin and Captain Sillem who, in December of 1941, were regarded by the new head of the Northern Department, Christopher Warner, as “so anti-Russian as to be dangerous.”⁴² Victor Cavendish-Bentinck, of the Foreign Office Services Liaison Department and who chaired the Joint Intelligence Committee, would also express concern over Tamplin and Sillem: “Whenever the Russians achieve some success...these officers become plunged in doom. A Russian defeat fills them with joy.”⁴³ Furthermore, Cavendish-Bentinck would turn his attention to the War Office, regarding this as overwhelmingly anti-Russian: “I have a feeling that our War Office regard Russian officers as not being nice people to associate with.”⁴⁴

Another demonstration of the concern that some British officials felt about Britain fighting alongside the Soviet Union, came in the form of a telegram to Eden from Sir Samuel Hoare, the British Ambassador to Spain, on 2 July, 1941. Hoare began by saying that he was of the view that, by invading the USSR, Hitler had made a “strategic mistake and has given us an advantage that, though it may not show itself in the immediate future, will have a definite effect in expediting our victory.”⁴⁵ However, the British ambassador averred that the effect in Spain of the German invasion of the Soviet Union, and the subsequent association of Britain with the USSR, had constituted a “definite setback for us and an increase in our dangers and troubles.” Hoare elaborated: “No one who has not lived for some time in Spain can imagine the hatred of the Russians. There is scarcely a Spaniard out of prison who does not pray for their destruction. The result is that whatever we may say about Hitler’s real motives and the treachery of his record, the whole of Spain regards him at the moment as a providential deliverer of the world from the Red Anti-Christ. We must therefore expect thousands of Spaniards to enlist for service against Russia. And we must resign ourselves to a period in which we shall lose influence by our association with Russia. It may be that this situation will pass, or at least become less inflammable. For the moment, however, we must treat it with great caution and do nothing to make it worse.”⁴⁶ Further to that, the British ambassador suggested that it would be “highly dangerous” for the British Government to make any “formal protest” against the recruiting of Spaniards for the Russian Front.⁴⁷

Hoare ended his telegram by saying that now the USSR had entered the war against Hitler, Britain’s “main objective must be to given them as much help as ever we can.” However, the British ambassador urged Eden to “keep in mind the delicacy of the situation in the Peninsula ... and continue to maintain the line that Winston and you have already set to the country, namely that our military cooperation does not mean an alliance, still less does it mean any sympathy with communism.”⁴⁸ Thus, the British Government was looking to a post-war world in which its influence in Spain would be preserved.

From the beginning of 1941 until the start of Operation Barbarossa, the British Government continued, though with increased urgency, its endeavour to ascertain whether the USSR could

⁴¹ Ibid.

⁴² FO 371/29501/N 7081: 3 December 1941, minutes by Christopher Warner, Head of the Northern Department, and Victor Cavendish-Bentinck, Foreign Office Services Liaison Department and Chair of the Joint Intelligence Committee.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ FO 954/27A/170: 2 July 1941, telegram from the British Ambassador to Spain, Sir Samuel Hoare, to Eden.

⁴⁶ Ibid.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

be persuaded to enlist itself with Britain in an anti-Hitler coalition. So despairing was the British Government over facing the Third Reich alone that Whitehall was prepared to enter into an alliance with the USSR, a country which many British policy-makers considered to be not just a threat to Britain but to the British Empire as a whole. As the British Chiefs of Staff had warned in 1926: “The present policy of Soviet Russia towards India is identical with that adopted in the past by Imperial Russia. The methods of the Soviet are...more insidious, more intangible, and, therefore...more dangerous than those employed by their predecessors in the past.”⁴⁹

What British officials reported, indeed, lamented, in the lead up to the German invasion of the USSR, was that the Soviet Government’s fear of war with Germany, together with Stalin’s distrust of, and hostility towards, Britain, meant that Whitehall’s hopes of Moscow abandoning its Non-Aggression Treaty with Berlin and joining forces with London would be without success. Ironically, the frustration felt by Whitehall over the failure to secure an alliance with the USSR in the period between January to June of 1941, paralleled the frustration which the Soviet Government had felt when it sought, but to no avail, collective security with Britain and France in the mid and late 1930s to try and deter Hitler from territorial expansionism. It was during those years that war could have been averted if Britain, France and the Soviet Union had established a military alliance with one another. However, by 1941, not only was war underway but Germany, buoyed on by its rapid conquest of the European mainland, had developed an insatiable appetite for further territorial expansion.

Accordingly, it is arguable that the die for war was cast when Britain and France shunned the Soviet Union’s quest for collective security and, instead, chose to sign individual agreements with Berlin, as well as pursue a policy of appeasement towards Hitler. That decision of London and Paris would have catastrophic consequences for Europe and in particular the Soviet people.

Информация об авторе

Пападопулос Маркус, доктор (PhD) (русская история, Университет Ройал Холлоуэй, Университет Лондона); автор книги “*Arise, Rossiya: The Return of Russia to World Politics*”; публицист, издатель, редактор журнала “*Politics First*”; член галереи для прессы британского парламента. E-mail: editor@firstpublishing.org

About the author

Marcus Papadopoulos, PhD (Russian History, Royal Holloway, University of London); Author of *Arise, Rossiya: The Return of Russia to World Politics*; Broadcaster; Publisher and Editor of *Politics First*; and member of the Parliamentary Press Gallery of the United Kingdom. E-mail: editor@firstpublishing.org

Статья поступила в редакцию / Received: 28.05.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 04.06.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

⁴⁹ CAB 53/12/COS 45: 12 July 1926, report by the British Chiefs of Staff. See also: CAB 16/83: 25 March 1927, statement by the Chief of the Imperial General Staff, General Sir George Milne.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

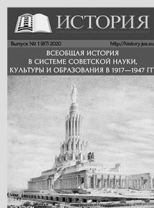
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

